

Федеральное бюджетное учреждение
«Научный центр правовой информации
при Министерстве юстиции России»

МОНИТОРИНГ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

MONITORING OF LAW ENFORCEMENT

№4–2013

- Мониторинг практики исполнения решений Конституционного Суда России
- Уголовно-правовая практика: проблемы и решения
- Внутренняя политика регионов: перспективы Ульяновской области

Москва, 2013

Мониторинг правоприменения

Периодическое печатное издание
Выходит 4 раза в год

Редакционный Совет:

*Астанин В.В., д.ю.н., профессор (Главный научный редактор,
председатель редакционного Совета)*

Захарцев С.И., д.ю.н.

Карицхия А.А., к.ю.н., профессор

Леонтьев Б.Б. д.э.н., профессор

Макаренко Г.И. (Главный редактор)

Сергин М.Ю., д.т.н., профессор

Павленко П.А.

Федичев А.В., к. т. н., доцент

Чумаков А.В., к. ю. н.

Иностранные члены Совета:

Драго Кос, профессор (Словения)

Задорожний А.В., к.ю.н., профессор (Украина)

Павел Штурма (Pavel Šturma) д.ю.н., профессор (Чехия)

Редакционная коллегия:

Астанин В.В., д.ю.н., профессор (Главный научный редактор)

Галатонов Т.В.

Горбачева Е.В. (литературный редактор)

Макаренко Г.И. (Главный редактор)

Матвиенко Ю.В., к.м.н.

Сергин М.Ю., д.т.н., профессор

Журнал является междисциплинарным – охватывает области знания:

- Юриспруденция
- Государственное и муниципальное управление
- Международные отношения
- Политология
- Экономика (управленческий и юридический аспекты)
- Бизнес и правоприменение

.....
**Журнал является подписным. На 2014 год можно подписаться
по объединенному каталогу «Пресса России» или направив письмо в редакцию.**

Индекс подписки: 44740.

Контакты: E-mail: monitorlaw@ya.ru

телефон: +7495-539-2314 (15-17 час)

.....

СОДЕРЖАНИЕ

Ястребов Владислав Борисович

Мониторинг практики исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации, относящихся к сфере уголовного судопроизводства 4

Ерохина Юлия Владимировна

Проблемы определения субъекта коррупционных правонарушений в государствах-участниках СНГ 13

Роговая Анастасия Владимировна

Вопросы реализации Концепции взаимодействия органов государственной власти, органов местного самоуправления и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции 21

Филиппова Ольга Владимировна

Уголовно-правовое регулирование конфискации имущества в современной России 29

Защитин Александр Михайлович

Особенности организации осмотра места происшествия при расследовании преступлений, совершенных с применением взрывчатых веществ и взрывных устройств 40

Пермяков Максим Владимирович

Проблемы к валификации незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 51

Танимов Олег Владимирович, Ендро Елизавета Николаевна,

Перспективы внутренней политики Ульяновской области 59

Савичев Алексей Аркадьевич,

Правовое положение генерал-губернаторов в системе управления городов Российской Империи во второй половине XIX века (на примере города Москвы) 64

Питикин Руслан Алексеевич,

Понятие подлога: законодательный и доктринальный подходы 68

Сведения об авторах 73

Information on the Authors. 74

Abstracts and Keywords 75

ЯСТРЕБОВ Владислав Борисович,
доктор юридических наук, профессор, г.Москва
E-mail: 18031937@rambler.ru

Мониторинг практики исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации, относящихся к сфере уголовного судопроизводства

В статье на основе анализа результатов мониторинга практики исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации, относящихся к сфере уголовного судопроизводства, освещаются роль и значение деятельности высшего судебного органа конституционного контроля в укреплении конституционной законности, обеспечении верховенства закона, защиты прав и свобод участников уголовного процесса, интересов общества и государства показана конструктивная роль мониторинга исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации в выявлении и мобилизации резервов повышения эффективности их влияния на состояние борьбы с преступностью, воздействия на правовую ситуацию в стране в целом, излагаются соображения о возможностях совершенствования правотворческой и правоприменительной деятельности, связанной с решениями Конституционного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: конституционный контроль, конституционная законность, уголовное судопроизводство, мониторинг, уголовно-процессуальный закон.

Как высший судебный орган конституционного контроля (такая характеристика сохранилась в первом законе о Конституционном Суде РСФСР 1991 г. и ее можно считать вполне соответствующей статусу Конституционного Суда в современных условиях) Конституционный Суд Российской Федерации осуществляет активную деятельность по защите основ конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина, обеспечению верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации. С учреждением Конституционного Суда Российской Федерации, связано последовательное укрепление позиций конституционной законности в общегосударственном масштабе. Практика Конституционного Суда Российской Федерации, охраняя чистоту конституционно-правового поля, оказывает существенное влияние на все стороны жизни общества и государства, формирует особый стиль правового мышления, способствует утверждению атмосферы взаимной ответственности в выполнении обязательств государства перед гражданами и граждан перед государством.

Решения Конституционного Суда Российской Федерации занимают ключевое место в механизме жизнеобеспечения правовой системы Российской Федерации. По своей юридической силе рядом специалистов они приравниваются к Конституции Российской Федерации¹.

Как представляется, не все и не в полном объеме решения Конституционного Суда Российской Федерации могут претендовать на признание за ними такого статусного качества. Тем не менее, нельзя отрицать их действительно приоритетное место в иерархии правовых актов, исходя из того, что в силу своей конституционно – правовой природы решения Конституционного Суда подлежат безусловному и безоговорочному исполнению. Однако сам по себе высокий ранг решений Конституционного Суда Россий-

¹ См.: Витрук Н.В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие, природа, юридическая сила и значение // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. , 1999, № 3(28), с.99., Страшун Б. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник права // Конституционное правосудие, 4(14) 2001- 1.(15) 2002, с. 165 и др.

ской Федерации, как свидетельствует практика, не является гарантией повсеместного утверждения должного отношения к ним.

Необходимость повышения эффективности решений Конституционного Суда, их влияния на правовую действительность обусловили организацию мониторинга их исполнения, учрежденного Указом Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации». В соответствии с данным актом и утвержденным им «Положением о мониторинге правоприменения» осуществляемый в целях выполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации мониторинг относится к компетенции Министерства юстиции Российской Федерации, которое проводит масштабную работу по его эффективному осуществлению. По своей сущности и назначению мониторинг представляет собой актуальную и, в большей части, сложную комплексную плановую деятельность по сбору, обобщению, анализу и оценке информации, обеспечивающую принятие решений по изданию, изменению или признанию утратившими силу законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в связи с решениями Конституционного Суда Российской Федерации.

Характеризуя значение мониторинга исполнения решений Конституционного Суда, необходимо отметить, что это в первую очередь фундаментальная форма контроля за деятельностью большого числа государственных органов и негосударственных структур, для укрепления законности в деятельности которых правовые позиции и выводы Конституционного Суда имеют руководящее значение. Мониторингу исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации принадлежит ответственная роль проводника конституционных идей в системе органов государственной власти и местного самоуправления. От результативности мониторинга в значительной мере зависит качество правотворческой деятельности федеральных и региональных органов власти, охватывающей все виды нормативных правовых актов. Наконец, мониторинг исполнения решений Конституционного Суда выступает действенным средством сохранения оптимального режима взаимоотношений между судебной и другими ветвями государственной власти.

Получение объективного представления о состоянии исполнительской дисциплины, свя-

занной с решениями судебного органа конституционного контроля России – дело не простое. Оно требует углубленного изучения материалов, характеризующих как текущий мониторинг, распространяющийся на все принятые Конституционным Судом Российской Федерации за время его деятельности решения, так и оперативный, охватывающий решения последнего календарного года². В качестве задач такого изучения могут быть названы: характеристика современной организации мониторинга исполнения решений Конституционного Суда, установление причин их ненадлежащего исполнения, разработка предложений по совершенствованию практики исполнения решений Конституционного Суда на основании результатов мониторинга, его организационно-методического обеспечения.

В гносеологическом отношении одной из главных предпосылок обеспечения действенного мониторинга выполнения решений Конституционного Суда является знание закономерностей, лежащих в основе формирования и условий реализации устанавливаемых Конституционным Судом РФ обязательств государственных органов, участвующих в законотворческом процессе, по корректированию системы действующего законодательства. В методологическом плане существенное значение имеет определение системы факторов, влияющих и подлежащих учету при оценке практики исполнения решений Конституционного Суда, форм и правовых средств осуществления мониторинга правоприменения в целях выполнения решений Конституционного Суда. В свою очередь, достижение реальных практических результатов мониторинга предполагает наличие репрезентативной исходной информационной базы, совершенной методики анализа входящих в нее данных, научную обоснованность рекомендаций по совершенствованию организации оперативного и текущего мониторинга и использования его результатов в целях повышения эффективности судебного конституционного контроля.

Известно, что сфера деятельности Конституционного Суда Российской Федерации является исключительно широкой, что неудивительно. В соответствии со своей компетенцией Суд вправе проверить (разумеется, при наличии установленных Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде

² Подробнее о понятии текущего и оперативного мониторинга см.: Постановление Правительства Российской Федерации от 18 августа 2011 г. № 694 «Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации»

Российской Федерации» поводов и оснований) конституционность каждого из действующих на территории Российской Федерации законов, а равно и иных нормативных актов. В этой связи в целях концентрации внимания на определенном круге вопросов допустимо изучение проблем мониторинга выполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации применительно к отдельным направлениям его деятельности.

Имеющиеся материалы дают основание считать в качестве перспективного, с точки зрения решения актуальных задач теоретического, методического и правового обеспечения мониторинга, направление деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, связанное с практикой применения уголовно - процессуального законодательства. В пользу такого выбора говорят многие обстоятельства. О значении мониторинга в рассматриваемой сфере достаточно убедительно свидетельствует прямая связь принимаемых по данной категории дел решений с действиями общества и государства по нормализации общей обстановки в стране в одной из наиболее сложных ее областей - в сфере борьбы с преступностью. От того, насколько совершенен уголовно-процессуальный закон, непосредственно зависит эффективность правосудия по уголовным делам. Немаловажно и то, что уголовно-процессуальное законодательство формируется на системной основе, отличается высокой степенью формализации нормативных требований производства по уголовным делам.

Жесткая формализация нормативных правил уголовно-процессуального законодательства, необходимая для исключения в регулируемой ими сфере общественных отношений произвольного понимания и истолкования правовых норм, вместе с тем может создавать условия для утверждения нежелательных стереотипов в правоприменении, способных ориентировать сотрудников правоохранительных органов на догматическое восприятие содержания законов, которые, безусловно, нужно преодолевать. В то же время нельзя не считаться с тем, что жесткая формализация закона в данной области правового регулирования имеет несомненные плюсы, позволяя с относительно меньшими затратами сил обнаруживать просчеты, пробелы и противоречия в законодательстве, которыми по существу и порождается потребность обращения в Конституционный Суд, и внедрять на основе результатов мониторинга выполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации полноценные рекомендации по использованию результатов

мониторинга в целях создания качественно новой системы исполнения решений Суда. И, конечно, главным аргументом, доказывающим правомерность обращения к практике мониторинга правоприменения в целях выполнения решений Конституционного Суда по делам о проверке конституционности положений уголовно-процессуального законодательства (далее – названные дела; дела данной категории), выступают те реальные возможности выхода на решение общих проблем совершенствования мониторинга исполнения его постановлений и определений, которые заключают в себе материалы дел данной категории.

На примере дел о проверке соответствия Конституции Российской Федерации положений уголовно-процессуального законодательства. Как показал их анализ, представляется возможным проследить с высокой степенью достоверности исходные параметры организации и осуществления мониторинга исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации как правовой проблемы в целом. Дела данной категории могут рассматриваться в качестве своего рода экспериментального полигона для отработки принципиальных установок, правил и приемов осуществления мониторинга, поскольку представляют собой заметную и, главное, постоянную составную часть единого массива рассматриваемых Судом дел.

Необходимой предпосылкой эффективности мониторинга выступает учет условий и традиций, сопровождавших процесс формирования конституционного судебного контроля в сфере уголовного судопроизводства в качестве одного из приоритетных направлений деятельности Конституционного Суда Российской Федерации. В девяностые годы истекшего столетия Конституционный Суд Российской Федерации фактически заново пересмотрел значительную часть Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, обеспечив своими постановлениями до принятия нового закона соответствие большого числа его норм духу и букве Конституции Российской Федерации, особенно в части, касавшейся судебного контроля в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. По оформлению содержащихся в постановлениях и определениях выводов они были способны конкурировать с положениями законов и нередко воспринимались правоохранительными органами и судами в качестве актов прямого действия, даже в тех случаях, когда Судом прямо признавалась необходимость принятия нового закона. В дальнейшем Конституционный Суд

Российской Федерации провел большую работу по устранению несоответствия Конституции Российской Федерации норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 г., вызвавшего в свое время массу обоснованных нареканий специалистов.

Признанию конституционного судебного контроля в сфере уголовного судопроизводства в качестве самостоятельного приоритетного направления конституционного правосудия, наряду с факторами общего характера, безусловно, способствовала тесная органическая связь уголовно-процессуального права с уголовным правом, определяющая общность решаемых с их помощью задач охраны прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, предупреждение преступлений.

Правовые ситуации, с которыми пришлось иметь дело Конституционному Суду Российской Федерации убедительно свидетельствуют о том, что утверждение конституционной законности, включая сферу уголовного судопроизводства, является одним из условий построения правового государства. С эффективным конституционным контролем за состоянием уголовно-процессуального законодательства связано достижение разумного, сбалансированного объема его гуманизации, ориентированной не только на преимущественную защиту интересов обвиняемого, как это нередко наблюдалось в отечественной истории, но прежде всего на защиту социальных ценностей, связанных с утверждением в уголовном процессе демократических основ правоохранительной деятельности.

Установленная Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации» обязательность решений Конституционного Суда Российской Федерации никем и никогда сомнению не подвергалась. При этом следует отметить, что согласно статье 75 данного Закона в каждом решении Суда указываются сроки и порядок его исполнения, а известная статья 80 Закона конкретно определяет обязанности государственных органов и должностных лиц по приведению законов и иных нормативных актов в соответствие с Конституцией Российской Федерации в связи с решением Конституционного Суда Российской Федерации. Тем не менее количество неисполненных решений Конституционного Суда Российской Федерации продолжает оставаться

значительным и сколько-нибудь заметная тенденция к их снижению пока зримо не проявляется. По состоянию на 18 марта 2013 г. общее число нереализованных решений равнялось пятидесяти одному. В их числе девять постановлений были по делам рассматриваемой категории. Применительно к нашей группе дел надо отметить, что одно постановление датировано 2007 г., пять постановлений – 2011 г., три – 2012 г.

В трех постановлениях по делам рассматриваемой категории, наряду со статьями УПК РФ, содержалась оценка конституционности взаимосвязанных с ними пограничных норм других законов: Кодекса РФ об административных правонарушениях, Федеральных законов «О статусе судей в Российской Федерации», «О несостоятельности (банкротстве)».

По характеру содержащихся в обращениях в Конституционный Суд вопросов, по которым были приняты указанные постановления, обжаловались: статьи части первой УПК РФ (Общие положения) – 2, 24, 32, 107, 115, 133, 135; части второй УПК РФ (Досудебное производство) – 144, 145, 188, 208; части третьей УПК РФ (Судебное производство) статьи – 254, 448. В числе статей Конституции Российской Федерации, которым не соответствовали нормы УПК Российской Федерации, в постановлениях названы: 8, 19 (части 1 и 2), 22 (часть 1), 34 (часть 1), 35 (части 1–3), 46 (части 1 и 2), 49, 53, 55 (часть 3).

Представляется целесообразным назвать некоторые показатели мониторинга подлежащих исполнению в 2012 году решений Конституционного Суда Российской Федерации, т.е. принятых в период с сентября 2011 г. по декабрь 2012 г. Всего в течение указанного срока Конституционным Судом было вынесено сорок одно постановление. Из пяти дел (12,2% общего числа), связанным с проверкой конституционности положений уголовно-процессуального законодательства, по которым Судом признана необходимость внесения соответствующих коррективов, по одному из них Государственной Думой внесены дополнения в УПК РФ, в остальных случаях работа по исполнению принятых решений по состоянию на 18 марта 2013 г. находилась в начальной стадии. Для сравнения укажем, что Гражданский процессуальный кодекс РФ в постановлениях Конституционного Суда в 2012 г. фигурировал дважды, близко к этому – Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

По делам рассматриваемой категории оспаривалась конституционность статей УПК Российской Федерации: 32, 107, 144, 145, 152, 301,

312, 448. В качестве статей Конституции Российской Федерации, которым не соответствовали оспариваемые нормы закона, выступали статьи: 10, 19 (части 1 и 2), 21 (часть 1), 45, 46 (часть 1), 52, 53, 55 (часть 3), 56 (часть 3) 118, 120, 122.

Несмотря на сравнительно небольшой срок действия мониторинга, его уроки в части наблюдения за практикой исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации позволяют сделать определенные выводы о закономерностях, имеющих отношение к процессу сбора, обобщения, анализа и оценки информации, характеризующих конституционное судопроизводство, условиям и порядку деятельности государственных органов и негосударственных структур, от которых зависит реализация решений органа конституционного правосудия.

Имеющиеся материалы показывают, что для решения исследуемой проблемы прежде всего нужно иметь точное представление о конкретном содержании понятия исполнения постановлений и определений Конституционного Суда. Наиболее сложным вариантом является реализация решений, предписывающих необходимость, как это имеет место применительно к рассматриваемой правовой сфере, принятия нового закона или внесения изменений и дополнений в действующий закон. Общее, хотя в сущности и правильное мнение об исполнении решений Суда как о процессе, завершающемся внесением соответствующих коррективов в законодательство, как кажется, не дает ответа на все охватываемые им вопросы. Содержание понятия исполнения решений Конституционного Суда в его истинном выражении, как показывают изученные материалы, находится в зависимости от формы реализации предписаний, исходящих от Суда, уровня их директивности, критериев оценки адекватности мер, принятых во исполнение решений, их смыслу.

Когда речь идет о решениях, требующих корректировки законодательства, то ими, на наш взгляд, могут быть только постановления Конституционного Суда. Определения Суда не предназначены содержать выводы о несоответствии Конституции Российской Федерации оспариваемых законов, иных актов. В них могут содержаться либо ссылка на правовую позицию Конституционного Суда, которая была сформулирована в предыдущих решениях, либо констатация отсутствия неопределенности в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемый акт, либо указание на неподведомственность обращения или его несоответствие установленным законом требованиям.

Уровень директивности исходящих от Суда предписаний может быть различным. Здесь, как представляется, нужно придерживаться правила, согласно которому следует учитывать правовые позиции, изложенные как в императивной форме, так и в случаях, когда они носят внешне рекомендательный характер, причем независимо от того, выражают ли они прямое обращение к Федеральному Собранию Российской Федерации о необходимости внесения коррективов в действующее законодательство в определенный срок (т.е. внесения изменений, дополнений в действующий закон, принятия нового закона и т.п.), либо проявляются в ином виде, а также находятся ли они в резолютивной или описательной части постановления.

Адекватность принятых мер оценивается на основании как формально-юридического, так и логико-юридического критериев. Формально-юридический критерий позволяет судить о соответствии подготовленного проекта нормативного акта тому виду документа, который обозначен в решении суда. Логико-юридический критерий необходим для оценки содержательной стороны разработанного законопроекта. Формой исполнения может быть признана подготовка проекта закона, моментом исполнения - принятие законопроекта Государственной Думой в первом чтении. Возможен и другой вариант, исходящий из буквального смысла статьи 80 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», согласно которому моментом исполнения решения Суда, предписывающего внесение изменений в законодательство, следует считать представление законопроекта в Государственную Думу, но здесь на горизонте всегда должен быть авторитетный эксперт, способный оценить правовую пригодность законопроекта.

Известно, что Конституционный Суд работает в напряженном режиме. По расчетным данным, ежегодно в среднем в Суд поступает более 10 тысяч обращений, в основном от граждан и их объединений. Из них лишь небольшая часть рассматривается с проведением слушаний и соответственно с вынесением постановлений: немногим более одной трети процента. Определения об отказе, по расчетным данным, в принятии жалоб к рассмотрению выносятся примерно по одной четверти поступивших в Суд обращений. Таким образом, основная масса жалоб фактически поступает не по адресу, из чего может быть сделан вывод о том, что граждане и их объединения не имеют удовлетворительного представления о компетенции Конституционного Суда, о содержании разрешаемых им правовых конфликтов, а

также о порядке направления обращений в Суд. В этой связи работа, проводимая Министерством юстиции Российской Федерации, Российской правовой академии Минюста Российской Федерации по реализации государственной политики в сфере развития правовой грамотности населения приобретает особое значение. Целесообразно в качестве одного из специализированных ее направлений выделить использование средств правового обучения и правового воспитания в целях приобщения массовой аудитории к освоению материалов, раскрывающих те аспекты деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, которые связаны с защитой прав и свобод человека и гражданина.

Однако проблема правовой грамотности касается не только населения страны, но и, как это ни парадоксально звучит, и профессиональных юристов, подчас достаточно высокого уровня. Проведенным НИИ РПА Минюста России исследованием профессиональной культуры юристов из числа опрошенных представителей различных социальных групп на вопрос, с какими качествами в общении с юристами им приходилось встречаться, только 26% назвали компетентность.

О проблеме профессиональной подготовки определенной части юристов заставляют всерьез задуматься материалы рассмотренного Конституционным Судом Российской Федерации дела о проверке конституционности положений статей 144, 145, 448 УПК Российской Федерации и пункта 8 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина С.Л.Панченко. В правовом отношении обстоятельства дела внешне большой сложности не представляли, однако оказалось, что понятие вынесения неправосудного решения судьей толковать можно было по-разному. Как следует из материалов дела, в отношении заявителя, судьи в отставке, с согласия Высшей квалификационной коллегии судей, принятого по результатам рассмотрения представления и.о. Председателя Следственного комитета, было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного статьей 305 УК РФ (вынесение заведомо неправосудного решения). При этом, как пояснил С.Л. Панченко в своей жалобе в Конституционный Суд, не было учтено, что решение, которое он принимал в бытность судьи и неправосудность вынесения которого ему вменялась в вину, вступило в законную силу и не было отменено в установленном законом порядке, в связи с чем он просил признать названные выше нормы законодатель-

ных актов не соответствующими Конституции Российской Федерации как допускающие возможность незаконного привлечения к уголовной ответственности. Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 18 октября 2011 г. № 23-П взаимосвязанные положения статей 144, 145 и 448 УПК Российской Федерации и пункта 8 статьи 16 Закона «О статусе судей в Российской Федерации» были признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 10, 19 (часть 1), 46 (часть 1), 118, 120, 122, в той мере, в какой ими допускается возбуждение уголовного дела в отношении судьи по признакам статьи 305 УК Российской Федерации, в случае, когда соответствующий судебный акт, вынесенный этим судьей, вступил в законную силу и не отменен в установленном процессуальным законом порядке.

Анализ результатов мониторинга показывает, что далеко не всегда обеспечивается оперативное, а точнее, своевременное реагирование на прямо непрописанные в законе ситуации. В подтверждение данного тезиса можно сослаться на реакцию законодательных органов на постановление Конституционного суда Российской Федерации от 16 мая 2007 г. по делу о проверке конституционности статей 237, 413, 418 УПК Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда. Суть дела такова. Приговором Петуховского районного суда гражданка Е.Л. Акимова было осуждена за совершение преступления, предусмотренного частью первой статьи 111 УК Российской Федерации (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью). Причем еще до вынесения приговора потерпевший скончался. Его смерть находилась в причинно-следственной связи с нанесенным ему обвиняемой телесным повреждением. Прокурор Курганской области внес в президиум областного суда в порядке главы 49 УПК Российской Федерации «Возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств» заключение о пересмотре приговора в связи с необходимостью перекалфикации деяния, совершенного Е.Л. Акимовой, на более тяжкое преступление. Президиум Курганского областного суда пришел к выводу, что возобновление производства по уголовному делу невозможно, поскольку в числе новых и вновь открывшихся обстоятельств, как это определено в статье 413 УПК Российской Федерации, обстоятельства, названного в заключении прокурора, не значится, и направил запрос в Конституционный Суд Российской Федерации. Рассмотрев материалы дела, Конституционный Суд Россий-

ской Федерации признал не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 18, 19 (часть 1), 46 (части 1 и 2), 52, положения пункта 2 части второй и части третьей статьи 413 и статьи 418 во взаимосвязи со статьей 237 УПК Российской Федерации в той части, в какой они позволяют отказывать в возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств при наличии возникших новых фактических обстоятельств, свидетельствующих о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления. Федеральному Собранию Российской Федерации в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации было предписано в шестимесячный срок внести соответствующие изменения в УПК Российской Федерации. Во исполнение решения Конституционного Суда Российской Федерации на заседании комиссии Правительства Российской Федерации по законодательской деятельности 2 марта 2009 г. была утверждена Концепция проекта закона «О внесении изменений в УПК Российской Федерации». 23 ноября 2012 г. законопроект принят Государственной Думой в первом чтении. Высказывается мнение о том, что Правительству Российской Федерации, на которое закон возложил обязанность внесения в Государственную Думу проекта нового федерального закона не позднее трех месяцев после опубликования решения Конституционного Суда Российской Федерации, должен быть предоставлен более продолжительный срок – до шести месяцев – для подготовки законопроекта. Как кажется, продление срока само по себе проблемы не решит. В Постановлении от 16 мая 2007 г., например, достаточно четко было определено направление работы по внесению изменений в законодательство и от законодателя отнюдь не требовалось выполнения чрезмерно большого объема работы, чтобы затягивать ее на многие годы. Разумнее говорить о том, что нужна качественно новая, более оперативная система разработки проектов законодательных актов, предполагающая создание компактных рабочих групп, комплектуемых не (не только) по признакам высоких ученых степеней и званий, а руководствуясь действительным высоким уровнем профессиональной квалификации ее членов, установление разумных, но максимально коротких сроков промежуточных процедур, сокращение до минимума числа инстанций, от которых требуется получение отзывов, замечаний, разного рода согласования, визирования и т.п. Видимо, также и органам, осуществляющим правоприменение, не следует во всех случаях

возникновения препятствий уповать только на мудрость Конституционного Суда, но и не упускать возможность самостоятельного принятия решения исходя не только буквы закона, но и опираясь на смысл закона и общие принципы права, отраслевого законодательства, органов.

Заслуживают внимания выводы, вытекающие из результатов мониторинга, о причинах обращения граждан в Конституционный Суд, связанных с несовершенством принимаемых законов. Одной достаточно широко распространенной среди них является ограничение фактического доступа граждан к правосудию вследствие игнорирования при разработке законопроектов современных реалий (либо недостаточного внимания к ним). Иллюстрацией и одновременно аргументом, подтверждающим данный вывод, могут служить способные стать хрестоматийными материалы дела о проверке конституционности положений части второй статьи 2 и части первой статьи 32 УПК Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Красноперова. Обстоятельства дела в кратком изложении выглядят следующим образом.

Работавшему по контракту с греческой компанией мотористом танкера, приписанного к мальтийскому порту Валетта и плавающего под флагом Республики Мальта гражданину Российской Федерации С.А. Красноперову во время нахождения в порту Констанцы (Румыния) на борту танкера были нанесены гражданином К., также являющегося гражданином Российской Федерации, телесные повреждения, причинившие легкий вред здоровью (подтверждены актом судебно-медицинского освидетельствования).

С.А. Красноперов обратился с заявлением о привлечении К. к уголовной ответственности в порядке частного обвинения в мировой суд по месту жительства. Заявление рассматривалось мировым судьей, городским судом, судебной коллегией по уголовным делам краевого суда. В конечном счете в возбуждении уголовного дела в порядке частного обвинения в отношении гражданина К. было отказано на том основании, что порядок привлечения к уголовной ответственности гражданина Российской Федерации, совершившего преступление за пределами Российской Федерации действующим уголовно-процессуальным законом не урегулирован. В направленной в Конституционный Суд жалобе С.А. Красноперов оспаривал конституционность статей 2 («Действие уголовно-процессуального закона пространстве») и 32 («Территориальная подсудность уголовного дела») УПК Российской Федерации.

Рассмотрев представленные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации постановлением от 16 октября 2012 г. № 22-П признал часть первую статьи 32 УПК Российской Федерации не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (часть 1 и 2), 21 (часть 1), 45, 46 (часть 1), 47 (часть 1), 52, 55 (часть 3), 56 (часть 3), в той мере, в какой она не позволяет однозначно определять территориальную подсудность уголовного дела частного обвинения о преступлениях, совершенных гражданами Российской Федерации в отношении граждан Российской Федерации за пределами Российской Федерации, и тем самым нарушает гарантии судебной защиты прав, свобод и законных интересов потерпевших от преступлений. Одновременно Конституционный Суд Российской Федерации установил, что такого рода дела, впредь до внесения соответствующих изменений в УПК Российской Федерации, подлежат рассмотрению тем мировым судьей, чья юрисдикция распространяется на территорию, на которой проживают и потерпевший, и обвиняемый, а во всех иных случаях – согласно решению председателя вышестоящего суда на основе соответствующих статей УПК Российской Федерации. В порядке комментария данного постановления можно отметить, что УПК Российской Федерации, разработка которого продолжалась свыше десятилетия, причем именно в то время, когда специалисты разных профессий, не находя применения своим способностям в России, стали искать работу за границей, могли предусмотреть в своей статье 2 ситуации, подобные той, в которой оказался Красноперов и, не исключено, многие другие.

В сходной, но принципиально иной ситуации оказалась гражданка Р.Г. Мишина. Как это не парадоксально, найти правду она не смогла по вине ведомственного нормотворчества. Дело в том, что законом не предусмотрены в системе правоохранительных органов звенья межрайонного уровня. Тем не менее они создаются приказами главы ведомства. С одной из таких структур – межрайонным следственным отделом и пришлось иметь дело Р.Г. Мишиной.

Признанная потерпевшей по уголовному делу, возбужденному Зареченским межрайонным следственным отделом следственного управления Следственного комитета по Республике Татарстан (далее – Зареченский межрайонный следственный отдел) по факту гибели ее сына по признакам преступления, предусмотренного частью первой статьи 109 УК Российской Федерации (причинение смерти по неосторож-

ности), гражданка Р.Г. Мишина, полагая, что на самом деле имело место умышленное убийство, обратилась в тот же следственный отдел с ходатайством о переквалификации совершенного деяния на часть вторую статьи 105 УК Российской Федерации, в чем ей было отказано. В уведомлении об отказе в удовлетворении ходатайства, разъясняя право обжаловать данное решение в суд в порядке, установленном статьями 123–127 УПК Российской Федерации, старший следователь в соответствии с частью первой статьи 152 УПК Российской Федерации назвал Кировский районный суд г. Казани – по месту совершения деяния. Однако судья Кировского района в принятии жалобы отказал, сославшись на статью 125 УПК Российской Федерации, признающей право рассмотрения жалоб на постановления органов расследования преступлений за районным судом по месту производства предварительного следствия или дознания. Судья посчитал в данном случае местом производства предварительного следствия Ново-Савиновский район г. Казани, где расположен следственный орган, осуществляющий расследование уголовного дела. Кассационные и надзорные жалобы Р.Г. Мишиной судами были оставлены без удовлетворения.

В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации Р.Г. Мишина просила признать несоответствующими Конституции Российской Федерации положения части первой статьи 125 и части первой статьи 152 УПК Российской Федерации.

По мнению заявительницы, в силу своей неопределенности оспариваемые положения закона позволяют произвольно устанавливая подсудность дел, связанных с рассмотрением жалоб на решения органов предварительного расследования. Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2012 г. № 20-П взаимосвязанные положения части первой статьи 125 и части первой статьи 152 УПК Российской Федерации были признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (часть 1), 46 (часть 1 и 2) и 47 (часть 1) в той мере, в какой в силу своей неопределенности допускают произвольное применение при определении территориальной подсудности жалоб на действия должностных лиц межрайонных следственных органов. В соответствии с правовой позицией, выраженной в данном постановлении, впредь до введения нового порядка правового регулирования рассмотрение дел по жалобам на решения и действия (бездействие) должностных лиц межрайонных следственных отделов осуществляется район-

ным судом, юрисдикция которого распространяется на место совершения преступления. Наряду с внесением изменений в уголовно-процессуальный закон, по всей видимости, нужно подумать о порядке достижения согласованности определения компетенции при создании межрайонных структур (если уж в них есть настоятельная необходимость) органов предварительного следствия, прокуратуры, судов.

Несовершенство закона, проявившееся в отсутствии упоминания о делах частного обвинения в статье закона, устанавливающего основания возникновения права на реабилитацию, обусловило рассмотрение Конституционным Судом Российской Федерации дела о проверке конституционности частей первой и второй статьи 133 УПК Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.А. Тихомировой, И.И. Тихомировой, И.Н. Сардыко.

В соответствии с частями 1 и 2 статьи 133 УПК Российской Федерации право на реабилитацию включает в себя право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий причиненного вреда и восстановление в пенсионных, трудовых, жилищных и иных правах, которое имеют широкий круг лиц. Однако лица, проходившие по делам частного обвинения, среди них не называются. Заявители просили признать части первую и вторую статьи 133 УПК Российской Федерации как не предусматривающие право на реабилитацию по уголовным делам частного обвинения не соответствующими Конституции Российской Федерации. Несмотря на то, что по делам частного обвинения, возбужденным в отношении заявителей обвинительные приговоры постановлены не были, суды, рассматривавшие их жалобы в части компенсации причиненного вреда, отказали им в возмещении материальных затрат, ссылаясь на то, что право на реабилитацию по уголовным делам частного обвинения Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации не предусмотрено.

Постановлением от 17 октября 2011 № 22-П Конституционный Суд Российской Федерации признал положения частей первой и второй статьи 133 УПК Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2) и 53 в той мере, в какой данные положения – по смыслу придаваемому им сложившейся правоприменительной практикой – служат основанием для отказа лицу, в отношении которого выдвигалось частное обвинение, в возмещении государством вреда, причиненного незаконными и (или) необоснованными решениями суда (судьи). В соответствии с данным постановлением принят Федеральный закон № 54-ФЗ от 5 апреля 2013 г., согласно которому вновь введенной частью 2.1. статьи 133 УПК РФ констатируется, что право на реабилитацию признается за лицами, освобожденными от ответственности по делам частного обвинения с учетом их специфики по основаниям, аналогичным указанным в части 1 статьи 133 УПК РФ.

Решения Конституционного Суда, рассмотренные выше, свидетельствуют об определенных просчетах, допускаемых в законотворческой деятельности, с одной стороны, и с другой, нерешительности или неумении сотрудников правоохранительных органов и судей видеть истинный смысл закона не только когда он лежит, что называется, на поверхности. Законодательная власть к настоящему времени накопила солидный опыт законотворческой деятельности и общество, граждане Российской Федерации вправе ждать от нее зрелых законодательных решений. Вместе с достижением главной цели, они существенно сузят границы базы для обращений в Конституционный Суд Российской Федерации. Что касается правоохранительных органов, то от них требуется повышение уровня правовой культуры, большей настойчивости и уверенности в работе с законодательными актами, связанной с выявлением их истинного смысла.

Литература:

1. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. М. 1998.
2. Эбзеев Б.С. Конституция. Правовое государство. Конституционный суд. М., 1997
3. Зорькин В.Д. Конституцию надо менять лишь тогда, когда ее уже нельзя не менять.// Закон. 2006. №11.
4. Астанин В.В. Методологические основы мониторинга правоприменения в контексте научной доктрины и требований законодательства.// Административное и муниципальное право. 2012. № 4.

ЕРОХИНА Юлия Владимировна
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: yerohina@hse.ru

Проблемы определения субъекта коррупционных правонарушений в государствах-участниках СНГ

Статья посвящена проблемам определения субъекта коррупционных правонарушений в государствах-участниках СНГ. Анализируется законодательство государств-участников СНГ по представленной тематике.

Ключевые слова: коррупция, коррупционное правонарушение, государства-участники СНГ.

Актуальность представленной темы обусловлена созданием Межгосударственного совета по противодействию коррупции. Соглашение об образовании совета было подписано на заседании Совета глав государств СНГ в Минске 25 октября 2013 г. Деятельность совета будет способствовать совместной координации и взаимодействию в вопросах противодействия коррупции и решения задач по ее искоренению. Предполагается, что членами Совета станут руководители уполномоченных компетентных и (или) специализированных органов стран СНГ. Совет будет заниматься, в частности, разработкой целевых программ и приоритетных направлений сотрудничества в этой сфере, вопросами организации подготовки и повышения квалификации кадров, проведения совместных научно-исследовательских работ по проблемам в сфере противодействия коррупции, представляющим взаимный интерес.

При противодействии коррупции особенно важна законодательная регламентация понятия и круга субъектов коррупционных правонарушений.

Обязательным условием квалификации действий субъектов коррупционных правонарушений является их статус как должностного лица.

Должностными лицами признаются граждане, постоянно или временно занимающие в организациях, независимо от формы

собственности, должности, связанные с выполнением: организационно-распорядительных функций, осуществляющих руководство лицами, подчиненными по службе; административно-хозяйственных функций, которые выражаются в осуществлении полномочий по управлению и распоряжению имуществом; функций представителя власти, выражающихся в наделении в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении физических лиц, не находящихся в служебной зависимости, а также юридических лиц независимо от их ведомственной подчиненности.

Также к должностным лицам относятся те, кто не занимают должности, связанные с выполнением соответствующих функций, но осуществляют такие функции в соответствии со специальными полномочиями.

Определение должностного лица через описание основных признаков рассматриваемого понятия будет способствовать применению норм о должностных преступлениях в точном соответствии со смыслом модельного законодательства и послужит четким ориентиром судебно-следственной практике государств – участников СНГ.

Трактовка названных категорий субъектов коррупционных правонарушений в значительной мере определяется с учетом международно-правовых актов. Так, Конвенция ООН против

коррупции в ст. 2 выделяет публичное должностное лицо:

«а) «публичное должностное лицо» означает:

i) любое назначаемое или избираемое лицо, занимающее какую-либо должность в законодательном, исполнительном, административном или судебном органе Государства-участника на постоянной или временной основе, за плату или без оплаты труда, независимо от уровня должности этого лица;

ii) любое другое лицо, выполняющее какую-либо публичную функцию, в том числе для публичного ведомства или публичного предприятия, или предоставляющее какую-либо публичную услугу, как это определяется во внутреннем законодательстве Государства-участника и как это применяется в соответствующей области правового регулирования этого Государства-участника;

iii) любое другое лицо, определяемое в качестве «публичного должностного лица» во внутреннем законодательстве Государства-участника. Тем не менее для целей принятия некоторых конкретных мер, предусмотренных главой II настоящей Конвенции, «публичное должностное лицо» может означать любое лицо, выполняющее какую-либо публичную функцию или предоставляющее какую-либо публичную услугу, как это определяется во внутреннем законодательстве Государства-участника и как это применяется в соответствующей области правового регулирования этого Государства-участника;

б) «иностранное публичное должностное лицо» означает любое назначаемое или избираемое лицо, занимающее какую-либо должность в законодательном, исполнительном, административном или судебном органе иностранного государства, и любое лицо, выполняющее какую-либо публичную функцию для иностранного государства, в том числе для публичного ведомства или публичного предприятия;

с) «должностное лицо публичной международной организации» означает международного гражданского служащего или любое лицо, которое уполномочено такой организацией действовать от ее имени»[1].

Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию в ст. 1 дает следующую трактовку субъектов коррупционных правонарушений:

«а) понятие «публичное должностное лицо» охватывает определения «должностное лицо», «публичный служащий», «мэр», «министр» или «судья», существующие в национальном праве государства, в котором данное

лицо отправляет свою должность, как они применяются в уголовном праве этого государства;

б) термин «судья», упомянутый в подпункте «а» выше, включает прокуроров и лиц, занимающих судебные должности;

с) в случае разбирательства, касающегося какого-либо публичного должностного лица другого государства, государство, осуществляющее преследование, может применять определение публичного должностного лица лишь в той степени, в какой это определение не противоречит его национальному праву;

д) «юридическое лицо» означает любое образование, имеющее таковой статус в силу применимого национального права, за исключением государств или других публичных органов, действующих в осуществление государственных полномочий, а также межправительственных организаций»[2].

Определяя круг субъектов коррупционных правонарушений, необходимо синтезировать международно-правовые подходы с традиционными национальными решениями этого вопроса.

В зависимости от характера полномочий, определяющих роль государственных служащих в осуществлении государственно-властных функций, они делятся на должностных лиц и оперативный состав. Подобная классификация имеет принципиальное и прежде всего практическое значение. В частности, понятие должностных лиц является одним из ключевых, поскольку они признаются специальными субъектами различных отраслей права, в том числе многих правонарушений. То есть должностное лицо должно определяться в качестве общего, а не специального понятия, часто отражающего наличие противоречий в национальном законодательстве.

Должностные лица совершают юридические действия властного характера, связанные с управлением людьми, но наделяются для этого разными по объему и характеру полномочиями. Наиболее широкими властными полномочиями обладают руководители государственных органов и организаций. Руководители принимают решение по различным вопросам их деятельности, а также меры поощрения и дисциплинарной ответственности к подчиненным им работникам.

Среди должностных лиц особый статус занимают представители административной власти. Это должностные лица, имеющие право предъявлять юридически властные требования (давать предписания, указания) и применять меры административного воздействия к орга-

нам и лицам, не находящимся в их подчинении (например, главные санитарные врачи, работники милиции и др.). Оперативный состав (функциональные работники) – это государственные служащие, выполняющие работу, которая непосредственно определяется задачами данного органа, в качестве специалистов. Сюда входят специалисты государственных органов, наделенные полномочиями в сфере осуществления государственно-властных функций, но не имеющие права совершать служебные юридически-властные акты в качестве средства управления людьми. Полномочия этой группы служащих позволяют им успешно выполнять работу, которая связана с подготовкой решений, проработкой вопросов, требующих специальных знаний, опыта. К ним относятся экономисты, юрисконсульты и др.

К должностным лицам по рассматриваемому признаку относятся государственные служащие, замещающие высших, главных, ведущих, старших государственных служащих, а также руководители предприятий, учреждений, организаций и др.; к оперативному составу – младшие государственные должности (референты 1, 2 и 3 класса) и т. д.

Оперативный состав также можно отнести к должностным лицам или к их разновидности. Но в силу своего статуса они не наделены полномочиями совершать действия, направленные на достижение юридических последствий, властным образом влиять на поведение других лиц. Поэтому выделение их в отдельную группу является одновременно условным и обоснованным.

Оперативный состав служебного аппарата необходимо отличать от аналогичных категорий служащих, к нему не относящихся (врачей, преподавателей и др.). Отдельные служащие этой категории уполномочены на основе специальных знаний совершать действия, влекущие юридические последствия (например, врачи, поскольку они имеют право выдавать листки нетрудоспособности, в установленных случаях рецепты на бесплатное получение лекарств). Действия таких служащих, влекущие юридические последствия, имеют значение не только для их оценки с точки зрения юридической ответственности, но и оказывают управляющее воздействие на общественные отношения.

Вспомогательный состав – это государственные служащие, служебная деятельность которых не предполагает совершения действий, влекущих юридические последствия, влияющие на содержание решений данного органа.

Их обязанности и права определяются задачами обеспечения служебной деятельности должностных лиц, оперативного состава путем создания условий, необходимых для выполнения ими служебных функций (технические секретари и т.д.). В обязанности служащих данной группы может входить совершение действий, имеющих юридическое значение (например, регистрация поступающих жалоб), ибо со дня совершения этого действия исчисляется срок рассмотрения жалобы.

Особую группу должностных лиц составляют граждане, не состоящие на государственной службе, но уполномоченные совершить действия, влекущие юридические последствия. Например, нотариальной деятельностью может заниматься гражданин государства – участника СНГ, получивший лицензию на ее осуществление. При осуществлении нотариальных действий нотариусы обладают равными правами независимо от того, работают они в государственной нотариальной конторе или занимаются частной практикой. Обязательным является лишь то, что эти лица должны быть членами нотариальной палаты.

Исходя из обобщенной практики органов, рассматривающих дела об административных правонарушениях, к должностным лицам следует причислять и служащих государственных органов, предприятий, учреждений и организаций, имеющих право совершать в пределах своей компетенции властные организационно-распорядительные действия, влекущие юридически значимые последствия (например, право издавать правовые акты, давать обязательные указания, распоряжаться кредитами, совершать регистрационные действия, нанимать и увольнять работников, применять меры поощрения и дисциплинарного воздействия).

Причисляя к должностным лицам государственных служащих, интересно будет рассмотреть классификацию, основанную на ч. 3 ст. 2 Федерального закона «Об основах государственной службы РФ». Государственная служба включает в себя:

- 1) Федеральную государственную службу, находящуюся в ведении Российской Федерации.
- 2) Государственную службу субъектов Федерации, находящуюся в их ведении.

В свою очередь, федеральная государственная служба подразделяется на гражданскую и милитаризованную, гражданская состоит из общей и специальной. О милитаризованной государственной службе в законе ничего не сказано,

однако практически нет сомнений, что к ней относятся, например, офицер полиции, таможенный инспектор или командир воинской части.

В зависимости от вида государственной власти, в органах которой замещают должности государственные служащие, их можно различать на тех, кто работает в представительных органах; судебных органах; органах исполнительной власти; иных органах (президентуре, центральной избирательной комиссии, прокуратуре и т. д.).

Рассматривая термины «должностное лицо местного самоуправления» и «выборное должностное лицо местного самоуправления», необходимо определить их понятие:

– должностное лицо местного самоуправления – выборное, либо работающее по контракту (трудовому договору) лицо, выполняющее организационно-распорядительные функции в органах местного самоуправления и не относящееся к категории государственных служащих;

– выборное должностное лицо местного самоуправления – должностное лицо, избранное населением непосредственно или представительным органом местного самоуправления из своего состава, наделенное согласно уставу муниципального образования полномочиями на решение вопросов местного значения.

Уставом муниципального образования могут быть предусмотрены должность главы муниципального образования – выборного должностного лица, возглавляющего деятельность по осуществлению местного самоуправления на территории муниципального образования, а также должности иных выборных должностных лиц местного самоуправления.

Глава муниципального образования и иные выборные должностные лица местного самоуправления наделяются собственной компетенцией по решению вопросов местного значения в соответствии с уставом муниципального образования.

Положительный момент данной нормы в том, что она законодательно закрепила равнозначную вредоносность как собственно преступлений, так и предпосылок нарушения закона в рассматриваемой сфере. Считаем, что такая позиция законодателя имеет колоссальное профилактическое значение, в том числе и для развития правового сознания населения, воспитания правовой культуры.

В уголовно-правовой науке до сих пор ведется дискуссия: являются ли специальными субъектами должностных злоупотреблений врач, преподаватель, инженер, кассир, адвокат,

продавец и некоторые другие? Данные лица считаются служащими, должностными же они становятся тогда, когда осуществляют специальные функции не только в государственном, но и в общественном аппарате. Должностные преступления могут быть совершены лишь теми лицами, которые выполняют специальные функции, связанные с характером своей работы или с занимаемой должностью, – то есть должностными лицами. Таким образом, должностное преступление совершает специальный субъект – должностное лицо.

Например, особенная часть УК РФ устанавливает норму конкретно для должностного лица, которое обладает дополнительными признаками, наделено определенными правами и обязанностями, и лишь при нарушении этих признаков (действием или бездействием) путем злоупотребления возможно совершение преступления. Эти признаки относятся к «специальным», а субъект должностного преступления будет называться «специальным субъектом», ибо только он наделен такими специфическими функциями по характеру своей работы или занимаемой должности, при злоупотреблении которых возможно наступление преступных последствий. Отсюда вывод – «лицо, не обладающее специальными полномочиями, нарушить их не может», для этого необходимо и занятие определенной должности, и наделение определенными специальными функциями данного должностного лица.

Таким образом, субъектом должностного преступления, совершенного путем злоупотребления должностными полномочиями по уголовному праву, может быть человек, умышленно совершивший действием (или бездействием) общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, если он достиг установленного возраста, вменяем и обладает специальными признаками должностного лица.

Из этого следует, что действия врачей и других медицинских работников, если в результате ненадлежащего исполнения ими профессиональных обязанностей по обслуживанию, диагностике, проведению операций, лечению больных наступила смерть или причинен серьезный ущерб здоровью пациента, надлежит квалифицировать по статьям, предусматривающим ответственность за преступления против жизни и здоровья.

Ну, а в тех случаях, когда врачи и другие медицинские работники выполняют организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции (выдача листовок

нетрудоспособности, помещение больного в лечебное учреждение, установление инвалидности или изменение её группы и т.д.), они выступают как должностные лица, и их действия следует квалифицировать по статьям о должностных преступлениях.

Определение должностного лица с точки зрения уголовного права должно быть общим для всех отраслей права. При этом должны быть обозначены отличия должностного лица от лица, выполняющего управленческие функции в коммерческих или иных организациях, т.е. последние не наделяются полномочиями представителя власти.

Только в тех случаях, когда специалисты и работники организации, предприятия, учреждения или иного государственного формирования в процессе трудовой деятельности выполняют функции, входящие в круг обязанностей должностного лица, и они в установленном порядке наделены определенными правами и обязанностями, их следует признавать должностными лицами.

Лицо признается должностным до момента прекращения его трудовых отношений с государством, предприятием, учреждением, организацией любой формы собственности. Прекращаются эти отношения вследствие наступления определенных юридических фактов: истечения срока должностных полномочий; досрочного отзыва лица с выборной должности; увольнения; смерти; сокращения должности; ликвидации предприятия.

Вопрос о признании возможным субъектом должностного преступления лица, фактически исполняющего обязанности должностного лица, по специальному назначению, является одним из проблемных.

Особенность этой разновидности субъектов состоит в том, что для выполнения этих функций: во-первых, не требуется замещение должности; во-вторых, нужны специальные полномочия, имеющие юридическую силу (закон, приказ, положение, доверенность), регламентирующие круг специальных полномочий; в-третьих, специальные полномочия, как правило, носят разовый или краткосрочный характер.

К числу лиц, наделенных такими полномочиями, к примеру, относятся присяжные заседатели, уполномоченные государственными органами контролеры, ревизоры.

При определенных условиях специальные полномочия могут быть представлены двумя категориями лиц: во-первых, лица, получаю-

щие специальные полномочия на выполнение организационно-распорядительных и административно-хозяйственных обязанностей в связи основной занимаемой ими должностью, которая сама по себе не позволяет признать лицо должностным; во-вторых, лица, получающие специальные полномочия не в связи с основной занимаемой ими должности. Ими могут быть и лица, в данное время не состоящие в трудовых отношениях (пенсионеры).

Однако при определенных условиях эти лица признаются должностными. Первое – и главное – условие касается характера специальных полномочий; они должны быть предоставлены лишь для выполнения функций представителя власти, организационно-распорядительных и административно-хозяйственных обязанностей. Если же группа лиц, не образующая общественную организацию, предоставляет лицу специальные полномочия, это лицо не следует рассматривать как должностное.

Лицо, временно исполняющее обязанности по определенной должности или осуществляющее специальные полномочия, может быть признано субъектом должностного злоупотребления при условии, если указанные обязанности или полномочия возложены на должностное лицо в установленном законом порядке. Отсутствие признаков специального субъекта, предусмотренных должностным злоупотреблением, исключает уголовную ответственность за это преступление даже при наличии общих признаков субъекта. В одних случаях это означает отсутствие преступления вообще, в других – ответственность наступает по другим нормам.

Например, согласно ст. 2 Закона Азербайджанской Республики «О борьбе с коррупцией» [3] должностными лицами – субъектами правонарушений, связанных с коррупцией, являются лица, избранные или назначенные в государственные органы в порядке, установленном Конституцией и законами Азербайджанской Республики; лица, представляющие государственные органы на основе специальных полномочий; государственные служащие, занимающие административную должность; лица, осуществляющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в соответствующих структурных единицах государственных органов, в государственных учреждениях, предприятиях и организациях, а также в государственных субъектах, где государство владеет контрольным па-

кетом акций; лица, кандидатура которых на выборные должности в государственных органах Азербайджанской Республики зарегистрирована в установленном законом порядке; лица, избранные в установленном законодательством Азербайджанской Республики порядке в органы местного самоуправления; лица, осуществляющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в органах местного самоуправления; лица, осуществляющие в установленных законом случаях организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в негосударственных органах, выполняющих полномочия государственных органов; лица, получившие материальные и прочие блага, льготы и привилегии в обмен на оказание незаконного воздействия на решение должностного лица с использованием своего влияния или связей; физические и юридические лица, незаконно предлагавшие или обещавшие либо передавшие должностному лицу материальные и прочие блага, льготы или привилегии, а также лица, являвшиеся посредниками в осуществлении подобных действий.

В ст. 3 Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» [4] закреплено, что «субъектами правонарушений, создающих условия для коррупции, являются: государственные должностные лица; лица, приравненные к государственным должностным лицам. Субъектами коррупционных правонарушений являются: государственные должностные лица; лица, приравненные к государственным должностным лицам; иностранные должностные лица; лица, осуществляющие подкуп государственных должностных или приравненных к ним лиц либо иностранных должностных лиц».

Ст. 3 Закона Республики Казахстан «О борьбе с коррупцией» [5] определено, что за правонарушения, связанные с коррупцией, несут ответственность лица, уполномоченные на выполнение государственных функций, и лица, приравненные к ним. К лицам, уполномоченным на выполнение государственных функций, относятся: все должностные лица, депутаты парламента и маслихатов, судьи; все государственные служащие в соответствии с законодательством Республики Казахстан о государственной службе. К лицам, уполномоченным на выполнение государственных функций, приравниваются: лица, избранные в органы местного самоуправления; граждане, зарегистрированные в установленном законом

порядке в качестве кандидатов в Президенты Республики Казахстан, депутаты Парламента Республики Казахстан и маслихатов, а также в члены выборных органов местного самоуправления; служащие, постоянно или временно работающие в органах местного самоуправления, оплата труда которых производится из средств государственного бюджета Республики Казахстан; лица, исполняющие управленческие функции в государственных организациях и организациях, в уставном капитале которых доля государства составляет не менее тридцати пяти процентов. К субъектам коррупционных правонарушений относятся также физические и юридические лица, осуществляющие подкуп должностных и иных лиц, уполномоченных на выполнение государственных функций, или лиц, приравненных к ним, а равно предоставляющие им противоправно имущественные блага и преимущества».

В ст. 7 Закона Кыргызской Республики «О борьбе с коррупцией» [6] сказано, что к субъектам коррупционных правонарушений относятся все государственные служащие независимо от занимаемой должности и порядка их избрания или назначения на эти должности, совершившие коррупционные правонарушения. К числу субъектов коррупционных правонарушений относятся также граждане, осуществляющие деятельность в муниципальной службе; руководители учреждений, организаций и предприятий, деятельность которых финансируется из государственного бюджета либо в уставном капитале которых имеется государственная доля, совершившие коррупционные правонарушения; а также физические и юридические лица, включая их должностных лиц и работников, противоправно предоставляющие материальные и иные блага и преимущества государственным служащим и служащим муниципальной службы.

Под действие Закона Республики Молдова «О предупреждении коррупции и борьбе с ней» согласно ст. 4 [7] подпадают лица, обладающие публичным статусом, которые используют свой статус вопреки глобальным интересам общества: лица, занимающие ответственные государственные должности; государственные служащие; судьи, прокуроры, офицеры по уголовному преследованию, военнослужащие, сотрудники дипломатической службы, налоговой службы, таможенной службы, Центра по борьбе с экономическими преступлениями и коррупцией, органов государственной без-

опасности, органов внутренних дел; руководители и заместители руководителей публичных учреждений, государственных или муниципальных предприятий, коммерческих обществ с мажоритарным государственным капиталом; лица, уполномоченные в соответствии с нормативными актами принимать решения в отношении имущества, находящегося в собственности государства или административно-территориальных единиц, в том числе в отношении финансовых средств, или которые имеют право распоряжаться таким имуществом; лица, оказывающие публичные услуги; государственные служащие после прекращения полномочий, отставки или освобождения от должности в соответствии с действующим законодательством; доверенные лица конкурентов на выборах; нотариусы, аудиторы, адвокаты и представители в судебных инстанциях; другие лица, предусмотренные законодательством».

В ст. 2 Закона Украины «О борьбе с коррупцией» [8] закреплено, что за коррупционные действия и прочие правонарушения, связанные с коррупцией несут ответственность лица, уполномоченные на выполнение функций государства: государственные служащие; народные депутаты Украины, депутаты Верховной Рады Автономной Республики Крым, депутаты сельских, поселковых, городских, районных, областных советов; должностные лица местного самоуправления».

12 мая 2011 г. Верховная Рада Украины приняла пакет антикоррупционных законов – «О принципах предупреждения и противодействия коррупции»; «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины об ответственности за коррупционные правонарушения». Законы вступили в силу с 1 июля 2011 г. Расширен перечень субъектов ответственности за коррупционные правонарушения – антикоррупционное законодательство распространяется не только на государственных служащих, но и на лиц, которые работают на государство, но не наделены таким статусом. Это позволит изменить ситуацию с высоким уровнем злоупотребления в зонах усиленного коррупционного риска, в частности таких, как образование и охрана здоровья.

В соответствии с новым законодательством субъектами ответственности являются:

1) лица, уполномоченные на выполнение функций государства или местного самоуправления: Президент Украины, Председатель Верховной Рады Украины, его Первый

заместитель и заместитель, Премьер-министр Украины, Первый вице-премьер-министр Украины, вице-премьер-министры Украины, министры, другие руководители центральных органов исполнительной власти, которые не входят в состав Кабинета Министров Украины, и их заместители, Председатель Службы безопасности Украины, Генеральный прокурор Украины, Председатель Национального банка Украины, Председатель Счетной палаты, Уполномоченный Верховной Рады Украины по правам человека, Председатель Верховной Рады Автономной Республики Крым, Председатель Совета министров Автономной Республики Крым; народные депутаты Украины, депутаты Верховной Рады Автономной Республики Крым, депутаты местных советов; государственные служащие, должностные лица местного самоуправления; военные должностные лица Вооруженных Сил Украины и других образованных в соответствии с законами военных формирований; судьи Конституционного суда Украины, другие профессиональные судьи, Председатель, члены, дисциплинарные инспекторы Высшей квалификационной комиссии судей Украины, служебные лица секретариата этой Комиссии, Председатель, заместитель Председателя, секретари секций Высшего совета юстиции, а также другие члены Высшего совета юстиции, народные заседатели и присяжные (во время выполнения ими этих функций); лица рядового и начальственного состава органов внутренних дел, государственной уголовно исполнительной службы, органов и подразделов гражданской защиты, Государственной службы специальной связи и защиты информации Украины, лица начальственного состава налоговой милиции; должностные и служебные лица органов прокуратуры, Службы безопасности Украины, дипломатической службы, таможенной службы, государственной налоговой службы; члены Центральной избирательной комиссии; должностные и служебные лица других органов государственной власти;

2) лица, которые для целей данного Закона приравниваются к лицам, уполномоченным на выполнение функций государства или местного самоуправления: должностные лица юридических лиц публичного права, которые получают заработную плату за счет государственного или местного бюджета; лица, которые не являются государственными служащими, должностными лицами местного самоуправле-

ния, но предоставляют публичные услуги (аудиторы, нотариусы, оценщики, а также эксперты, арбитражные управляющие, независимые посредники, члены трудового арбитража, третейские судьи во время выполнения ими этих функций, другие лица в установленных законом случаях); должностные лица иностранных государств (лица, которые занимают должности в законодательном, исполнительном или судебном органе иностранного государства, в том числе присяжные заседатели, другие лица, которые осуществляют функции государства для иностранного государства, в частности для государственного органа или государственного предприятия), а также иностранные третейские судьи, лица, которые уполномочены решать гражданские, коммерческие или трудовые споры в иностранных государствах в порядке, альтернативном судебному; должностные лица международных организаций (работники международной организации или любые другие лица, уполномоченные такой организацией действовать от ее имени), а также члены международных парламентских ассамблей, участником которых является Украина, судьи и должностные лица международных судов; лица, которые постоянно или временно занимают должности, связанные с выполнением

организационно предписывающих или административно-хозяйственных обязанностей, или лица, специально уполномоченные на выполнение таких обязанностей в юридических лицах частного права независимо от организационно-правовой формы, в соответствии с законом. Необходимо обратить внимание на понятие иностранных организаций, которое определено непосредственно в данной норме: таковыми признаются иностранные юридические лица, обладающие гражданской правоспособностью, созданные в соответствии с законодательством иностранных государств, международные организации, а также их филиалы и представительства.

Международными конвенциями, модельным законодательством СНГ и национальными законами государств Содружества в области противодействия коррупции даны относительно емкие понятия субъекта коррупционных правонарушений и определен обширный перечень должностных лиц, относящихся к этой категории. Для осуществления эффективной работы на межгосударственном уровне по борьбе с коррупцией необходима унификация и гармонизация антикоррупционного законодательства государств-участников СНГ.

Литература:

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в Нью-Йорке 31 октября 2003 г. Резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // <http://www.un.org>.
2. Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (принята в Страсбурге 27 января 1999 г.) // <http://www.coe>.
3. Закон Азербайджанской Республики «О борьбе с коррупцией» от 13 января 2004 г. № 580 - III.
4. Закон Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» от 20 июля 2006 г. № 165-3.
5. Закон Республики Казахстан «О борьбе с коррупцией» от 02 июля 1998 г. № 267-1.
6. Закон Кыргызской Республики «О борьбе с коррупцией» от 06 марта 2003 г. № 51.
7. Закон Республики Молдова «О предупреждении коррупции и борьбе с ней» от 25 апреля 2008 г. № 90.
8. Закон Украины «О борьбе с коррупцией» от 05 октября 1995 г. № 356/95-ВР.

РОГОВАЯ Анастасия Владимировна
кандидат социологических наук, г. Москва
e-mail: av_rogovaya@mail.ru

Вопросы реализации Концепции взаимодействия органов государственной власти, органов местного самоуправления и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции

Рассматриваются вопросы эффективности антикоррупционного взаимодействия государственных органов власти, органов местного самоуправления с институтами гражданского общества.

Ключевые слова: *государство, институты гражданского общества, противодействие коррупции, взаимодействие.*

Успешное функционирование и комплексное взаимодействие основных субъектов социального и политического процессов (институтов гражданского общества) и государства и является наиболее серьезным фактором развития социального организма в целом, становления правового государства [1].

Эффективному противодействию коррупции способствует налаженное системное взаимодействие не только органов власти всех уровней (федеральной, региональной и местной) и его специализированных институтов, но и структур гражданского общества, общественных организаций, самих граждан и их согласованность. Именно структуры гражданского общества, являясь «проводником» между государством и населением, призваны оспаривать или подвергать сомнению способы решения государственным управлением проблем в противодействии коррупции, а также выдвигать альтернативные меры, способствующие повышению их действенности.

Антикоррупционная борьба сегодня все чаще рассматривается как попытка вернуть или укрепить легитимность правителей, политических деятелей, правоохранительных органов [2]. При этом реализация государственного механизма противодействия коррупции во многом

зависит от эффективного налаживания общественно-государственного антикоррупционного взаимодействия, связанного с разработкой типовой программы противодействия коррупции для субъектов РФ, предусматривающие приоритетные начала деятельности гражданского общества (институтов гражданского общества) и государства в реализации общих задач противодействия коррупции [3].

Для реализации проекта Концепции взаимодействия органов государственной власти, органов местного самоуправления и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции на период до 2014 года НИИ РПА Минюста России в феврале-марте 2013 года было проведено конкретно-социологическое исследование по вопросам реализации данной Концепции.

Всего было опрошено 634 человека, среди них представители органов государственной и муниципальной службы, сотрудники правоохранительных структур, предприниматели, юристы, адвокаты, сотрудники бюджетной сферы, научные работники, общественные деятели, журналисты и студенты из 14 регионов Российской Федерации (Тула, Казань, Хабаровск, Екатеринбург, Саратов, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Иркутск, Ижевск, Саранск, Барнаул,

Калуга, Петрозаводск, Махачкала), представляющих все 8 федеральных округов.

Данные проведенного социологического исследования, как мнения многих ученых [4], подтверждают слабые антикоррупционные попытки как государственных органов власти, органов субъектов РФ, органов местного самоуправления правоохранительных органов, так и институтов гражданского общества, указывающие на их безадресность, хаотичность, и отсутствие должного реагирования, в большей мере имитационный характер борьбы с коррупцией.

Оценивая эффективность деятельности различных субъектов в противодействии коррупции (по 5-ти балльной шкале), эксперты отметили среднюю активность со стороны правоохранительных органов – 2,5 балла и с небольшим отрывом институтов гражданского общества – 2,4, далее федеральных органов государственной власти – 2,3, органов государственной власти субъектов РФ – 2,2, органов местного самоуправления – 1,9.

Исходя из полученных данных, настораживает слабая роль органов местного самоуправления в противодействии коррупции, поскольку именно региональные и местные органы власти определяют своевременное реагирование на коррупционные проявления и появления новых форм коррупции в различных сферах. Как показывает прокурорская практика, из общего числа выявляемых нарушений законодательства о противодействии коррупции на долю органов местного самоуправления приходится около 65%. За 9 мес. 2011 года в органах местного самоуправления было выявлено 167,5 тыс. нарушений законодательства о противодействии коррупции, к административной ответственности привлечено свыше 2,5 тыс. должностных лиц [5].

Если брать региональный срез, то низкую оценку эффективности государственных и муниципальных органов власти по противодей-

ствию коррупции дали представители институтов гражданского общества Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Иркутска, органов местного самоуправления – Хабаровска, Саратова, Барнаула, Калуги, Петрозаводска, правоохранительных органов – Барнаул, Екатеринбург, Петрозаводск. Только представители Казани и Ижевска дали довольно высокую оценку деятельности государственных органов управления. Важно отметить значимость, по мнению опрошенных, роль институтов гражданского общества в борьбе с коррупцией, особенно в Казани, Саратове и Ижевске, только представители Санкт-Петербурга и Иркутска отметили их низкую эффективность.

С одной стороны, мы видим неудовлетворенность как государственными и муниципальными служащими, так и гражданским обществом уровнем деятельности органов государственного управления в сфере противодействия коррупции. При этом положительные оценки государственными и муниципальными служащими, сотрудниками правоохранительных органов в данном случае понятны, поскольку затрагивают их статусные интересы. С другой стороны, проблемы эффективности противодействия коррупции могут заключаться не столько в государстве, сколько в самих институтах гражданского общества и гражданах.

Оценка эффективности антикоррупционной направленности различных субъектов во многом зависит от степени вовлеченности органов государственной власти и институтов гражданского общества в деятельность по выявлению и огласке фактов коррупционных правонарушений, в формировании антикоррупционной идеологии.

Между тем, по данным социологического опроса, почти половина опрошенных отметили, что «не полностью удовлетворены» уровнем информированности об антикоррупционной деятельности федеральных органов госу-

Таблица 1.

Удовлетворены ли Вы уровнем информированности о деятельности органов власти и управления в сфере противодействия коррупции?

	Да, вполне	Не полностью	Не удовлетворен
1) Федеральные органы государственной власти	22%	48%	30%
2) Органы государственной власти субъектов РФ	17%	47%	35%
3) Органы местного самоуправления	13%	43%	43%
4) Правоохранительные органы	19%	48%	33%

дарственной власти, органов государственной власти субъектов РФ и правоохранительных органов в сфере противодействия коррупции, «не удовлетворены» – органов местного самоуправления (см. Таблицу 1). Также некоторые эксперты указали на неудовлетворенность уровнем информированности о деятельности Общественных организаций, СМИ (Саратов), ФНС (Екатеринбург).

В информации об антикоррупционной деятельности органов государственной власти нуждаются треть опрошенных из числа самих государственных и муниципальных служащих.

По данным опроса, основными источниками получения информации о деятельности органов власти и управления в сфере противодействия коррупции являются традиционные и наиболее используемые источники информирования гражданского общества, а именно: телевидение – 80%, электронные СМИ (Интернет) – 74%, печатные СМИ – 60%, далее радио 31%; конференции с участием представителей органов государственной власти и управления 15%, а меньше всего применяются запросы в органы власти – 5%.

Это еще раз указывает на то, что государственные органы власти всех уровней крайне неохотно предоставляют общественности информацию об антикоррупционной деятельности, о рассмотренных и принятых ими решениях, о возможностях участия представителей институтов гражданского общества в проводимых ими конференциях, заседаниях, тем самым крайне ревниво относясь к попыткам контроля за своей деятельностью со стороны общественных организаций и участия гражданского общества в информационно-контрольной деятельности. По данным исследования, ожидания общества, связанные с принятием и активным медийным сопровождением на федеральном уровне антикоррупционных мер, не воплощаются на региональном и местном уровнях, что свидетельствует как о низком качестве правоприменения на местах, так и отсутствии системы его эффективного мониторинга.

На вопрос «Знакомы ли Вы с предусмотренными законодательством возможностями участия институтов гражданского общества в противодействии коррупции?» больше половины опрошенных (52%) ответили, что не знакомы с предусмотренными законодательством возможностями участия институтов гражданского общества в противодействии коррупции

(в основном это работники бюджетной сферы, сотрудники правоохранительных органов (МВД), представители СМИ и молодежь), другая половина (48%) имеют такую информацию.

Вопрос: «Как Вы в целом оцениваете эффективность антикоррупционного взаимодействия государственных органов власти, органов местного самоуправления с институтами гражданского общества?» был нацелен на выявление уровня осведомленности респондентов о нормативно-правовом обеспечении деятельности общественных структур в области противодействия коррупции и возможного влияния факта наличия или отсутствия такой осведомленности на оценку эффективности взаимодействия общества и властных структур в антикоррупционной области. В целом, эффективность антикоррупционного взаимодействия государственных органов власти, органов местного самоуправления с институтами гражданского общества 35% респондентов оценивают как «скорее отрицательно, чем положительно», 24% – «скорее положительно, чем отрицательно», 17% – «отрицательно» и всего 9% «положительно».

Причем из тех, кто знаком с предусмотренными законодательством возможностями участия институтов гражданского общества в противодействии коррупции, почти половина опрошенных (46%) оценили как «отрицательно» или «скорее отрицательно, чем положительно» эффективность антикоррупционного взаимодействия государственных органов власти, органов местного самоуправления с институтами гражданского общества

Низкая оценка («отрицательно» или «скорее отрицательно, чем положительно») эффективности антикоррупционного взаимодействия, исходя из опроса, наблюдается в таких регионах, как Казань (92%), Саратов (62%), Екатеринбург (60%), Петрозаводск (59%); «положительно» или «скорее положительно, чем отрицательно» оценили респонденты из Ижевска (60%) и Ростова-на-Дону (58%). Исходя из этого, важно использовать положительный опыт (изучение, обобщение и обмен) деятельности региональных институтов гражданского общества, ведущих совместно с органами Прокуратуры, ОВД, спецслужбами, республиканскими органами государственного управления, муниципалитетами, религиозными и общественными организациями, образовательными учреждениями работу по профилактике и предупреждению коррупционных действий;

Очевидным ресурсом для органов власти всех уровней представляется активизация работы по более детальному ознакомлению представителей гражданского общества с существующими формами взаимодействия в антикоррупционной сфере: о распределении функций взаимодействия, выстраиванию механизмов обратной связи, переходу к организации конструктивного взаимодействия не только с удобными

защит, касающимися выявления у чиновников разных уровней коррупционной деятельности.

Насколько реальны условия деятельности институтов гражданского общества, можно увидеть исходя из полученных данных о степени заинтересованности органов власти в антикоррупционном сотрудничестве с институтами гражданского общества, общественными организациями (Таблица 2).

Таблица 2.

Какова на Ваш взгляд степень заинтересованности органов власти в антикоррупционном сотрудничестве с институтами гражданского общества, общественными организациями?

1) заинтересованы в постоянном сотрудничестве;	10%
2) проявляют некоторый интерес;	28%
3) готовы взаимодействовать в некоторых случаях, по отдельным вопросам	9%
4) пытаются заменить реальное взаимодействие декларациями;	35%
5) негативно относятся к взаимодействию;	4%
6) полное отсутствие заинтересованности;	14%

и лояльными структурами, но и с организациями, стремящимися к содержательному диалогу по сложным для власти темам.

В целом данные проведенного исследования показывают слабую ориентацию граждан в иерархии и функциях институтов гражданского общества, общественных организаций. Из перечисленных субъектов гражданского общества, по мнению опрошенных, наибольшим потенциалом в антикоррупционном взаимодействии с органами государственной власти обладают правозащитные организации (50%), СМИ (50%) и сами граждане (42%). Существенно ниже оценивается потенциал общественных профессиональных и предпринимательских объединений (30%), политических партий (30%) и общественных палат (23%).

Наименьший рейтинг у научных организаций (18%), адвокатуры (14%) и религиозных объединений (6%). Среди других вариантов ответа респонденты указали прокуратуру (1%), а также «никто» (1%).

В глазах респондентов тенденция к росту потенциала правозащитных организаций и СМИ может объясняться как эмоциональными факторами, связанными с общей неудовлетворенностью работой органов власти в сфере противодействия коррупции, в особенности на региональном уровне, так и результативными освещениями СМИ и акциями некоторых органи-

Как правило, по мнению экспертов, государство создает видимость заинтересованности в антикоррупционном сотрудничестве с институтами гражданского общества, общественными организациями, пытаясь заменить реальное взаимодействие декларациями, или проявляют некоторый интерес. Если же готовы взаимодействовать, то по отдельным вопросам, имеющим наибольший общественный резонанс, или в случае, если есть приказ, запрос свыше. Некоторые эксперты отмечают низкую степень заинтересованности по причине «отсутствия системы оценки эффективности сотрудничества», «использования общественного давления для внутриведомственной борьбы».

Институты гражданского общества, общественные организации имеют потенциальную возможность быть активными субъектами антикоррупционной деятельности, поскольку приближены к нуждам населения, непосредственно видят существующие проблемы, способны получать информацию о коррупционных нишах, степени распространения теневых практик, могут проводить просветительскую деятельность, направленную на формирование антикоррупционного сознания.

Невысокая эффективность антикоррупционного взаимодействия государственных органов власти, органов местного самоуправления с институтами гражданского общества, недостаточная информированность гражданско-

го общества о возможностях взаимодействия, а также, как отметил один из респондентов, «в силу нелегитимности власти» сказывается и на готовности гражданского общества принимать личное участие в мероприятиях антикоррупционной направленности органов власти и управления. Несмотря на это на вопрос «Готовы ли Вы принимать личное участие в мероприятиях антикоррупционной направленности органов власти и управления?» почти половина опрошенных (49%) ответили, что «готовы принять участие», «не готовы принимать участие» 19%; «принимали участие и готовы принимать дальше» 19%; «не собираюсь принимать участие» 13%.

То обстоятельство, что участвовать в антикоррупционных мероприятиях выразили готовность более 2/3 респондентов, можно рассматривать как отчетливый сигнал властям, что потенциал антикоррупционной повестки дня пока не исчерпан. Важно, чтобы сами органы государственной власти и органы местного самоуправления осознали значимость и желание представителей гражданского общества участвовать в борьбе с коррупцией. А характер взаимодействия институтов гражданского общества с органами местного самоуправления во многом предопределяют судьбу инициатив самих граждан в сфере противодействия коррупции.

Основное внимание в социологическом исследовании было уделено проблемам взаимодействия институтов гражданского общества с государственными и муниципальными структурами и насколько опрашиваемые осведомлены об антикоррупционных мерах органов государственной власти и управления.

Так, к основным проблемам, препятствующим взаимодействию институтов гражданского общества с государственными и муниципальными структурами, респонденты относят:

- › нежелание государственных органов власти нарушать сложившиеся коррупционные связи и технологии – 42%;
- › незрелость и слабость институтов гражданского общества, недостаточный уровень профессионализма – 41%;
- › трудности в получении конкретной информации о деятельности органов власти – 35%;
- › отсутствие законодательных механизмов взаимодействия – 32%;
- › отсутствие поддержки органами государственной власти и органами местного самоуправления предложений – 31%;
- › невысокая активность самих институтов гражданского общества – 27%;

- › органы власти сами используют коррупционные практики – 25%;
- › игнорирование государственными и муниципальными структурами общественного мнения – 25%;
- › субъективность в выборе партнеров со стороны госструктур, все взаимодействие строится на личных связях и контактах – 19%;
- › недостаточная информированность органов государственной власти/ должностных лиц о возможностях институтов гражданского общества – 18%;
- › недостаточный уровень правовых, специальных знаний и квалификации – 14%;
- › завышенные требования/ожидания к госструктурам, не учет их реальных возможностей – 14%;

Как утверждают некоторые эксперты, отсутствие гражданского общества в России, «его имитация авторитарными властями», «низкая активность самих граждан», их неспособность сформулировать социальные инициативы является одной из проблем, препятствующих взаимодействию институтов гражданского общества с государственными органами власти и органами местного самоуправления.

Анализ распределения ответов показывает, что недоверие между обществом и властью в вопросах организации противодействия коррупции сохраняется, а сформировавшиеся стереотипы приобретают устойчивый характер. Специфика развития гражданского общества в России объясняется в инициировании государством разнообразных имитаций по созданию различных общественных организаций; практическим отсутствием независимых и неподконтрольных власти СМИ, формирующих общественное мнение; размыванием нормативно-ценностного комплекса социального доверия; а также попытками неосмысленного внедрения и развития в нашей стране западных моделей гражданского общества [6].

Среди мер и условий, которые бы могли способствовать эффективному антикоррупционному взаимодействию органов государственной власти, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества и гражданами в анкете были выделены 4 блока: правовые, социально-экономические, образовательные, воспитательные и организационные.

Из перечисленных, по мнению опрошенных, к основным правовым мерам относятся:

- › установление ответственности за создание органами государственной власти и органами

- местного самоуправления препятствий для осуществления антикоррупционной деятельности со стороны институтов гражданского общества – 44%;
- усиление контроля органов прокуратуры за соблюдением антикоррупционного законодательства – 42%;
 - выработка законодательных механизмов поддержки и поощрения активности граждан и институтов гражданского общества – 40%;
 - создание правовых механизмов доведения результатов общественного контроля до руководителей соответствующих органов государственной власти, органов местного самоуправления в целях принятия мер реагирования – 36%;
 - привлечение представителей институтов гражданского общества к работе комиссий, рабочих групп органов государственной власти, органов местного самоуправления по подготовке нормативных правовых актов и обсуждению планируемых решений – 35%;
 - подписание соглашений о взаимодействии в сфере противодействия коррупции между органами государственной власти, органами местного самоуправления и институтами гражданского общества – 31%;
 - подготовка предложений по созданию института лоббизма и его законодательному регулированию – 16%;

Также некоторые эксперты указали на введение высшей меры наказания за коррупционные составы (в т.ч. «конфискация имущества», «ужесточение санкций уголовного законодательства», «неотвратимость наказания»); «изменение дефиниции «коррупция»»; «ратификацию ст.20 Конвенции по противодействию коррупции». Только «установление республиканского строя и федерализация России»; «смена руководителей органов государственной власти», «реальное разделение властей», независимость судов («суд должен выполнять свои прямые функции»), «выборность судей и их подсудность за подлог», «периодическая реальная отчетность» может способствовать созданию «правовой базы реального участия граждан в контроле выборов представительной власти»; «механизма общественного контроля за соблюдением антикоррупционных мер».

Из социально-экономических мер и условий эксперты выделяют:

- создание условий, способствующих подконтрольности, открытости и прозрачности деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления – 54%;
- совершенствование системы квалифицированного отбора кадров на государственную и муниципальную службу – 48%;
- материальное и моральное поощрение активности граждан и институтов гражданского общества – 34%;
- создание системы стимулов для активного участия институтов гражданского общества в решении задач в сфере противодействия коррупции – 34,0%;
- расширение участия институтов гражданского общества и граждан в подборе кадров для органов местного самоуправления – 27%;
- содействие (грантовые программы) НКО, осуществляющим сбор и квалифицированную юридическую оценку информации, поступающей от граждан и хозяйствующих субъектов, о фактах коррупционного поведения – 24%

Создание стимулов, как моральных, так и материальных, направленных на поощрение активности граждан в выявление коррупционных практик, рассматривается респондентами как не менее важная задача.

Среди других мотивационных мер социально-экономического характера респонденты отмечают: «увеличение заработной платы государственным служащим», «создание заинтересованности в собственном рабочем месте», «перевод низовых должностей (участковый и т.д.) на выборную основу», «повышение мотивации членов гражданского общества по вопросам противодействия коррупции», «создание прецедентности: засветился в коррупции – ушел в отставку». А поскольку, как отмечает один из респондентов, «будет рынок – будет коррупция», необходимо «переделать систему экономических взаимоотношений в пользу эффективности».

К образовательным и воспитательным мерам, способствующим эффективному антикоррупционному взаимодействию органов государственной власти, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества и гражданами, эксперты относят в первую очередь:

- формирование у населения антикоррупционного мировоззрения, поведения – 65%;
- повышение уровня правовой грамотности государственных и муниципальных служащих – 55%;
- реализация специализированных программ обучения по противодействию коррупции для служащих органов государственной власти, сотрудников правоохранительных органов, представителей институтов гражданского общества – 39%;

- проведение конференций, «круглых столов» с участием представителей институтов гражданского общества – 29%;
- проведение регулярных социологических исследований для оценки эффективности проводимой антикоррупционной политики – 24%;

Эксперты также указывают на необходимость «воспитания государственных служащих»; «реализации специализированных программ обучения по противодействию коррупции гражданами, особенно в системе всеобща»; обеспечить их участие в антикоррупционных акциях, организуемых институтами гражданского общества, на гражданских форумах общественного осуждения конкретных коррупционных действий и коррупции в целом, транслируемое СМИ.

Особое внимание необходимо также уделять данным социологических исследований, которые позволяют выявить основные факторы и характер деформаций общественных отношений, изучить последствия реализации антикоррупционного законодательства для граждан и иных участников регулируемых правоотношений [7].

Из перечисленных организационных мер эксперты выделили в первую очередь:

- создание системы комплексного антикоррупционного мониторинга на федеральном, региональном и муниципальном уровне с участием институтов гражданского общества – 49%;
- разработка методик общественного контроля за качеством осуществления государственных функций и оказанием государственных услуг – 44%;
- разработка механизма общественной экспертизы решений органов государственной власти и органов местного самоуправления – 37%;
- совместная разработка и внедрение органами государственной власти, институтами гражданского общества общественных и корпоративных стандартов антикоррупционного поведения – 35%;
- обеспечение межведомственного электронного взаимодействия государственных органов и их взаимодействие с гражданами и организациями – 30%;
- разработка методики подготовки антикоррупционной социальной отчетности компаний государственного и социального сектора – 25%;

По мнению экспертов необходима «разработка стандартов антикоррупционной деятельности организаций, в первую очередь с долей госкомпаний», «создание системы комплексного антикоррупционного мониторинга института

жалоб и обращений граждан на федеральном, региональном и муниципальном уровне с участием институтов гражданского общества».

Именно сотрудничество ученых и практиков, законодателей и представителей общественных организаций, активизация различных социальных групп, прежде всего молодого поколения, способствуют непрерывному поиску эффективных антикоррупционных мер и их внедрению в социальную жизнь.

Важную роль в эффективности антикоррупционной деятельности структур государственного управления и гражданского общества, а также привлечении всех слоев населения в данном направлении играет формирование антикоррупционного мировоззрения, правовой культуры населения. По данным социологического исследования, формированию у населения антикоррупционного мировоззрения могли бы способствовать следующие условия и меры:

участие СМИ во взаимодействии с органами власти, институтами гражданского общества в работе по преодолению правового нигилизма, пропаганде необходимости участия населения в противодействии коррупции – 54%;

пропаганда с использованием всех возможностей органов власти, институтов гражданского общества идеи о выгоды и успешности решения вопросов правовым путем – 49%;

распространение позитивного опыта противостояния попыткам коррупционного давления – 48%;

разработка системы гражданского просвещения, включающей обучение антикоррупционному поведению – 38%;

организация теле- и радиопрограмм по антикоррупционной тематике 26%;

повышение роли НКО в деятельности по контролю за соблюдением антикоррупционных норм поведения в обществе – 21%.

Наряду с формированием антикоррупционного правового просвещения всех слоев населения, особенно молодежи, как отмечают некоторые эксперты, необходимо «укрепление систем нравственного воспитания граждан, в т.ч. применять опыт в традиционных религиях», «создание стимулов и дополнительной мотивации у населения по противодействию коррупции»; применять позитивный опыт, «пример отсутствия протекционизма и коррупции со стороны властвующих в повседневности»; «создание отдельного телеканала». 0,7% опрошенных указали, что «у населения нет коррупционного мировоззрения, оно есть во властях», «власть сама принуждает к участию в воровских схемах».

Ряд опрошенных отметили, что сегодня носителями коррупционного мировоззрения в большей степени являются представители органов власти, которые должны нести более серьезную ответственность за создание коррупционных схем и вовлечение в них других лиц. В связи с этим основные усилия должны быть направлены на формирование нетерпимости к коррупционным практикам во властных структурах. В качестве действенного инструмента респонденты, в частности, предлагают обеспечить гласность по выявленным фактам коррупции, широкое освещение результатов расследования, обнародование сведений об уличенных в коррупции чиновниках.

Важно через систему образования, культурно-просветительские учреждения, общественные, правозащитные и др. организации, СМИ распространять и повышать правовую культуру общества в целом, проводить общественные антикоррупционные дискуссии, освещать антикоррупционные действия государства и общества, институтам гражданского общества и общественным организациям проводить собственные антикоррупционные расследования, публичное обсуждение законопроектов и важных государственных целевых программ, показывать и публиковать факты коррупции как на уровне федерального центра, так и на местном уровне.

Эффективность взаимодействия институтов гражданского общества и государства должна строиться не столько на идеях «анти» и «против», сколько на предложении общегражданской заинтересованности в противодействии коррупции, подкрепленной реальным воплощением в повседневную практическую жизнь, реализации конкретных антикоррупционных инициатив.

Таким образом, формирование антикоррупционного мировоззрения предполагает действия не только со стороны органов власти всех уровней (федеральной, региональной и местной), но и включение практически всех институтов гражданского общества в организации массовой общественной поддержки борьбы с проявлениями коррупции, в осуждении коррупционных действий при оптимальной поддержке средств массовой информации и коммуникаций. Полученные данные социологического исследования могут иметь прикладное значение и быть использованы в реализации Концепции взаимодействия органов государственной власти, органов местного самоуправления и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции, выработке единой стратегии по реализации комплекса антикоррупционных мер, направленных, в первую очередь, на профилактику и минимизацию ее масштабов.

Литература:

1. Горшков М.К. Гражданское общество и гражданская культура в современной России: опыт социологической диагностики. – СПб.: СПбГУП, 2013. С.10.
2. Социологическая энциклопедия. В 2-х томах. Т.1. – М.: «Мысль», 2003, С.501.
3. Астанин В.В. Об эффективных механизмах взаимодействия государства с гражданским обществом в сфере противодействия коррупции // *Административное и муниципальное право*, 2011, N 4.
4. См., например: Охотский Е.В. Коррупция: сущность, меры противодействия. // *Социс*, 2009, №9; Астанин В.В. Об эффективных механизмах взаимодействия государства с гражданским обществом в сфере противодействия коррупции // *Административное и муниципальное право*, 2011, N 4; Кирилл Кабанов, председатель общественной организации «Национальный антикоррупционный комитет» <http://lenta.ru/conf/kkabanov/>; Корсантия А.А. Коррупционная преступность в Российской Федерации // *Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации*. 2010. № 17.
5. Шаповалов Б. Практика противодействия коррупции на муниципальном уровне // *Преступность, национальная безопасность, бизнес*. Под общ. ред. А.И. Долговой. М., Российская криминологическая ассоциация, 2012. – С.275.
6. Горшков М.К. Гражданское общество и гражданская культура в современной России: опыт социологической диагностики. – СПб.: СПбГУП, 2013. С.14-15.
7. Социологические исследования и правовой мониторинг // *Правовой мониторинг: Науч.-практ. пособие*. М., 2009. С. 76 – 85.

ФИЛИПОВА Ольга Владимировна
кандидат юридических наук, г. Екатеринбург
E-mail: tp0507@ya.ru

Уголовно-правовое регулирование конфискации имущества в современной России

Рассмотрена конфискация имущества, как одно из видов уголовно-правового воздействия на виновного в совершении преступления и как наиболее эффективное средство профилактического (превенционного) характера в борьбе с преступными проявлениями носящими экономический, экстремистский, террористический и организованный характер.

Ключевые слова: конфискация, ограничение и лишение прав, правоограничения, принуждение, имущество, частная собственность, этнонациональный экстремизм, коррупция.

Конфискация имущества входит в систему уголовных наказаний, получившую отражение в международных договорах, участником которых является Российская Федерация (ст. 8 Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма [1]; ст. 13, 14 Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности [2]; ст. 3, 5 Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ [3]).

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» [4] и Федерального закона «О противодействии терроризму» [5] вернул конфискацию имущества в отечественное уголовное законодательство в составе главы 15.1 в раздел VI «Иные меры уголовно-правового характера».

Уже из названия Федерального закона, дополнившего содержание УК РФ, следует, что основным целевым назначением конфискации имущества является усиление уголовно-правового противодействия терроризму. Вместе с тем, если ранее конфискация имущества была известна как уголовное наказание, то в настоящее время эта мера с позиции закона относится к числу иных мер уголовно-правового характера,

хотя данной мере свойственны многие содержательные формальные признаки наказания, например, ограничение или лишение прав, принудительный характер исполнения и наличие субъекта принуждения в лице государства [6].

Конфискация имущества – уже не дополнительное наказание, она не включена в систему уголовных наказаний, которая закреплена в ст. 44 УК РФ. Однако следует обратить внимание на то, что в определении наказания, данном в ч. 1 ст. 43 УК РФ, не говорится о том, что лишение или ограничение прав и свобод должно быть сформулировано именно как вид наказания. В соответствии с законом эти правоограничения должны быть предусмотрены УК РФ, что означает возможность их наличия и в содержании иных мер, не являющихся наказанием. Поэтому с позиции содержания наказания и иные меры уголовно-правового характера могут совпадать [7].

В уголовно-правовой литературе предлагаются различные определения понятия «конфискации» и высказываются различные точки зрения относительно ее правовой природы [8].

Так, А.Н. Малышев считает, что «конфискации имущества – это мера государственного принуждения, заключающаяся в принудительном безвозмездном изъятии и обращении, согласно вступившему в законную силу обвинительному приговору суда, в собственность государства имущества, принадлежащего осуж-

денному, полученного в результате совершения преступления, и доходов от него, а равно имущества, используемого или предназначенного для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, принадлежащих осужденному на законном и незаконном основании, а также у других лиц в связи с их осведомленностью о происхождении такого имущества» [9].

По мнению указанного ученого конфискации имущества присущи признаки, позволяющие отнести ее к виду дополнительного наказания:

1) конфискация имущества является мерой уголовной ответственности;

2) конфискация не может назначаться самостоятельно (как иные меры уголовно-правового характера), а является дополнением к основному виду наказания;

3) конфискация предусматривается за совершение конкретных преступлений, указанных в перечне ст. 104.1 УК РФ [10].

Д.В. Толков считает, что конфискация имущества есть мера государственного принуждения, образующая некарательную форму реализации уголовной ответственности, заключающаяся в принудительном и безвозмездном обращении по решению суда в доход государства приобретенных преступным путем денег, ценностей, имущества и доходов от этого имущества, денег, ценностей иного имущества, используемых или предназначенных для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), а также орудий, оборудования или иных средств совершения преступления [11].

По мнению названного ученого конфискация имущества имеет двойственную уголовно-правовую природу. Конфискация денег, ценностей, иного имущества, используемых или предназначенных для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), орудий, оборудования или иных средств совершения преступления относится к мерам безопасности (наряду с принудительными мерами медицинского и воспитательного характера), имеющим своей целью достижение социальной справедливости, устранение опасности и (или) предупреждение

совершения новых преступлений. Конфискация приобретенных преступным путем денег, ценностей, имущества и доходов от этого имущества образует иную принудительную меру уголовно-правового характера, имеющую своей целью (в отличие от уголовных наказаний и мер безопасности) восстановление правового положения, нарушенного в результате совершения преступления [12].

А.А. Пропостин полагает, что «конфискация применительно к целям борьбы с преступностью по своей сути является мерой криминологической безопасности. Исходя из ее направленности на борьбу с преступностью, которая является специфической формой социального управления, следует, что она в таком виде в большей степени соответствует предмету административного права. Из этого можно сделать вывод, что ныне действующая конфискация, не будучи формой реализации уголовной политики (включающей в себя уголовно-правовую, уголовно процессуальную и уголовно-исполнительную политику), фактически относится к той части политики борьбы с преступностью, которая именуется превентивной (не карательной) политикой» [13].

Следует отметить, что в своей сущности конфискация имущества при современной ее законодательной интерпретации выступает уголовно-правовым последствием совершения преступления, каковыми являются, например, принудительные меры медицинского характера, применяемые к лицам, совершившим преступление и страдающим психическими расстройствами, не исключающими вменяемость. К числу таких мер различные авторы, в частности, относят также условное осуждение, отсрочку отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, условно-досрочное освобождение от наказания и освобождение от наказания по иным мотивам, принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним [14]. Указанные меры, как и конфискация имущества, объективно обременяют наказание и уголовную ответственность в целом, однако не являются самостоятельной формой ее реализации [15].

Кроме того, в качестве специфических признаков, характеризующих конфискацию имущества как меру уголовно-правового характера, выделяют то, что она:

1) не является самостоятельной формой реализации уголовной ответственности;

2) не является и альтернативной наказанию мерой, а всегда сочетается с наказанием;

3) может сочетаться как с основным видом наказания, так и с совокупной мерой, т.е. с основным и дополнительными видами наказаний;

4) может назначаться и при применении таких мер уголовно-правового характера, как условное осуждение, отсрочка отбывания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей;

5) может выступать в качестве меры уголовно-правового характера, ограничивающей имущественные права осужденного или третьих лиц (только в той части, которая касается конфискации находящегося в законном владении имущества) [16].

Необходимо отметить также, что правовой институт органично вписан во всю российскую систему права, так как:

1) конфискация имущества не нарушает принципа личной ответственности лица, виновного в совершении преступления. Так, для семьи осужденного законом гарантировано сохранение определенного материального минимума, поскольку существует перечень имущества, не подлежащего конфискации. С другой стороны, следует учитывать, что вся семья пользовалась результатами преступной деятельности одного из своих членов, следовательно, государство имеет право ущемить ее имущественные интересы [17];

2) конфискация имущества является весьма эффективным средством профилактики, подрывая экономическую основу организованной и индивидуальной экстремистской деятельности;

3) конфискация имущества позволяет хотя бы отчасти восполнить ущерб, нанесенный обществу совершенными преступлениями экстремистской направленности;

4) провозглашая в ч. 1 ст. 35 охрану частной собственности законом, в ч. 3 этой же статьи Конституция РФ предусматривает, что по решению суда лицо может быть лишено своего имущества.

Как свидетельствует мировая практика борьбы с организованной преступностью (в том числе терроризмом и экстремизмом), члены преступных групп не считают наказание в виде лишения свободы мерой, которая способна пресечь их прибыльный «бизнес». Основные усилия в борьбе с организованной преступностью и экстремизмом должны быть направлены на подрыв организационных основ этой деятельности, в первую очередь каналов их финансирования [18].

Социально-правовая значимость конфискации имущества как действенного уголовно-правового инструмента противодействия экстремизму проявляется в том, что ее применение призвано обеспечить восстановление социальной справедливости и одновременно подорвать экономическую основу современного этнонационального экстремизма, приобретающего все более организованный и агрессивный характер. Конфискация имущества как правовой инструмент борьбы с этнонациональным экстремизмом позволяет:

- укрепить и диверсифицировать правовые основы профилактики и предупреждения экстремистской деятельности;

- расширить возможности подрыва каналов финансирования экстремистской и террористической деятельности;

- квалифицированно подходить к решению вопроса об ответственности за экстремистскую деятельность и терроризм, а также пособничество им;

- сформировать правовые основы и механизмы ликвидации последствий террористических актов (например, возмещение ущерба за счет конфискованного имущества) [19].

В настоящее время конфискация урегулирована главой 15.1 УК РФ и ст. ст. 73, 81, 115, 116, 299, 306 и 307 УПК РФ, являясь межотраслевым институтом. Т.В. Архипенко отмечает, что законодательное изменение традиционного места конфискации имущества в системе норм материального права потребовало корректировки представлений относительно рассматриваемого явления в уголовном процессе, что повлекло ряд изменений в процессуальном законе. Так, внесены соответствующие изменения и дополнения в п. 8 ч. 1 ст. 73, ч. 1 ст. 81, ст. 115 УПК РФ [20].

Необходимо обратить внимание, что от конфискации имущества как вида ранее действовавшего уголовного наказания и как уголовно-правовой меры, подкрепляющей уголовное наказание в соответствии со ст. 104.1 УК РФ следует отличать наложение ареста на имущество. Такой арест, в соответствии с ч. 1 ст. 115 УПК РФ осуществляется для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества, полученного в результате преступных действий либо нажитого преступным путем, или согласно с ч. 1 ст. 116 УПК РФ – наложение ареста на ценные бумаги либо их сертификаты для обеспечения возмож-

ной конфискации имущества, полученного в результате преступных действий либо нажитого преступным путем.

Конфискацию имущества также следует отличать от возмездного изъятия. ГК РФ предусматривает возмездный выкуп зданий, сооружений или иной недвижимости, находящихся на земельном участке (ст. 239 ГК РФ), выкуп бесхозяйственно содержимых культурных ценностей (ст. 240 ГК РФ), выкуп домашних животных при ненадлежащем обращении с ними (ст. 241 ГК РФ). В КоАП РФ (ст. 3.6) предусмотрен такой вид административного наказания, как возмездное изъятие орудия совершения или предмета административного правонарушения. Оно предполагает принудительное изъятие, последующую реализацию и передачу бывшему собственнику вырученной суммы за вычетом расходов на реализацию изъятого предмета [21].

От иных имущественных санкций конфискацию отличает то, что она состоит в изъятии имущества; в возможности изъятия любого имущества; в возможности государства распоряжаться изъятим имуществом; в безвозмездности и окончательности изъятия [22].

Таким образом, с учетом рассмотренных далее в настоящей работе положений, можно сформулировать следующее определение рассматриваемого понятия:

Конфискация имущества представляет собой принудительное безвозмездное изъятие и (или) обращение в собственность государства имущества, являющегося собственностью осужденного, применяемое по обвинительному приговору суда за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления из корыстных побуждений и назначаемое судом только в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ.

Следовательно, по своему содержанию конфискация имущества предполагает лишение права собственности на конфискуемое имущество.

Уголовно-правовой институт конфискации имущества, основанный на нормах международного права, призван служить уголовно-правовым средством противодействия корыстной преступности, а также финансированию экстремистских и иных организованных преступных структур. Он является юридическим основанием принудительного изъятия и безвозмездного обращения в собственность государства имущества, незаконно полученного в результате совершения преступлений из чис-

ла указанных в специальном перечне, а также определенного имущества, принадлежащего виновному. Данный институт устанавливает, какое именно имущество и при каких условиях подлежит конфискации с учетом источников и путей его получения, целей и характера его использования, приоритета имущественных прав законного владельца (потерпевшего) и соответствующих прав добросовестного приобретателя на переданное ему виновным имущество.

Конфискация, закрепленная в ст. 104.1 УК РФ, включает в себя три самостоятельных вида конфискации. Она является:

а) наказанием, когда предусмотрено изъятие любого имущества, нажитого как законным, так и преступным путем в случае, если это имущество используется или предназначено для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации). Этот вид конфискации предусмотрен в п. «в» ч.1 ст. 104.1 УК РФ;

б) «иной мерой» уголовно-правового характера, в случае, когда предусмотрено изъятие имущества, полученного в результате совершения преступлений, указанных в перечне. Этот вид конфискации предусмотрен в п. «а», «б» ч.1 ст. 104.1 УК РФ;

в) мерой безопасности или специальной уголовно-процессуальной конфискацией, когда изымаются орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому. Этот вид конфискации предусмотрен в п. «г» ч.1 ст. 104.1 УК РФ.

Наряду с этим, как видится, по действующему УК РФ конфискация имущества распространяется не на любое имущество виновного, как это имело место ранее, а только на то, которое прямо указано в законе (имущество, тем или иным образом связанное с совершением преступления или имеющее определенное целевое назначение). При этом УК РФ устанавливает несколько критериев, определяя имущество, подлежащее конфискации.

Прежде всего, это имущество, полученное в результате совершения преступлений. К преступлениям, при совершении которых может быть применена конфискация имущества, отнесены следующие:

– убийство при наличии квалифицированных обстоятельств (ч. 2 ст. 105 УК РФ);

– умышленное причинение тяжкого вреда здоровью при наличии отягчающих обстоятельств (ч. 2 ст. 111 УК РФ);

- похищение человека при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 126 УК РФ);
- торговля людьми (ст. 127.1 УК РФ);
- использование рабского труда (ст. 127.2 УК РФ);
- нарушение авторских и смежных прав (ст. 146 УК РФ);
- нарушение изобретательских и патентных прав (ст. 147 УК РФ);
- хищение предметов, имеющих особую ценность (ст. 164 УК РФ);
- подкуп участников и организаторов профессиональных, спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов при наличии отягчающих обстоятельств (ч. 3, 4 ст. 184 УК РФ);
- изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг (ст. 186 УК РФ);
- изготовление или сбыт поддельных кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов (ст. 187 УК РФ);
- незаконный экспорт из Российской Федерации или передача сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконное выполнение работ (оказание услуг), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники (ст. 189 УК РФ);
- коммерческий подкуп при наличии отягчающих и особо отягчающих обстоятельствах (ч. 3, 4 ст. 204 УК РФ);
- террористический акт (ст. 205 УК РФ);
- содействие террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ);
- публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 205.2 УК РФ);
- захват заложников (ст. 206 УК РФ);
- организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст. 208 УК РФ);
- бандитизм (ст. 209 УК РФ);
- организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней) (ст. 210 УК РФ);
- массовые беспорядки (ст. 212 УК РФ);
- незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его составных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 222 УК РФ);
- пиратство (ст. 227 УК РФ);
- незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а так же незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (ст. 228.1 УК РФ);
- хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (ст. 229 УК РФ);
- незаконное культивирование растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры (ст. 231 УК РФ);
- организация либо содержание притонов для потребления наркотических средств или психотропных веществ (ст. 232 УК РФ);
- незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта (ст. 234 УК РФ);
- вовлечение в занятие проституцией (ст. 240 УК РФ);
- организация занятий проституцией (ст. 241 УК РФ);
- незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов (ст. 242 УК РФ);
- изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическим изображением несовершеннолетних (ст. 242.1 УК РФ);
- государственная измена (ст. 275 УК РФ);
- шпионаж (ст. 276 УК РФ);
- посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ);
- насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст. 278 УК РФ);
- вооруженный мятеж (ст. 279 УК РФ);
- диверсия (ст. 281 УК РФ);
- организация экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ);
- организация деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ);
- злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ);
- получение взятки (ст. 290 УК РФ);
- разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения (ст. 355 УК РФ);

– наемничество, при особо квалифицированных обстоятельствах (ч. 3 ст. 359 УК РФ).

В данном случае, с нашей точки зрения, необходимо обратить внимание на следующие обстоятельства. Определяя перечень преступлений, результатом совершения которых может быть приобретение имущества, подлежащего конфискации, законодатель ориентировался на общественную опасность, тяжесть преступления и его характер. Поэтому в приведенный выше перечень в включены в основном преступления, связанные с посягательством на личность, преступления коррупционного и террористического характера [23].

При этом достаточно важным моментом является то обстоятельство, что УК РФ не предусматривает обязательности применения конфискации имущества. С одной стороны, такое решение вопроса о применении рассматриваемой меры уголовно-правового характера можно объяснить тем, что имущество приобретается далеко не во всех случаях совершения преступлений, указанных в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. Но с другой стороны, суд формально не обязан применять конфискацию имущества и в тех случаях, когда таковое приобретается в результате совершения преступления. Иными словами, конфискация имущества носит необязательный характер, что вряд ли соответствует цели закона, дополнившего УК РФ соответствующей главой [23].

Еще один вид имущества, подлежащего конфискации, образует имущество, с использованием которого совершается преступление, – это орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, принадлежащие или переданные обвиняемому. В последнем случае может быть поставлен вопрос о соучастии в преступлении и применении для конфискации указанного имущества норм УПК РФ.

Указанные виды имущества могут быть конфискованы на основании ст. 104.1 УК РФ, но эти же виды имущества в соответствии со ст. 81 УПК РФ являются вещественными доказательствами (предметы, которые служили орудиями преступления или сохранили на себе следы преступления; деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления). В соответствии с этой же статьей УПК РФ орудия преступления, принадлежащие обвиняемому, подлежат конфискации или передаются в соответствующие учреждения, или уничтожаются; деньги, ценности и иное имущество, указанные в пп. «а»-«в»

ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, подлежат конфискации в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных п. 4 ст. 81 УПК РФ.

Так, по одному из уголовных дел признание автомашины вещественным доказательством было признано не соответствующим требованиям закона. Из постановления следователя от 31 июля 2006 г. усматривалось, что вещественным доказательством автомашина признана потому, что служила средством передвижения при совершении преступлений. Однако в ч. 1 ст. 81 УПК РФ такое основание признания предмета вещественным доказательством отсутствует, что не было учтено судом первой инстанции. Принимая во внимание изложенное, Судебная коллегия исключила из приговора указание об обращении автомашины в доход государства [24].

Таким образом, можно сказать, что существует определенная конкуренция норм УК РФ и УПК РФ, регулирующих вопрос о применении конфискации имущества. Если проблемы с конфискацией в отношении орудий, средств совершения преступления, имущества, добытого в результате совершения преступления, решаются в рамках УПК РФ как в отношении вещественных доказательств, то не лишней ли является в рассматриваемой части ст. 104.1 УК РФ, поскольку конфискация имущества является мерой процессуального характера? При наличии двойственной правовой природы конфискации имущества дать точный ответ на поставленный вопрос достаточно затруднительно, однако, как справедливо отмечает Е.В. Медведев, в рассматриваемой части конфискации, более целесообразно признать ее мерой уголовно-процессуального плана, тем более что требования УПК РФ в части конфискации имущества, полученного в результате совершения преступления, орудий и средств его совершения и т.д. распространяются на любые подобные случаи вне зависимости от вида совершенного преступления, а не только на случаи совершения преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. Это важно и в том аспекте, что в качестве процессуальной меры конфискации указанного выше имущества является обязательной, а в качестве иной меры уголовно-правового характера к таковой не относится [25].

На процессуальную природу рассматриваемой меры обращается внимание и в определении Конституционного Суда РФ от 8 июля

2004 г. № 251-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданина Яковенко Андрея Федоровича пунктом 1 статьи 86 УПК РСФСР и гражданина Исмаилова Адила Юнус Оглы - пунктом 1 части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации, а также жалобы гражданина Кузьмина Владимира Клавдиевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 81 УПК Российской Федерации» [26]. В частности, Конституционный Суд РФ указал, что норма, содержащаяся в п. 1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ (п. 1 ст. 86 УПК РСФСР), является по своей природе и сущности нормой уголовно-процессуального законодательства как самостоятельной отрасли в системе законодательства Российской Федерации, имеет собственный предмет правового регулирования - институт вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве.

Таким образом, конфискация имущества, являющегося вещественным доказательством по делу, - это процессуальная, но не уголовно-правовая мера. Поэтому п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ может применяться достаточно ограничено.

Необходимо обратить внимание на еще одну проблему, которую следует иметь в виду, решая вопрос о применении конфискации имущества. В соответствии с п. 1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ конфискации подлежат только орудия преступления, принадлежащие обвиняемому. Это же положение закреплено в п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. Во-первых, здесь, видимо, не совсем корректно применен термин «обвиняемый», поскольку вопрос о конфискации имущества в соответствии с ч. 3 ст. 81 УПК РФ решается при вынесении приговора, а также определения или постановления о прекращении уголовного дела, т.е. не только в отношении имущества, принадлежащего обвиняемому, но и подсудимому, осужденному. И кроме того, указание на принадлежность имущества обвиняемому в ряде случаев исключает возможность конфискации орудий и средств совершения преступления. К примеру, на практике достаточно широко распространены случаи, когда похищенная из нефтепроводов нефть вывозится на автомашинах, не являющихся собственностью обвиняемого или осужденного. В соответствии с действующим законом в этом случае средство совершения преступления подлежит возврату собственнику. Затем это же имущество, например при сдаче в аренду, вновь используется при

совершении преступлений. Думается, в этой связи актуальным является вопрос о повышении ответственности собственника за целевое использование его имущества другими лицами. Вопрос этот, естественно, не однозначен и требует своего изучения. Но в то же время следует обратить внимание на то, что национальному законодательству ряда стран известны подходы, при которых имущество, используемое при совершении преступлений, может быть конфисковано у собственника, если он не проявил должной предусмотрительности и его имущество было использовано во зло третьими лицами [27].

Как представляется, такие подходы в отдельных случаях поддерживаются и международным сообществом. Так, ст. 1 Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности установлено, что термин «конфискация» означает не только наказание, но и «меру, назначенную судом в результате судопроизводства по уголовному делу или уголовным делам и состоящую в лишении имущества» (п. «d»); при этом под имуществом понимается имущество любого рода, вещественное и невещественное (п. «b»), и «орудия», означающие любое имущество, использованное или предназначенное для использования любым способом, целиком или частично, для совершения преступления или преступлений (п. «c») [28].

Таким образом, в Конвенции принадлежность (собственность обвиняемого или иного лица) имущества не является определяющим фактором при решении вопроса о конфискации. Такой же подход, как представляется, целесообразно было бы закрепить и в российском УК РФ.

Э.В. Мартыненко отмечает также, что конфискация может быть обращена не только на имущество, полученное в результате совершения указанных в законе преступлений, но и на любые доходы от этого имущества, за исключением имущества и доходов от него, подлежащих возвращению законному владельцу [29]. Это положение представляется очень важным, поскольку практика показывает, что доходы от имущества, полученного в результате совершения преступлений, нередко составляют весьма значительные суммы.

Не менее важным является и положение УК РФ, согласно которому конфискация имущества распространяется также и на деньги, ценности и иное имущество, в которые иму-

щество, полученное в результате совершения преступления, и доходы от этого имущества были частично или полностью превращены или преобразованы. Данное положение исключает возможность использования результатов преступной деятельности в тех ситуациях, когда имущество, полученное в результате совершения преступлений, преобразуется в иное имущество, например, когда преступник успевает на похищенные средства приобрести недвижимость, вложить их в производство и так далее. Такая возможность ранее в связи с исключением конфискации имущества из уголовного закона была исключена [2]. Полагаем, что указанные выше подходы к конфискации имущества являются достаточно эффективной законодательной мерой противодействия коррупционным преступлениям и преступлениям террористического характера.

В том случае, если же имущество, полученное в результате совершения преступления, и (или) доходы от этого имущества были приобщены к имуществу, приобретенному законным путем, конфискации подлежит та часть этого имущества, которая соответствует стоимости приобщенных имущества и доходов от него.

Таким образом, можно утверждать, что конфискация имущества распространяется в первую очередь на имущество, которое тем или иным образом соотнесено с совершением преступления и принадлежит виновному. Это первый вид имущества, подлежащего конфискации.

Вместе с тем, как показывает практика, в антиобщественных целях может быть использовано не только имущество, приобретенное в результате совершения преступления, но также и благоприобретенное имущество. В этой связи уголовный закон, преследуя цель лишения материальной и финансовой базы отдельных лиц и групп, чья деятельность противоречит закону, распространяет действие конфискации и на подобное имущество. Поэтому конфискованы могут быть деньги, ценности и иное имущество, используемые или предназначенные для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации). Следовательно, второй вид имущества, подлежащего конфискации, составляет имущество, предназначенное для использования в преступных целях, указанных в законе. Данное имущество может быть и благоприобретенным [2].

Говоря о данном предмете конфискации, следует обратить внимание на два подхода, применяемых законодателем применительно к имуществу, – это используемое или предназначенное для финансирования терроризма и другое имущество. Если имущество используется для финансирования терроризма, то оно может быть конфисковано на основании ст. 104.1 УК РФ, поскольку использование означает причастность (соучастие) виновного к совершению преступления, а в отдельных случаях (например, в соответствии со ст. 205.1 УК РФ) и самостоятельное преступление. Если же имущество предназначалось, но еще не использовалось для финансирования терроризма, то это может расцениваться как приготовительные действия пособника или исполнителя. Таким образом, и при использовании, и при предназначенности имущества для финансирования преступлений можно говорить, как минимум, о соучастии в совершении преступления, а следовательно, о связи имущества, подлежащего конфискации, с преступлением и его конфискации у лица, совершающего преступление или участвующего в той или иной роли в его совершении [2].

В случаях когда имущество, подлежащее конфискации, было передано осужденным другому лицу (организации), оно подлежит конфискации, если лицо, принявшее имущество, знало или должно было знать, что оно получено в результате преступных действий.

Принятие третьим лицом имущества от осужденного в том случае, когда это лицо знало о получении имущества в результате преступных действий, может при наличии соответствующих условий служить основанием для решения вопроса о соучастии в преступлении, совершенном осужденным или о совершении самостоятельного преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ «Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем».

Указание же на то, что лицо должно было знать о получении имущества осужденным в результате преступных действий, говорит о необходимости проявления должной предусмотрительности лицом при приобретении имущества. Ее отсутствие может стать основанием лишения имущества третьего лица даже в случае добросовестного приобретения имущества у осужденного [2].

Проведенный выше анализ относительно видов имущества, подлежащего конфискации, позволяет сделать следующие основные выводы.

Во-первых, конфискации подлежит только имущество, тем или иным образом относимое к преступлению (использованное, предназначенное для совершения преступления, полученное в результате совершения преступления или являющееся результатом преобразования преступно полученного имущества).

Во-вторых, конфискации подлежит только имущество, принадлежащее виновному или переданное им другим лицам. В этой связи можно сказать, что институт конфискации имущества нуждается в доработке в части конфискации имущества, принадлежащего третьим лицам, но с использованием которого совершено преступление. Это особенно важно с учетом требований международных соглашений, участником которых является Россия.

В настоящее время наиболее полно вопросы конфискации имущества решены в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» [2], где Пленум Верховного Суда РФ обращает внимание судов на то, что оборот контрафактных экземпляров произведений или фонограмм нарушает охраняемые федеральным законодательством авторские и смежные права, в связи с чем указанные экземпляры произведений или фонограмм подлежат конфискации и уничтожению без какой-либо компенсации (за исключением случаев передачи конфискованных контрафактных экземпляров произведений или фонограмм обладателю авторских или смежных прав, если это предусмотрено действующим в момент вынесения решения по делу федеральным законом).

Затем в указанном постановлении отмечается, что в соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ судам надлежит исходить из того, что деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате преступлений, предусмотренных ст. 146 и 147 УК РФ, и любые доходы от этого имущества конфискуются, за исключением имущества и доходов от него, подлежащих возвращению законному владельцу.

Пленумом обращается внимание и на то обстоятельство, что исходя из положений п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ орудия и иные принадлежащие обвиняемому средства совершения преступления, в частности оборудование, прочие устройства и материалы, использованные для воспроизведения контрафактных экземпляров произведений или фонограмм, подлежат конфискации.

Таким образом, в заключение данного вопроса можно сделать следующие выводы:

Основанием назначения любого вида конфискации имущества является совершение преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. В данном случае необходимо отметить, что она не может быть назначена при совершении общественно опасного деяния лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности и невменяемыми, а также в случае смерти обвиняемого.

В целях усиления мер по противодействию коррупции предмет конфискации предлагается расширить за счет включения в него любого добросовестно приобретенного имущества осужденного, имущества, переданного осужденным членам его семьи независимо от их осведомленного о характере его происхождения, а также имущества, законность приобретения которого не может быть подтверждена обвиняемым.

Литература:

1. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 г.): Российская Федерация ратифицировала настоящую Конвенцию Федеральным законом от 10 июля 2002 г. № 88-ФЗ с заявлениями // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 12. – Ст. 1059.
2. Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности ETS № 141 (Страсбург, 8 ноября 1990 г.): Российская Федерация ратифицировала настоящую Конвенцию Федеральным законом от 28 мая 2001 г. № 62-ФЗ с оговорками и заявлением // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 3. – Ст. 203.
3. Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20 декабря 1988 г.: СССР ратифицировал настоящую Конвенцию Постановлением ВС СССР от 9 октября 1990 г. № 1711-I // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации, выпуск XLVII. – М., 1994. – С. 133-157.

4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму: Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 153-ФЗ: в ред. от 05.06.2007 г. [Текст] // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3452.
5. О противодействии терроризму: Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ: в ред. от 03.05.2011 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.
6. Архипенко Т.В. Конфискация имущества по уголовному законодательству Российской Федерации – точка зрения на правовую природу конфискации как «иной меры уголовно-правового характера» [Текст] / Т.В. Архипенко // Российский следователь. – 2008. – № 23. – С. 17.
7. Курлаева О.В. Конфискация имущества как мера государственного принуждения: к постановке проблемы [Текст] / О.В. Курлаева // Человек: Преступление и наказание. – 2010. – № 1. – С. 45.
8. См.: Бушуева С.А. Правовая природа конфискации имущества [Текст] / С.А. Бушуева // Бизнес в законе. – 2008. – № 3. – С. 161-162; Болатчиева А.А. О сущности конфискации имущества [Текст] / А.А. Болатчиева // Общество и право. – 2008. – № 4. – С. 181-182; Мельников М.Г. Конфискация имущества как мера уголовно-правового обременения: правовая природа и законодательная рекомендация [Текст] / М.Г. Мельников // Общество и право. – 2010. – № 4. – С. 156-163; Толков Д.В. Проблемные аспекты определения места конфискации имущества в системе действующего уголовного законодательства [Текст] / Д.В. Толков // Человек: Преступление и наказание. – 2010. – № 2. – С. 60-63; и др.
9. Малышев А.Н. Конфискация в российском частном и публичном праве [Текст] / А.Н. Малышев // Юридический мир. – 2008. – № 4. – С. 42.
10. См.: Малышев А.Н. Указ. соч. – С. 42.
11. См.: Толков Д.В. Указ. соч. – С. 62.
12. См.: Там же. – С. 63.
13. Пропостин А.А. Конфискация имущества как мера борьбы с преступностью: прошлое, настоящее, будущее [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.А. Пропостин; науч. рук. В.А. Уткин. – Томск, 2010. – С. 16.
14. См.: Дворецкий М.Ю. Иные меры уголовно-правового характера в системе видов уголовной ответственности: оценка состояния и эффективности [Текст] / М.Ю. Дворецкий // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы 6-й международной научно-практической конференции 29-30 января 2009 г. – М.: Изд-во «Проспект», 2009. – С. 122; Карпов К.Н. Классификация иных мер уголовно-правового характера [Текст] / К.Н. Карпов // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе. Сборник материалов XII международной научно-практической конференции (19-20 февраля 2009 г.). Ч.1. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2009. – С. 67; и др.
15. См.: Шнитенков А.В. Новое в уголовном законодательстве [Текст] / А.В. Шнитенков // Уголовный процесс. – 2006. – № 8. – С. 3-6.
16. См.: Мартыненко Э.В. Достоинства и недостатки конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера [Текст] / Э.В. Мартыненко // Российский следователь. – 2009. – № 16. – С. 13-14.
17. Тюнин В.И. Эффективность новой формы конфискации имущества [Текст] / В.И. Тюнин // Уголовный процесс. – 2007. – № 2. – С. 47.
18. См.: Савелов О.П. Институт конфискации в национальном уголовном законодательстве: вопросы правового регулирования, международно-правовые аспекты [Текст] / О.П. Савелов // Закон и право. – 2009. – № 3. – С. 67.
19. Найденко В.Н. Конфискация имущества как правовой инструмент противодействия этнонациональному экстремизму [Текст] / В.Н. Найденко // Журнал российского права. – 2009. – № 1. – С. 117.

20. См.: Архипенко Т.В. Конфискация имущества по уголовному законодательству Российской Федерации – точка зрения на правовую природу конфискации как «иной меры уголовно-правового характера» [Текст] / Т.В. Архипенко // Российский следователь. – 2008. – № 23. – С. 17.
21. См.: Бахрах Д.Н. Конфискация как мера административной ответственности [Текст] / Д.Н. Бахрах // Административное право и процесс. – 2008. – № 4. – С. 10-12.
22. См.: Малышев А.Н. Конфискация в российском частном и публичном праве [Текст] / А.Н. Малышев // Юридический мир. – 2008. – № 4. – С. 40.
23. Завидов Б.Д. Отдельные правовые аспекты конфискации имущества по уголовному законодательству России [Текст]: научно-практический и аналитический комментарий / Б.Д. Завидов // Российский следователь. – 2011. – № 3. – С. 13.
24. Определение Верховного Суда РФ от 16.07.2007 г. № 35-о07-30 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2007. – № 11. – С. 88.
25. См.: Медведев Е.В. Спорные положения института конфискации и вопросы его применения [Текст] / Е.В. Медведев // Российская юстиция. – 2010. – № 5. – С. 62.
26. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданина Яковенко Андрея Федоровича пунктом 1 статьи 86 УПК РСФСР и гражданина Исмаилова Адиля Юнус Оглы – пунктом 1 части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации, а также жалобы гражданина Кузьмина Владимира Клавдиевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 81 УПК Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 8 июля 2004 г. № 251-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2005. – № 1.
27. См.: Мартыненко Э.В. Предмет конфискации имущества [Текст] / Э.В. Мартыненко // Публичное и частное право. – 2010. – № 2 (6). – С. 82.
28. Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности ETS № 141 (Страсбург, 8 ноября 1990 г.): Российская Федерация ратифицировала настоящую Конвенцию Федеральным законом от 28 мая 2001 г. № 62-ФЗ с оговорками и заявлением [Текст] // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 3. – Ст. 203.
29. Мартыненко Э.В. Указ. соч. – С. 83.
30. См.: Мартыненко Э.В. Указ. соч. – С. 83.
31. См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации [Текст] / под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт-Издат, 2010. – С. 217.
33. См.: Мартыненко Э.В. Указ. соч. – С. 83.
34. См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации [Текст] / под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт-Издат, 2010. – С. 218.
35. О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2007 г. № 14 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2007. – № 7.

ЗАЦЕПИН Александр Михайлович
кандидат юридических наук
г. Екатеринбург, E-mail: tp0507@ya.ru

Особенности организации осмотра места происшествия при расследовании преступлений, совершенных с применением взрывчатых веществ и взрывных устройств

Автором рассмотрены некоторые проблемные аспекты, возникающие в процессе осуществления выявления, предупреждения раскрытия и расследования преступных проявлений, связанных с использованием взрывных устройств и взрывчатых веществ. В частности, предложен алгоритм действий при осмотре места происшествия при расследовании преступлений, совершенных с применением взрывчатых веществ и взрывных устройств.

Ключевые слова: *Осмотр места происшествия, взрывчатое вещество, взрывное устройство, расследование, взрыв, полиция, эвакуация, взрывотехника, гексоген, специалист-взрывотехник, микроволокна.*

Специфика расследования преступлений, совершенных с использованием взрывчатых веществ и взрывных устройств, характеризуется определенными трудностями. Как правило, взрывы неожиданны для окружающих и сложны по своему механизму. Из-за быстротечности по времени взрывы затрудняют восприятие событий свидетелями и потерпевшими.

Осмотр места происшествия как неотложное следственное действие играет огромную роль в раскрытии и расследовании данных преступлений. Своевременный, полный и тактически правильный осмотр места происшествия в дальнейшем позволит построить правильные версии, направить раскрытие преступления по нужному пути, выявить преступника и не дать ему совершить новое преступление, а также получить важные сведения, относительно многих обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу: времени, места, способа, мотивов и целей совершения преступления, факторов, способствующих его совершению, характера и размера ущерба и др.

Ученые-криминалисты в своих исследованиях отмечают, что по делам, связанным с подготовкой либо производством взрыва, местом происшествия обычно являются:

- место обнаружения взрывного устройства;
- место, где осуществлялось изготовление взрывного устройства либо производилось взрывчатое вещество;
- место хранения (транспортировки) взрывного устройства или взрывчатого вещества;
- место испытаний взрывных устройств и взрывчатого вещества;
- место взрыва и прилегающая к нему территория либо место обнаружения трупа с повреждениями, свидетельствующими об использовании взрывных устройств для совершения преступления;
- место засады и место обнаружения передатчика дистанционно-управляемого взрывного устройства (если преступники его использовали) [1].

Я придерживаюсь их мнения, но считаю, что они указали не все случаи, места проис-

шествия по делам, связанным с применением взрывных устройств. Как справедливо считают Б.А. Евстегнеев, А.Н. Иванов, Д.А. Исхизов и С.М. Колотушкин «Взрывное устройство может быть скрыто в тайнике, оборудованном в жилом помещении. В данном случае скорее следует говорить об обыске жилища, а не об осмотре места происшествия. То же самое можно сказать и о производственном участке, где изготавливалось взрывное устройство. В таких ситуациях следует проводить обыск или осмотр помещения (жилища), а не места происшествия. Место взрыва можно рассматривать и как территорию, где саперами был уничтожен взрывоопасный объект. В этом случае также необходимо производить осмотр, но не места происшествия, а местности» [2].

При осмотре места происшествия, по делу об использовании взрывного устройства, осматривают не только отдельные участки местности, но и помещения, транспорт, трупы и их части, взрывного устройства и их фрагменты и т.д. Данные факторы обуславливают сложность и трудоемкость осмотра. Необходимо проведение разнообразных по характеру организационных и подготовительных мероприятий, решение сложных задач.

Если следователь получил сообщение о готовящемся либо происшедшем взрыве, то он, перед тем как приступить к осмотру места происшествия, должен выполнить определенные действия организационного характера. Как справедливо отмечает Л.В. Бертовский, организационные мероприятия в данных случаях имеет свои особенности и заключаются в том, что место происшествия может представлять большие площади, определяемые разлетом осколков и частей предметов окружающей обстановки, а также разрушениями, вызванными действием воздушной ударной волны [3]. Кроме того, следователю приходится учитывать возможность повторного взрыва и принимать меры по его предотвращению; ликвидировать последствия взрыва и обеспечивать сохранность его следов.

Как и при любом осмотре места происшествия, его подготовка осуществляется еще до выезда на место происшествия. Ознакомившись с поступившей информацией следователю необходимо принять следующие меры:

- дать задание сотрудникам полиции охранять место происшествия;
- организовать эвакуацию граждан, находящихся в предполагаемой опасной зоне;

- решить вопрос об организации аварийно-восстановительных работ, спасательных мероприятий;

- связаться с ближайшим специальным подразделением по очистке местности от взрывоопасных предметов (МЧС) и подать заявку для прибытия специалиста;

- оказать медицинскую помощь потерпевшим;

- оповестить о происшествии службы газо-, водо-, электроснабжения.

Следователь как руководитель следственно-оперативной группы подбирает состав участников для осмотра места происшествия. Круг специалистов, которые могут быть использованы широк и зависит от полученной информации о происшествии. Однако, всегда рекомендуется привлекать специалиста по взрывотехнике и сотрудника экспертно-криминалистического подразделения. Если на месте происшествия обнаружен труп или его части, то необходимо участие судебно-медицинского эксперта.

В случае возгорания на месте происшествия каких-либо объектов, необходимо пригласить в качестве специалиста сотрудника Государственного пожарного надзора.

Специалисты на месте происшествия оказывают следователю научно-техническую помощь; выполняют его указания, направленные на обнаружение, закрепление и изъятие следов происшествия; проводят их предварительное исследование и дают необходимые консультации.

К осмотру места происшествия также могут быть привлечены и иные лица. Сюда следует включить: оперативных работников (2–3 человека); сотрудников патрульно-постовой службы (1–3 наряда), осуществляющие оцепление; представителей администрации; работников коммунальных служб (газо-, водо- и электросетей); рабочих для разборки завалов, перемещение разрушенных конструкций и т.д.

Отмечая особенности использования технических средств, следует отметить, что при осмотре могут использоваться как традиционные технические средства, применяемые при производстве осмотра любого места происшествия, так и специальные взрывотехнические.

Таким образом, как видится, прибыв на место происшествия следователю необходимо установить, характер происшествия, получить сведения от прибывших ранее сотрудников полиции и о принятых ими мерах безопасности. Если имеются пострадавшие, то необходимо

Особенности организации осмотра места происшествия

вызвать работников соответствующих медицинских служб. Отправляя пострадавших в больницу необходимо установить их данные (личность, место жительства).

При осмотре места взрыва основными задачами осмотра являются:

- принятие мер от повторных взрывов, обвалов и т.д.;
- оказание помощи раненым, установление личности потерпевших;
- установления факта взрыва взрывного устройства или иного события;
- изучение и фиксация материальной обстановки места взрыва; обнаружение, предварительное исследование, фиксация и изъятие материальных объектов, позволяющих определить непосредственную причину, способ и иные обстоятельства взрыва;
- установление центра взрыва;
- восстановление механизма взрыва по имеющимся следам и иным материальным объектам;
- установление способа подрыва, мощности взрыва, вида и конструктивных особенностей взорванного взрывного устройства;
- выявление фиксации и изъятие материальных следов, позволяющих выявить лиц, причастных к происшествию, вероятные мотивы совершения преступления;
- выявление условий, способствовавших возникновению взрыва (или возникли после него), угрожающих жизни и здоровью людей, и принятие мер к их установлению;
- ликвидация последствий взрыва [4].

Если осмотр проводится в жилом доме либо на предприятии, нужно принять меры, чтобы все жильцы или сотрудники покинули помещение. Осматривая взорванное здание необходимо выяснить его состояние. В случаях, когда конструкция здания утратила свою прочность необходимо выполнить разрушительные работы. Лишь только после этого рекомендуется проводить предварительный ознакомительный осмотр места взрыва. Осмотр проводится совместно со специалистами (сапером и взрывотехником), которые удостоверяются в безопасности от повторного взрыва. Границы осмотра зависят от того, где и какое взрывное устройство будет обнаружено.

Следователь, организуя осмотр места происшествия должен установить участок местности для прохода на место происшествия и место, где будет осуществляться сбор всех объектов, имеющих значение для дела.

Восстанавливая картину происшедшего на месте взрыва, следует опросить всех сотрудников полиции, несших службу в районе взрыва, всех возможных свидетелей и пострадавших. На схематическом плане места происшествия необходимо отметить положение последних в момент взрыва.

Одновременно с осмотром оперативные работники должны:

- выяснить, кому принадлежит взорванный объект или территория, на которой произошел взрыв;
- составить список лиц, обычно присутствующих там, где произошел взрыв;
- составить описание подозреваемых лиц, транспортных средств;
- изучить местность и отметить на схеме возможные пути подхода и отхода лиц, совершивших взрыв;
- обследовать ближайшие зоны и учреждения в поисках свидетелей [5].

Перед детальным осмотром места взрыва проводится фотосъемка либо видеозапись. Фиксируется обстановка места происшествия в целом; трупы; поврежденные взрывом строения, транспортные средства, предметы; воронки; остатки взрывных устройств и взрывчатого вещества; невзорвавшиеся взрывные устройства (обнаруженные на месте происшествия). Изготавливая ориентирующую и обзорную фотосъемку, здание снимается с двух сторон с использованием способов встречной или крестообразной съемки. В случае образования завалов внутри строения, фотосъемка ведется с тех точек. Фотографируя труп необходимо зафиксировать его положение относительно центра взрыва и окружающей обстановки.

Детальный, осмотр места взрыва проводится только после выполнения всех организационно-подготовительных мероприятий.

В отношении способов производства детального осмотра места взрыва в настоящее время нет единого мнения. Одна часть ученых криминалистов (большая) считает, что необходимо начинать с центра взрыва, а затем передвигаться к периферийным участкам [6]. Это обусловлено тем, что центр взрыва является начальной точкой разлета осколков, продуктов взрыва. Именно в нем сосредоточено основное количество следов и остатков взрывчатого вещества и взрывного устройства. Другие же ученые считают, что осмотр места взрыва целесообразно проводить от периферии к центру взрыва [7].

С целью наибольшей результативности и полноты осмотра, осматриваемый участок рекомендуется разделить небольшие секторы. Эти участки должны быть закреплены за одним или несколькими членами следственно-оперативной группы. Таким образом, в осмотре может участвовать несколько групп и в каждую из них должны быть включены понятые – не менее двух.

Существует несколько способов детального осмотра следов взрыва: секторный, участковый и узловой. Секторный применяется в случаях, когда открытый участок места происшествия разбивается на отдельные участки. Участковый применяется, когда территория разграничивается на соответствующие участки в зависимости от имеющихся на них строений или сооружений. Узловой, когда осмотр начинается в отдельных местах на той территории, где предполагается первоочередное проведение аварийно-спасательных и восстановительных работ с изменением материальной обстановки.

Наличие на месте происшествия таких признаков, как воронка со взрыхленными стенками и гребнем по краям; большие разрушения окружающей обстановки; копать и подпалины грунта, растительности и предметов; наличие радиальных полос, начинающихся от центра взрыва и расходящихся от него по мере удаления указывают на центр взрыва. Однако необходимо учитывать, что в центре взрыва может и не быть воронки. Данное обстоятельство может быть в случае малой мощности взрывного устройства или оно находилось на некотором расстоянии от поверхности грунта. Отсутствует воронка и при взрыве взрывных устройств на водной поверхности. В этом случае центр взрыва определяется по следам разрушения преград, воздействия высоких температур, наличие копати, подпалин и т.д..

Не представляет большой трудности определить центр взрыва в помещении, где остается большое количество следов. Это прежде всего большие разрушения; наличие радиальных полос копати на вертикальных плоскостях, образующихся в результате воздействия тепловой энергии взрыва; наличие множества фрагментов взрывных устройств; сильно выраженное воздействие высокой температуры взрыва и ударной волны на одежде и теле потерпевших.

При обнаружении центра взрыва принятия решения о начале осмотра с него, рекомендуется провести фотосъемку или видеозапись центра места взрыва. Воронку центра взрыва нужно снимать как минимум с двух сторон, ис-

пользуя верхнюю точку съемки. После фотосъемки (видеозаписи) производят замер центра взрыва. Воронку измеряют по диаметру, высоте гребня и глубине. Фиксируют также расстояние от центра воронки до нескольких ближайших неподвижных объектов окружающей местности, потерпевших и наиболее удаленных следов взрыва. Если обнаружено несколько воронок, то необходимо описать каждую из них и определить расстояние между ними.

При осмотре места взрыва необходимо учитывать, что некоторые взрывчатые вещества (в зависимости от химического состава) после взрыва оставляют определенный только данной группе веществ запах. Данный запах сохраняется некоторое время в центре взрыва, что позволяет изъять его. Для этого рекомендуется перекопать или полить землю в центре взрыва. Если запах выявлен, этот факт следует отразить в протоколе и изъять его для дальнейшего экспертного исследования.

В случае обнаружения объектов, которые могут являться фрагментами взрывного устройства, нельзя брать в руки и передвигать. Необходимо каким-либо образом отметить место их обнаружения и, завершив осмотр участка, показать найденные фрагменты участникам следственного действия.

Осматривая каждый сектор (участок) следует осмотреть прилегающие здания (крыши) и деревья (кроны). Завершив таким образом осмотр одного сектора, можно приступить к осмотру следующего.

Осматривая место взрыва необходимо уделить внимание поиску частиц взрывчатого вещества. Обнаружить взрывчатое вещество можно на предметах окружающей обстановки, которые до взрыва находились рядом с взрывным устройством; на осколках устройства; на одежде пострадавших; на неразрушенных элементах стальных и дверных проемов, шторах, вентиляционных решетках. Изымая с места взрыва остатки взрывчатого вещества необходимо соблюдать правила техники безопасности, так как некоторые взрывчатые вещества способны к химическим превращениям при нагревании, ударе, трении.

Обнаруженные объекты необходимо упаковывать отдельно в герметичные стеклянные баночки или герметичные полиэтиленовые пакеты¹.

¹ Полиэтилен как упаковочный материал уступает стеклу, поскольку способен пропускать пары взрывчатых веществ.

Закончив осматривать место взрыва, следует перейти к осмотру прилегающей к нему местности. Осмотру подлежат строения, транспортные средства, трупы людей и животных и т.д.

Осмотр места взрыва, в обязательном порядке, включает в себя проведение предварительного исследования обнаруживаемых объектов и следов взрыва с целью получения оперативно-розыскной информации и формирования обоснованных следственных версий.

Исследование найденных объектов проводится неразрушающими методами, обеспечивающими сохранность объектов и неповрежденность следов на них для дальнейшего экспертного исследования.

На заключительном этапе осмотра места происшествия следователь:

- составляет протокол осмотра и необходимые планы, чертежи (специалист при этом оказывает помощь в описании следов);

- упаковывает объекты, изъятые с места происшествия (специалист в необходимых случаях также оказывает помощь следователю в упаковке изъятых следов, и других вещественных доказательств, и при наличии постановления о назначении экспертизы (или письменного задания оперативного работника) доставляет их в экспертное учреждение);

- принимает меры к сохранению тех имеющих доказательственное значение объектов, которые невозможно изъять с места происшествия;

- принимает меры по поступившим от участников осмотра и иных лиц заявлениям, относящимся к осмотру места происшествия.

М.Ю. Белоусов в своем исследовании отмечает, что обнаруженные фрагменты взрывных устройств, целесообразно изымать в резиновых перчатках без стряхивания пыли и очистки поверхности от загрязнений и налетов; сортировать по родовой и видовой принадлежности или по иным признакам (например, по расположению относительно центра взрыва, по принадлежности к одной детали); промаркировать и, подробно описав в протоколе, упаковать (отдельно друг от друга или по группам) [8].

Изъятые объекты, на которых имеются порошкообразные или кристаллические вещества, а также со следами копоти упаковываются отдельно и хранятся в холодильнике. Изымаются также и пробы грунта для обнаружения частиц взрывчатого вещества. Пробы изымаются с различных глубин дна воронки и боковых повер-

ностей. В каждой пробе грунта должно быть не менее 1 кг. Если на месте происшествия имеется вода, то изымаются также и пробы воды для этих же целей. Изымаются также и пробы воздуха. При необходимости могут быть изъятые образцы растительности, имеющейся на месте происшествия.

Для полноты исследования изъятых проб необходимо исследовать еще и объекты, не имеющие следов взрывчатых веществ. Поэтому с места происшествия изымаются контрольные образцы – грунт (не менее 200 г) и вода. Изымаются также образцы от предметов аналогичных изъятых с места происшествия, которые не подверглись воздействию взрыва. Данные образцы изымаются с окружающей местности на расстоянии не менее 20 м от центра взрыва в разных точках.

Осмотр трупа на месте взрыва производится следователем с обязательным привлечением врача – специалиста в области судебной медицины или иного врача..

Специалист в области судебной медицины помогает следователю:

- установить приблизительное время ее наступления смерти;

- провести наружный осмотр трупа, одежды, имеющейся на трупе;

- отыскать, осмотреть, изъять и упаковать следы, предметы и вещества биологического происхождения;

- выяснить вопросы медицинского характера, возникшие у следователя в процессе осмотра места дорожно-транспортного происшествия.

При описании трупа указывается его местонахождение по отношению к центру взрыва и предметов окружающей обстановки. При обнаружении нескольких трупов, фиксируется положение каждого из них по отношению к центру взрыва. Таким же образом необходимо зафиксировать отдельные части трупа.

На схематическом плане указывается центр взрыва, положение трупа и оторванных частей его тела. При осмотре трупа необходимо подробно описать повреждения одежды. Все обнаруженные при этом осколки ВУ, частицы дерева, грунта и т.п. необходимо изъять.

Одежда трупа должна осматриваться вся и в такой последовательности: пальто, пиджак, сорочка, майка, брюки, трусы, обувь, носки. Одновременно с одеждой должен быть осмотрен головной убор, место его нахождения, повреждения на нем, загрязнения и следы других наложений.

При судебно-медицинском исследовании трупа в морге иногда требуется уточнение некоторых данных осмотра, отмеченных на месте происшествия, но не занесенных в протокол. В этой связи большое значение приобретают фотоснимки места происшествия. При фотографировании трупа на месте происшествия необходимо фиксировать не только общий вид поврежденного тела, но и отдельные фрагменты, детали с обязательным соблюдением правил масштабной съемки. Особое внимание должно быть обращено на фотографирование крупным планом позы трупа, повреждений на одежде и теле. Желательно изготовление цветных фотоснимков.

Все видимые повреждения на теле трупа описываются в протоколе с указанием их места расположения и их соответствия с повреждениями на одежды.

При расследовании преступлений связанных со взрывом, в обязательном порядке должна вычерчиваться схема места происшествия. На ней в масштабе должна быть указана его фактическая обстановка. Обязательно необходимо указать центр взрыва, обнаруженные повреждения, места обнаружения ВУ, микрочастиц не прореагировавшего ВВ. Указываются места обнаружения пострадавших, точки, с которых брались пробы и образцы воды и грунта и места, где производилось фотографирование или видеосъемка.

Изымать с места происшествия необходимо все, что может иметь отношение к расследуемому событию. При заключительном осмотре необходимо убедиться, что вся криминалистическая информация выявлена и зафиксирована, обнаружены, исследованы и изъяты все объекты, имеющие значение для установления истины по делу.

Таким образом, на месте происшествия при угрозе взрыва следователь выполняет организационную работу с учетом сложившейся ситуации. Для осмотра места происшествия по данной категории уголовных дел выделяют три типичные ситуации:

- получено сообщение о предстоящем взрыве или заложенном взрывном устройстве, однако взрывных устройств не обнаружено;

- обнаружен объект похожий на взрывное устройство;

- произошел взрыв в определенном месте [9].

Как правило, все организационно-подготовительные мероприятия схожи во всех ситуаци-

ях. Однако приемы, которые используются в детальной стадии осмотра, несколько отличаются друг от друга и следовательно должны группироваться с учетом выделенных ситуаций.

По первой ситуации, когда получено сообщение о предстоящем взрыве или заложенном взрывном устройстве, однако устройства не обнаружено, основными задачами осмотра являются: недопущение жертв среди людей и разрушения зданий, а также обнаружение и обезвреживание взрывных устройств. Для решения этих задач необходимо проведение следующих организационных действий:

- провести эвакуацию людей из объекта, где предположительно установлено ВУ и закрыть доступ посторонним в данную зону;

- принять меры к отключению газа, воды и электричества и если имеется необходимость вызвать к данному месту соответствующие аварийные службы;

- организовать производство оперативно-розыскных мероприятий.

При осмотре места, где по имеющейся информации может быть взрыв, основной задачей является: обнаружение взрывного устройства; его обезвреживание; установление вида, конструктивных и иных особенностей обнаруженного устройства; выявление следов, по которым можно изобличить лицо, изготовившее или заложившее взрывное устройство [10].

Участвуя в поиске взрывного устройства, следует иметь в виду, что демаскирующими признаками взрывоопасных предметов могут быть, например, «забытый» и явно никому из окружающих не принадлежащий предмет (сумка, кейс, чемодан и т.п.). Этот предмет, как правило, находится в каком-либо месте длительное время. Такие случаи наблюдались в местах большого скопления людей (вокзалы, станции метрополитена и т.д.). В обнаружении подобных взрывных устройств большую помощь могут оказать окружающие.

Подозрительными являются автомобили, оставленные вблизи каких-либо важных объектов (банки, посольства, представительства, фирм), если имеются сведения об угрозе их взрыва.

Другие демаскирующие признаки взрывного устройства обусловлены следующими факторами:

- наличием взрывчатого вещества в конструкции взрывного устройства;

- наличием антенны у радиоуправляемого взрывного устройства;

Особенности организации осмотра места происшествия

- наличием часового механизма или электронного таймера;
- наличием электропроводной линии управления;
- наличием локально расположенной массы металла;
- неоднородностью окружающей среды (нарушением поверхности грунта, дорожного покрытия, стены здания, нарушение цвета растительности или снежного покрова) и др.

Взрывное устройство содержит как правило от нескольких десятков граммов до нескольких килограммов взрывчатого вещества. Поэтому его можно обнаружить путем регистрации газообразных испарений продуктов медленного разложения или испарения взрывчатых веществ. Чувствительность к парам взрывчатых веществ современных портативных газоанализаторов достаточна для обнаружения, например, противотанковой мины на глубине 5 см (при положительной температуре).

Например портативный детектор взрывчатых веществ МО-2 предназначен для обнаружения следовых количеств паров взрывчатых веществ при оперативном обследовании различных объектов, в том числе и в полевых условиях. С его помощью возможно обнаружение большинства современных штатных взрывчатых веществ и составов, в том числе пластичных и эластичных на основе гексогена.

Однако в настоящее время лучшим детектором взрывных устройств является собачий нос. Специально обученные собаки способны избирательно обнаруживать весьма малые количества взрывчатого вещества. При этом заряд может быть в грунте, багаже пассажиров, автомобиле и т.д. Обычно собака обучена таким образом, что при обнаружении взрывчатого вещества она садится рядом с предметом.

Обнаружение радиуправляемых взрывных устройств может осуществляться методом нелинейной радиолокации. Существующие отечественные и зарубежные приборы нелинейной локации предназначены для обнаружения устройств, содержащих полупроводниковые элементы (транзисторы, диоды, микросхемы и т.п.) в своей конструкции. При этом электронная схема объекта поиска может находиться как во включенном, так и в выключенном состоянии. Приборы нелинейной локации имеют массу не более 4-8 кг и обнаруживают устройства с радиоэлектронными устройствами на дальности до 1,5 – 2 м.

Взрывные устройства с часовым механизмом могут обнаруживаться с использованием портативных контактных микрофонов (фонендоскопов). Эти приборы позволяют зарегистрировать акустический шум часового механизма через стены, потолки, и другие ограждающие конструкции вокруг взрывного устройства.

Проводные линии управления можно обнаруживать путем применения переносных электромагнитных кабелеискателей. Глубина обнаружения находящейся в грунте кабельной линии управления – до 1 м

Металлические элементы конструкции взрывных устройств могут обнаруживаться с применением переносных металлоискателей.

Выделяют три основных метода поиска взрывных устройств:

- открытый;
- скрытый;
- поиск, осуществляемый специалистами, входящими в состав следственно-оперативной группы.

Открытый метод поиска осуществляется сотрудниками сотрудников объекта, на котором предположительно заложено взрывное устройство. Данный метод рекомендуется проводить лишь когда: а) невозможно остановить производство; б) невозможно осуществить эвакуацию людей в сжатые сроки; в) имеются основания считать данную угрозу ложной [11].

Скрытый метод осуществляется администрацией или сотрудникам службы безопасности объекта без эвакуации или с частично эвакуацией персонала.

Как при открытом, так и при скрытом методе поиска главным условием является соблюдение мер безопасности, поскольку любое неосторожное действие может повлечь срабатывание взрывных устройств.

Практика показывает, что наиболее эффективным является поиск, который осуществляют специалисты, входящие в состав следственно-оперативных групп. В состав таких групп могут входить сотрудники администрации, охраны, хозяйственных служб учреждения. Проводя эвакуацию сотрудников объекта необходимо попросить: полностью открыть все шкафы, сейфы, коробки, пакеты, сумки, холодильники и т.п., сложить в центре помещений находившиеся в них приборы с автономным питанием и часы, отключить все бытовые и иные электроприборы, открыть окна, форточки, жалюзи.

Осуществлять поиск необходимо вначале снаружи объекта, затем осмотреть входы, обще-

ственные места (коридоры, туалеты и т.д.), лестницы, обратив особое внимание на малоосвещенные углы на лестничных площадках, лифты и лифтовые шахты, подвалы, чердаки, склады, и лишь потом переходить к осмотру рабочих помещений. Движение следует осуществлять снаружи вовнутрь и снизу вверх [12].

Особое внимание обращается на свежие повреждения поверхности здания в подвальных помещениях, а также ниши и высверленные отверстия в стенах, которые могут использоваться для закладки взрывных устройств [13].

В просторных помещениях рекомендуется применять визуальный поиск подгруппами из двух человек, передвигающихся навстречу друг другу, одновременно используя приборы нелинейной локации и радиометрическую поисковую аппаратуру. Тогда имеется возможность дублировать действия друг друга, применяя при этом визуальный осмотр и технические средства [14].

При обнаружении взрывного устройства рекомендуется не прекращать поисковые работы, поскольку на одном объекте устройства могут располагаться в нескольких местах.

Обнаружив взрывное устройство необходимо решить вопрос о его обезвреживании или уничтожении на месте обнаружения. Если при осмотре будет установлено, что его можно обезвредить, то лучше это сделать на месте обнаружения, за исключением ситуации с экстренным перемещением взрывных устройств.

В процессе производства осмотра места происшествия оперативные работники должны вести скрытое наблюдение за подозрительными лицами и находящимся в зоне видимости транспортом. При этом рекомендуется проводить видеозапись.

Согласно «Руководству по работе со взрывоопасными объектами в экспертных подразделениях МВД России», введенным в действие 27 июля 1995 года, в компетенцию специалиста-взрывотехника не входит поиск и разминирование взрывных устройств при поступлении сигнала об угрозе взрыва. Однако, как сотрудник полиции, эксперт обязан иметь представления о методах обнаружения взрывных устройств.

В его прямые обязанности входят консультативные функции. Как специалист в данной области специалист-взрывотехник дает рекомендации по поиску криминалистической информации и сам принимает участие в этом, обеспечивает надлежащую упаковку изымаемых объектов, определяет природу и центр взрыва,

проводит предварительное исследование взрывоопасных объектов, оказывает следователю помощь в описании их признаков в протоколе осмотра и т.д. Проводить какие-либо манипуляции с взрывным устройством, не снятым с боевого взвода, специалист-взрывотехник не имеет права. Данные функции (обнаружение и обезвреживание) входят в круг специалистов из саперных военно-инженерных частей. Следователь должен проинструктировать лиц, которые будут заниматься поиском и обезвреживанием взрывных устройств, что их действия не повлекли уничтожению на взрывных устройствах следов рук, инструментов и т.д. Для того, чтобы сапер знал как работать, чтобы не «затоптать» следы, инструктаж саперов рекомендуется проводить следователю совместно со специалистом-криминалистом.

При обезвреживании взрывного устройства данный факт фиксируется в протоколе осмотра места происшествия и акте об обезвреживании. В акте необходимо отразить:

- кто и когда вызвал саперов; состав группы и ее руководитель;
- время прибытия на место происшествия; описание подозрительного предмета и места его установки;
- указания по зоне оцепления и укрытия людей и техники; используемые специальные средства для оценки состояния ВУ;
- предварительные выводы о конструкции взрывного устройства; выбранный способ и место обезвреживания;
- с кем согласован план обезвреживания;
- время; сигналы и команды; какие средства, методы использовались и как применялись;
- описание каждого этапа работы и полученных результатов, характеристики частей (остатков) взрывоопасного объекта после применения средств обезвреживания.

Уничтожив взрывное устройство, следует провести осмотр места взрыва и собрать все предметы со следами взрыва, а также фрагменты взрывного устройства.

Если обнаружен предмет, который по внешним признакам либо по имеющейся информации позволяет предположить, что он является взрывным устройством, то необходимо провести его взрывотехническое обследование. Данное обследование позволит установить принадлежность его к взрывоопасным объектам. В данной ситуации следует принять меры к предотвращению последствий возможного взрыва, для чего

Особенности организации осмотра места происшествия

подозрительный объект ограждается подручными средствами, которые предотвратят в случае взрыва большие разрушения от фугасного действия. Для этой цели можно использовать мешки с песком или автомобильные шины. Зимний период могут быть использованы снеговые экраны. Кроме того, локализация может производиться путем перемещения взрывного устройства с использованием шнура и кошки в открытый в грунте шурф.

Приступая к осмотру взрывного устройства, необходимо убедиться в том, что отсутствует угроза его взрыва и выполнить подготовительные действия: выяснить, не причинены ли повреждения или изменения взрывного устройства в процессе его обезвреживания; проинструктировать всех участников осмотра о мерах предосторожности при обращении с взрывными устройствами, взрывчатыми веществами; разъяснить участникам осмотра их права и обязанности, предусмотренные УПК, уведомить о технических средствах которые будут применяться в процессе осмотра; распределить функциональные обязанности между членами группы, поставить перед каждым конкретные задачи.

Основными задачами осмотра взрывных устройств являются:

- осмотр конструкции ВУ и фиксация его состояния;
- исследование и фиксация признаков материалов, веществ и изделий, использованных для изготовления устройства;
- обнаружение; фиксация и изъятие следов и микрообъектов, имеющих на взрывном устройстве или в массе взрывчатого вещества;
- выявление следов имеющих криминалистическое значение.

Тактическими же рекомендациям осмотра взрывного устройства являются:

- единое руководство осмотром со стороны следователя;
- целенаправленность, планомерность, полнота осмотра постоянный анализ его хода и результатов;
- учет изменений и повреждений, которые были совершены специалистом и иными лицами до начала осмотра;
- эффективное использование научно-технических средств и методов;
- недопущение на место происшествия лиц, непосредственно не занятых в осмотре;
- соблюдение всеми участниками осмотра взрывотехнических мер предосторожности [15];

Выполнив, все указанные мероприятия необходимо перейти к фиксации состояния взрывного устройства. Обычно для этого применяется фотосъемка или видеозапись, которые могут выполняться комплексно, дополняя друг друга. В качестве дополнительных мер применяется схема устройства, которая отражает его состояние на момент осмотра. В ней фиксируется положение всех частей взрывного устройства: бойка, ударника, замедлителей, расположение взрывчатого вещества и средств инициирования, повреждения корпуса и т.д.

Составляя протокол осмотра места происшествия необходимо описать место, где было обнаружено взрывное устройство.

При осмотре взрывного устройства следователю необходимо предпринимать меры безопасности, а именно:

- нельзя ударять, тереть, встряхивать, накалывать или царапать твердым предметом взрывное устройство;
- запрещается нагревать взрывное устройство.

Основной задачей осмотра взрывных устройств на данном этапе является обнаружение следов рук, инструментов и микрочастиц. Для их поиска используются традиционные технические приемы и средства: фронтальное, боковое, теневое освещение, ультрафиолетовые осветители, инфракрасные излучатели, а также метод мысленного моделирования обстановки события, способ оптического увеличения, а также обобщенный следственный опыт.

Фиксация и изъятие обнаруженных следов также осуществляется в соответствии с общепринятыми криминалистическими правилами [16].

- На последующем этапе осмотра изучается:
- заряд взрывчатого вещества и его оболочка;
 - средства инициирования;
 - детали и части, обеспечивающие контакт взрывчатого вещества и средств инициирования; механизм приведения в действие взрывного устройства и его составные части;
 - детали, обеспечивающие крепление механизма приведения в действие ВУ;
 - корпус взрывного устройства, готовые поражающие элементы;
 - камуфляж устройства и средства транспортировки взрывоопасного предмета.

Осматривая взрывное устройство необходимо обратить внимание на следы, которые могут исчезнуть при неосторожном обращении: следы рук, смазки, микроволокна и т.п.

В протоколе необходимо отразить следующие сведения: материал, цвет, форму, размеры каждого элемента взрывного устройства; наличие и местонахождение маркировок; признаки доработок изделия; потертости, царапины, вмятины и иные повреждения; состояние объекта на момент начала осмотра; следы обработки корпуса взрывного устройства (следы сваривания, разреза и т.п.). При наличии в конструкции взрывного устройства нескольких однородных объектов (например, гаек, гвоздей и т.д.), имеющих общие групповые признаки, рекомендуется описать характерные особенности каждого такого объекта либо поместить их в отдельные пакеты с соответствующим номером и пояснительной надписью. Все детали по возможности измеряются. Результаты измерения отражаются в протоколе [17].

Если на месте происшествия обнаружены приспособления, предназначенные для приведения в действие взрывного устройства, они

также подлежат осмотру. В протоколе указывается вид приспособления, например, взрывная машинка; зажигательная трубка; огнепроводный шнур и т.д.

Несмотря на то, что основным объектом осмотра места происшествия является взрывное устройство, не следует забывать о необходимости обнаружения, фиксации и изъятия иной криминалистически значимой информации.

Осмотр сопряжен с риском для жизни, как для участников осмотра, так и для окружающих. В связи с этим на следователя возлагается очень большая ответственность, как на руководителя следственно-оперативной группы. Малейшая оплошность со стороны любого из участников осмотра может повлечь к жертвам среди людей, большому материальному ущербу, утрате криминалистически значимой информации и т.д. Следовательно, необходимо специально готовить следственно-оперативные группы готовые действовать в данных экстремальных ситуациях.

Литература:

1. См.; Криминалистика / Под ред. Т.А. Седовой, А.А. Эксархопуло. СПб., 1995. С. 170; Асташов М.А. Использование специальных познаний эксперта-взрывотехника при расследовании преступлений: Автореф. дис. канд. юрид. наук. Воронеж, 2001. С. 18; Шорин И.Ю. Криминалистические аспекты борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием дистанционно-управляемых взрывных устройств: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 19.
2. Евстегнеев Б.А., Иванов А.Н., Исхизов Д.А., Колотушкин С.М. Осмотр места происшествия при расследовании преступлений, совершенных с применением взрывных устройств. Саратов, 2002. С. 9-10.
3. См.: Бертовский Л.В. Методика расследования и прокурорского надзора по делам об убийствах, совершенных с применением взрывных устройств: Автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 1999. С. 14.
4. О задачах осмотра места взрыва см.: Мартынов В.В., Семенов А.Ю., Стецкевич А.Д. Указ. соч. С. 25-26; Бертовский Л.В. Методика расследования и прокурорского надзора по делам об убийствах, совершенных с применением взрывных устройств: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 13; Пантелеев И.Ф. Расследование и профилактика взрывов, пожаров, крушений и авиапроисшествий. М., 1975. С. 65; Криминалистика / Под ред. Т.А. Седовой, А.А. Эксархопуло. СПб., 1995. С. 170.
5. О действиях оперативных работников на месте происшествия, связанного со взрывом ВУ, подробнее см.: Осмотр места взрыва: Методические рекомендации. Н. Новгород, 1999. С. 4-5.
6. См., например: Криминалистика / Под ред. Т.А. Седовой, А.А. Эксархопуло. СПб., 1995. С. 171; Воробьева И.Б., Маланьина Н.И., Хрусталева В.Н. Криминалистическое исследование взрывов. Саратов, 2000: С.23; Криминалистика / Под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина. М., 2000. С. 433.
7. См.: Криминалистика. Т. 2: Техника, тактика, организация и методика расследования преступлений / Под ред. Б.П. Смагоринского. Волгоград, 1994. С. 478.
8. См.: Белоусов М.Ю. Осмотр места взрыва. Требования к объектам, предъявляемым на взрывотехническую экспертизу // Следователь сегодня: Материалы научно-практической конференции (8 декабря 1999 г.). С. 55.

Особенности организации осмотра места происшествия

9. См.: например: Дильдин Ю.М., Семенов А.Ю., Шмырев А.А. Взрывы и обнаружение взрывных устройств тв: Вопросы организации и методики работы. М., 1991. С. 5.
10. См.: Криминалистика / Под ред. Т.А. Эксархопуло. СПб., 2001. С. 245.
11. См.: Игнашин В.И. Взаимодействия участников следственно-оперативной группы, осуществляющих поиск взрывного устройства в процессе осмотра места происшествия // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. Второй Всероссийский «круглый стол», 20 - 21 июня 2002 года. Сборник материалов. Ростов-на-Дону, 2002. С. 106.
12. См.: Воробьева И.Б., Маланьина Н.И., Хрусталева В.Н. Криминалистическое исследование взрывов. Саратов, 2000. С. 21.
13. Об этом подробнее см.: Исхизов Д.А. Вопросы осмотра места происшествия, связанного с применением взрывных устройств // Вестник Саратовской государственной академии права. 2000. № 3. С. 61.
14. См.: Галахов С.С. Криминальные взрывы. Основы оперативно-розыскной деятельности по борьбе с преступлениями террористического характера. С. 158-159.
15. Об этом подробнее см.: Моторный И.Д. Взрывные устройства и их криминалистический осмотр. М., 1997. С. Дильдин Ю.М., Мартынов А.А. Стецкевич А.Д. Место взрыва как объект криминалистического исследования. М., 1995. С. 26-27.
16. Приемы поиска, предварительного исследования, фиксации и изъятия следов достаточно подробно исследованы в криминалистической литературе. См., например: Моторный И.Д. Взрывные устройства и их криминалистический осмотр; Воробьева И.Б., Маланьина Н.И. Следы на месте преступления. Саратов, 1996; Вандер М.Б., Маланьина Н.И. Судебная микрология (криминалистический аспект). Саратов, 1988.
17. См.: Евстегнеев Б.А., Иванов А.Н., Исхизов Д.А., Колотушкин С.М. Осмотр места происшествия при расследовании преступлений, совершенных с применением взрывных устройств. Саратов, 2002. С. 50.

ПЕРМЯКОВ Максим Владимирович

кандидат юридических наук, доцент, г. Екатеринбург,

E-mail: pтv0929@ya.ru

Проблемы квалификации незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ

Автором рассмотрены проблемы уголовно-правовой квалификации преступных проявлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, а так же особенности закрепления (фиксации) доказательственной базы по такого рода преступлениям.

Ключевые слова: *правоприменитель, незаконный оборот, наркотическое средство, психотропное вещество, аналог, сбыт, преступление, сильнодействующее вещество, ядовитое вещество, психоактивное свойство.*

Необходимым и решающим условием правильной квалификации преступлений можно назвать точный социально - правовой анализ признаков совершенного деяния. Установление же тождества фактических обстоятельств преступления и признаков соответствующей уголовно - правовой нормы является одним из основных условий соблюдения законности при отправлении правосудия по уголовным делам. Проблема квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, является не только одной из наиболее сложных в уголовном праве, но и наиболее значимой для практики расследования и судебного разбирательства.

Достаточно широкое распространение немедицинского потребления наркотических средств ставит под угрозу не только здоровье отдельных граждан, наций, но и генофонд человечества в целом. В России за последние пять лет количество наркоманов возросло примерно в 3,5 раза и, по мнению специалистов, превысило 3 млн. человек [1]. Рост числа потребителей наркотиков создал огромные рынки сбыта, где возросший спрос удовлетворяется, прежде всего, за счет нелегального производства и контрабанды наркотических средств. Существенным сдерживающим фактором незаконного оборота

наркотиков в данном случае может стать наличие эффективных уголовно - правовых норм, направленных на борьбу с этим социальным злом.

Логическое и структурное совершенство уголовно - правовых норм - важная предпосылка для правильной квалификации деяний, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. В УК РФ в главе 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» содержатся основные составы преступлений, предусматривающие уголовную ответственность за деяния в сфере незаконного оборота наркотических средств (ст. ст. 228 - 233 УК РФ) [2].

Кроме того, УК РФ предусматривает ответственность и за иные преступления, которые так или иначе могут быть связаны с этими средствами: ст. 174 УК РФ - легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенного незаконным путем; ч. 2 ст. 188 УК - контрабанда, связанная с незаконным перемещением через таможенную границу Российской Федерации наркотических средств.

Диспозиции статей 228 - 233 УК РФ являются бланкетными, что вынуждает правоприменителя при квалификации преступлений обращаться к иным законам, постановлениям, правилам и инструкциям.

Один из «традиционных» составов преступлений предусматривает ст. 228 УК РФ. Деяния, предусмотренные рассматриваемой статьей, непосредственно посягают на законный порядок оборота наркотических средств и психотропных веществ, установленный для охраны здоровья населения.

«Анализируя конструкцию ст. 228 УК, - отмечает Гладких В.И., - необходимо заметить, что она явно перегружена, так как в одной норме предусмотрены сразу три самостоятельных состава преступления (ч. 1; чч. 2 - 4; ч. 5)» [3]. С этим замечанием нельзя не согласиться. Совершенно очевидно, что составы данных преступлений различаются как по объективной стороне, так и по субъективной стороне, по субъекту и даже предмету преступного посягательства.

По признакам ч. 1 ст. 228 УК РФ квалифицируется незаконное приобретение или хранение без цели сбыта наркотических средств или психотропных веществ в крупном размере.

Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ (далее - НСПВ) является одной из актуальных проблем современного общества, что представляет серьезную угрозу здоровью населения, экономике страны, правопорядку, а также безопасности государства. Сохраняется высокий уровень незаконного распространения наркотиков среди населения страны, особенно в детской и молодежной среде. По данным общероссийского мониторинга, общая численность лиц, допускающих незаконное потребление наркотиков, составляет 5,99 млн. человек, из них 1,87 млн. - это подростки и молодежь в возрасте до 24 лет. По данным независимых социологических исследований, реальная численность потребителей наркотиков в стране превышает официальную численность в 8-10 раз. Растет и связанная с наркотиками преступность. За последние 10 лет количество ежегодно регистрируемых преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, увеличилось в 15 раз, выявленных фактов наркоторговли - в 80 раз, пресеченных проявлений групповой наркопреступности - почти в девять раз. За 2012 г. правоохранными органами выявлено 150 096 преступлений в указанной сфере, из них 99 732 (66%) относятся в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации к категории тяжких и особо тяжких [4].

В этих условиях требуется усилить реализацию адекватных и эффективных мер противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту. Безусловно, от того, как

будет складываться судебная практика рассмотрения дел данной категории, во многом зависит эффективность борьбы с этими преступлениями.

За последние два года в законодательстве, определяющем уголовную ответственность в рассматриваемой сфере, произошли существенные изменения. Теперь сбыт представляет собой самостоятельное действие, ответственность за которое установлена в отдельной статье (ст. 228.1 УК РФ). Трансформировалась также в отдельную статью и бывшая ч. 5 ст. 228 УК РФ, где содержится ответственность за нарушение правил оборота таких средств и веществ, а также веществ, инструментов и оборудования, используемых для их изготовления (ст. 228.2 УК РФ).

В настоящее время ст. 228 Уголовного кодекса РФ устанавливает ответственность за незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку НСПВ или их аналогов без цели сбыта.

Внесенные изменения направлены на более глубокую дифференциацию ответственности за деяния в рассматриваемой сфере. Так, усилена ответственность за производство и сбыт НСПВ и их аналогов в сравнении со случаями, когда эти средства или вещества становятся предметом деяний по их незаконному обороту в целях потребления самим виновным. Однако на практике возникало немало сложностей в применении тех или иных норм права. В судебной практике имелись факты незаконного осуждения лиц ввиду неверного толкования некоторыми судами понятий изготовления, переработки и производства НСПВ. Были трудности и в правовой оценке действий лиц, осуществляющих перевозку НСПВ без цели сбыта, а также пересылку или сбыт указанных средств и веществ.

В связи с этим 15 июня 2006 г. было принято постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» [5] (далее - Постановление № 14), которое призвано учесть изменения законодательства, дать разъяснения по отдельным вопросам, вызывающим различное толкование как в судебной практике, так и в практике работников следственных органов, и тем самым оказать влияние на формирование единой судебной практики по данной категории дел. С принятием этого Постановления признано утратившим силу постановление Пленума Верховного Суда

Российской Федерации от 27 мая 1998 г. № 9 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами».

Учитывая изложенное, представляется целесообразным подробно осветить положения Постановления № 14 [6] по вопросам судебной практики, связанной с незаконным приобретением, хранением, перевозкой, изготовлением, переработкой наркотических средств и психотропных веществ, а также их аналогов.

Так, согласно его п. 1 при рассмотрении дел о преступлениях, предметом которых являются наркотические средства или психотропные вещества (далее – НСПВ), судам надлежит руководствоваться постановлением Правительства РФ от 7 февраля 2006 г. № 76 в ред. от 8 июля 2006 г. «Об утверждении крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ для целей статей 228, 228.1 и 229 Уголовного кодекса Российской Федерации». Оно содержит списки НСПВ, оборот которых в Российской Федерации запрещен в соответствии с законодательством Российской Федерации и международными договорами Российской Федерации (список [7] I) либо ограничен и в отношении которых устанавливаются меры контроля в соответствии с законодательством РФ и международными договорами Российской Федерации (список II), а также список психотропных веществ, оборот которых в Российской Федерации ограничен и в отношении которых допускается исключение некоторых мер контроля в соответствии с законодательством РФ и международными договорами Российской Федерации (список III).

Согласно международным обязательствам Российской Федерации (ст. 3 Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г., ст. 2 Конвенции о психотропных веществах 1971 г., ст. 12 Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г.) [8] необходимо также учитывать решения Комиссии ООН по наркотическим средствам об отнесении новых веществ к наркотическим средствам и психотропным веществам, принятые после издания Перечня наркотических средств и психотропных веществ, подлежащих контролю в Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. № 681 в ред. от 8 июля 2006 г.).

Учитывая, что для определения вида средств и веществ (наркотическое, психотроп-

ное или их аналоги, сильнодействующее или ядовитое), их размеров, названий и свойств, происхождения, способа изготовления, производства или переработки, а также для установления принадлежности растений к культурам, содержащим наркотические вещества, требуются специальные знания, Пленум ВС РФ указывает на необходимость судов располагать соответствующими заключениями экспертов и специалистов. Так, согласно ст. 35 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» в ред. от 25 октября 2006 г. (далее - Закон о наркотических средствах) [9] юридическим лицам разрешается проводить экспертизы с использованием наркотических средств и психотропных веществ или для их идентификации при наличии у них лицензии на указанный вид деятельности. Проведение таких экспертиз в экспертных подразделениях Генеральной прокуратуры РФ, федерального органа по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, федерального органа в области внутренних дел, федерального органа по таможенным делам, органов федеральной службы безопасности, федерального органа в области обороны, судебно-экспертных организациях федерального органа в области юстиции осуществляется без лицензии.

По сравнению с ранее действовавшей формулировкой ст. 228 Уголовного кодекса РФ, которая в настоящее время действует в ред. Федерального закона от 5 января 2006 г. № 11-ФЗ, расширен предмет незаконного приобретения, хранения, перевозки, изготовления, переработки НСПВ за счет их аналогов. Согласно ст. 1 Закона о наркотических средствах аналоги НСПВ - это запрещенные для оборота в Российской Федерации вещества синтетического или естественного происхождения, не включенные в Перечень наркотических средств и психотропных веществ, подлежащих контролю в Российской Федерации, химическая структура и свойства которых сходны с химической структурой и свойствами наркотических средств и психотропных веществ, психоактивное действие которых они воспроизводят. Оборот аналогов НСПВ в России запрещен.

На сегодня список аналогов НСПВ, незаконный оборот которых преследуется в уголовном порядке, законодательно не закреплен. Необходимость утверждения перечня аналогов наркотических средств и психотропных веществ представляется оправданной для

обеспечения единообразия правоприменения при уголовном преследовании за их незаконный оборот. В противном случае определение экспертным путем сходства химической структуры и психоактивных свойств аналогов по отношению к наркотическим средствам и психотропным веществам в каждом конкретном случае может представлять определенную сложность и породить субъективизм.

Решая вопрос о наличии крупного или особо крупного размера НСПВ или их аналогов, следует исходить из размеров, которые установлены в постановлении Правительства РФ от 7 февраля 2006 г. № 76 для каждого конкретного наркотического средства или психотропного вещества.

Например, когда наркотическое средство или психотропное вещество, включенное в список II (за исключением кокаина и кокаина гидрохлорида) и список III, находится в смеси с каким-либо нейтральным веществом (наполнителем), определение размера наркотического средства или психотропного вещества производится без учета наполнителя [10]. В том случае, когда наркотическое средство или психотропное вещество, включенное в список I (или кокаин, кокаина гидрохлорид), входит в состав смеси (препарата), содержащей одно наркотическое средство или психотропное вещество, его размер определяется весом всей смеси. Если наркотическое средство или психотропное вещество, включенное в список I (или кокаин, кокаина гидрохлорид), входит в состав смеси (препарата), содержащей более одного наркотического средства или психотропного вещества, его количество определяется весом всей смеси по наркотическому средству или психотропному веществу, для которого установлен наименьший крупный или особо крупный размер.

Решая вопрос о том, относится ли смесь наркотического средства или психотропного вещества, включенного в список I (или кокаина, кокаина гидрохлорида), и нейтрального вещества (наполнителя) к крупному или особо крупному размерам, судам следует исходить из предназначения указанной смеси для немедицинского потребления.

Ответственность по ч. 1 ст. 228 Уголовного кодекса РФ за незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов наступает в тех случаях, когда такие действия совершены лицом без цели сбыта, а количество каждого вида такого средства или

вещества без их сложения составило крупный размер; по ч. 2 той же статьи - при совершении аналогичных действий без цели сбыта в отношении наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в особо крупном размере.

В случаях, когда лицо незаконно приобретает, хранит, перевозит, изготавливает, перерабатывает без цели сбыта наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги, размеры которых в отдельности не превышают указанный в списках крупный размер таких средств или веществ, содеянное при наличии к тому оснований может влечь административную ответственность (ст. 6.8 КоАП РФ).

Согласно п. 6 Постановления № 14 [11] под незаконным приобретением без цели сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов надлежит считать их получение любым способом, в том числе покупку, получение в дар, а также в качестве средства взаиморасчета за проделанную работу, оказанную услугу или в уплату долга, в обмен на другие товары и вещи, присвоение найденного, сбор дикорастущих растений или их частей, включенных в Перечень наркотических средств и психотропных веществ (в том числе на землях сельскохозяйственных и иных предприятий, а также на земельных участках граждан, если эти растения не высевались и не выращивались), сбор остатков находящихся на неохраемых полях посевов указанных растений после завершения их уборки.

Следует отметить, что формулировка определения незаконного приобретения была расширена по сравнению с формулировкой, представленной в ранее действовавшем постановлении Пленума ВС РФ от 27 мая 1998 г. № 9, за счет указания на любой способ получения НСПВ и их аналогов, в том числе получение в дар. Отсутствие ранее четкого указания на наказуемость приобретения наркотиков в форме дарения свидетельствовало о пробеле в правовом регулировании данного вопроса. На практике такие сомнения должны были толковаться в пользу обвиняемого, исключая уголовную ответственность за оборот НСПВ в форме дарения. Таким образом, Пленум Верховного Суда РФ закрыл этот вопрос, представив более точную с точки зрения юридической техники формулировку.

Под незаконным хранением без цели сбыта НСПВ или их аналогов следует понимать действия лица, связанные с незаконным владением этими средствами или веществами, в том числе для личного потребления (содержание при себе, в помещении, тайнике и других ме-

стах). При этом не имеет значения, в течение какого времени лицо незаконно их хранило [12].

Пункт 8 рассматриваемого Постановления подробно раскрывает понятие незаконной перевозки, которая представляет собой умышленные действия лица, которое перемещает без цели сбыта наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги из одного места в другое, в том числе в пределах одного и того же населенного пункта. Эти действия должны быть совершены с использованием любого вида транспорта или какого-либо объекта, применяемого в виде перевозочного средства, а также в нарушение общего порядка перевозки указанных средств и веществ, установленного ст. 21 Закона о наркотических средствах. Порядок перевозки НСПВ на территории Российской Федерации, а также порядок оформления необходимых для этого документов устанавливается Правительством РФ. Несмотря на то, что ранее Пленум Верховного Суда РФ указал, что «не может квалифицироваться как незаконная перевозка хранение лицом во время поездки наркотического средства или психотропного вещества в небольшом количестве, предназначенном для личного потребления», на практике именно этот способ совершения рассматриваемого преступления вызывает много ошибок. Зачастую любое перемещение НСПВ на любом виде транспорта рассматривалось нижестоящими судами как уголовно наказуемая перевозка. Однако Верховный Суд РФ отменял такие судебные акты.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Свердловского областного суда исключила из приговора в отношении Н., купившего 0,17 г опия в одном населенном пункте и приехавшего с ним в другой, где он намеревался употребить наркотик, указание об осуждении его за незаконную перевозку и квалифицировала его действия как незаконное хранение наркотических средств без цели сбыта [13].

Аналогичным образом потупил Судебная коллегия при рассмотрении других дел, по которым хранение виновными НСПВ было неправильно квалифицировано нижестоящими судами как перевозка. По этим делам хранение виновными наркотических средств без цели сбыта во время доставки к месту жительства, в том числе на собственном автомобиле, для личного потребления было неправильно квалифицировано как перевозка наркотиков.

Вопрос о наличии в действиях лица состава преступления - незаконной перевозки без цели сбыта - и об отграничении указанного состава

преступления от незаконного хранения без цели сбыта наркотического средства или психотропного вещества или их аналогов во время поездки Пленум Верховного Суда РФ рекомендует решать судам в каждом конкретном случае с учетом направленности умысла, фактических обстоятельств перевозки, количества, размера, объема НСПВ или их аналогов, места их нахождения, а также других обстоятельств дела.

Представляется, что данная рекомендация Верховного Суда РФ не снимает проблему разграничения незаконного хранения и перевозки. Учитывая практику рассмотрения судами дел исследуемых категорий, можно утверждать что, как правило, незаконная перевозка осуществляется именно в целях сбыта. В тех же случаях, когда виновное лицо перемещает НСПВ без цели сбыта, для личного потребления, при этом содержит их при себе, по мнению автора, данные действия виновного подпадают под определение незаконного хранения НСПВ, а не перевозки. То есть, перемещаясь из одного места в другое, либо в пределах одного населенного пункта, виновный незаконно не перевозит НСПВ или их аналоги для дальнейшего личного потребления, а незаконно хранит указанные средства или вещества без цели сбыта.

Следует отметить, что ранее Верховный Суд РФ связывал момент окончания незаконного изготовления с началом действий, а не с их результатом, указывая, что данное преступление считается оконченным с начала совершения действий, направленных на получение готовых к использованию или потреблению НСПВ или их аналогов, «расширив» тем самым границы уголовной ответственности, предлагая считать оконченным составом преступления фактически покушение на его совершение. При этом согласно ст. 1 Закона о наркотических средствах изготовлением считаются действия, в результате которых получены готовые к использованию и потреблению формы НСПВ или содержащие их лекарственные средства. В настоящее время данное расхождение устранено. Так, в соответствии с п. 9 Постановления № 14 [14] под незаконным изготовлением НСПВ или их аналогов без цели сбыта следует понимать совершенные в нарушение законодательства РФ умышленные действия, в результате которых из наркотикосодержащих растений, лекарственных, химических и иных веществ получено одно или несколько готовых к использованию и потреблению НСПВ или их аналогов.

Первоначально суды испытывали затруднения при решении вопроса о наличии в действиях подсудимых этого квалифицирующего признака. Так, действия, выразившиеся в смешивании опия в кружке с водой и ангидридом уксуса и последующем его кипячением, один суд признал изготовлением наркотического средства, другой - не признал таковым, указав в приговоре, что подсудимый не изготовил наркотическое средство, а приготовил его к потреблению.

В итоге судебная практика пошла по пути, исключаящему квалификацию обработки наркотиков, направленную на подготовку к потреблению, как их изготовление. В связи с этим Пленум ВС РФ обращает внимание судов на то, что не могут рассматриваться как изготовление или переработка наркотических средств измельчение, высушивание или растирание наркосодержащих растений, растворение НСПВ или их аналогов водой без дополнительной обработки в виде выпаривания, рафинирования, возгонки и т.п., в результате которых не меняется химическая структура вещества.

Аналогичным образом в принятом Постановлении решен вопрос о моменте окончания незаконной переработки без цели сбыта НСПВ или их аналогов, под которой следует понимать совершенные в нарушение законодательства Российской Федерации умышленные действия по рафинированию (очистке от посторонних примесей) твердой или жидкой смеси, содержащей одно или несколько наркотических средств или психотропных веществ, либо повышению в такой смеси (препарате) концентрации НСПВ, а также смешиванию с другими фармакологическими активными веществами с целью повышения их активности или усиления действия на организм.

Для осуждения лица за переработку в приговоре суда указывается ее способ, в противном случае уголовная ответственность за переработку наркотического средства исключается.

Чтобы правильно решить вопрос о наличии или отсутствии в действиях лица такого признака преступления, как изготовление либо переработка наркотического средства, психотропного вещества или их аналогов, суды в необходимых случаях должны располагать заключением эксперта о виде полученного средства или вещества, его названии, способе изготовления или переработки либо иными доказательствами.

Таким образом, ответственность за незаконное изготовление или незаконную перера-

ботку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов без цели сбыта (ч. 1 ст. 228 УК РФ) как за оконченное преступление наступает с момента получения в крупном размере готовых к использованию и употреблению этих средств или веществ либо в случае повышения их концентрации в препарате путем рафинирования или смешивания.

Следует отметить, что объективные стороны изготовления и переработки весьма схожи. Различие же между данными составами усматривается в исходном материале (сырье). Так, при изготовлении создается новое химическое вещество, являющееся НСПВ, при этом исходный материал не относится к наркотическим средствам или психотропным веществам. Напротив, в результате переработки не происходит создания нового вещества. В данном случае сырье - это наркотическое вещество, в процессе переработки которого происходит улучшение его наркотических свойств путем рафинирования либо повышения в смеси (препарате) концентрации наркотического средства или психотропного вещества, а также смешивания с другими фармакологическими активными веществами.

Принятие Пленумом Верховного Суда РФ Постановления № 14 [15] даст судам возможность обеспечить правильное применение законодательства при рассмотрении дел, связанных с незаконным приобретением, хранением, перевозкой, изготовлением и переработкой НСПВ и их аналогов, а также будет способствовать правильному толкованию указанных уголовно-правовых понятий.

В настоящее время такие деяния, как приобретение, хранение, перевозка, изготовление, направленные на сбыт наркотиков, самостоятельными преступными деяниями не признаются. Данные действия, как было рассмотрено выше, влекут уголовную ответственность, если они совершены без цели сбыта. В связи с чем суды испытывают трудности в квалификации действий лиц, которые незаконно приобретали, хранили, перевозили, изготавливали НСПВ или их аналоги именно в целях сбыта. По данному вопросу Пленум Верховного Суда РФ дал разъяснение. Так, согласно п. 15 рассматриваемого Постановления в том случае, когда указанные лица не довели свой умысел до конца по независящим от них обстоятельствам, их действия следует квалифицировать по ч. 1 ст. 30 УК РФ и соответствующей части ст. 228.1 УК РФ как приготовление к незаконному сбыту наркотических средств, психотропных веществ или их

аналогов. Однако обращает на себя внимание тот факт, что такие же действия, совершенные без цели сбыта (то есть для личного потребления), влекут более строгую ответственность как оконченное деяние.

В данном случае вряд ли можно утверждать, что произошла дифференциация ответственности в отношении лиц, сбывающих наркотические средства, если их действия пресечены на [16] стадии приобретения, хранения, перевозки наркотиков. Можно констатировать, что произошло смягчение уголовной ответственности этих лиц. Поэтому отказ законодателя от составов, предусматривающих ответственность за преступления, связанные с незаконным приобретением, хранением, перевозкой наркотиков в целях сбыта вряд ли можно признать оправданным.

Дискуссионным в судебно-следственной практике является вопрос о добровольной сдаче наркотических средств и психотропных веществ. Под добровольной сдачей указанных средств и веществ понимается выдача их лицом представителям власти при реальной возможности распорядиться ими иным способом. Признаками добровольной сдачи являются собственное желание лица передать наркотические средства или психотропные вещества представителям власти и наличие у него возможности (альтернативы) распорядиться этими средствами или веществами по своему усмотрению (употребить, спрятать, сбыть и т.д.).

Отсутствие хотя бы одного из этих признаков не позволяет говорить о добровольной сдаче и ставить вопрос об освобождении от уголовной ответственности (примечание 1 к ст. 228 УК).

Поэтому сдачу наркотических средств или психотропных веществ лицом, в отношении которого применяются принудительные меры воздействия (оперативно-розыскные или процессуальные), нельзя рассматривать как добровольную, поскольку в этих обстоятельствах лицо вынуждено передать наркотические средства или психотропные вещества представителям власти (иначе они изымут их в принудительном порядке) и у него нет реальной альтернативы распорядиться ими каким-либо другим образом. В этой связи выдача лицом наркотических средств или психотропных веществ по предложению следователя перед началом производства в помещении выемки или обыска не должна исключать уголовной ответственности, но может быть рассмотрена судом как смягчающее обстоятельство при назначении наказания.

Статья 228 содержит примечание 1, которое предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности лица за совершенное преступление, предусмотренное данной статьей. Условием освобождения является позитивное поведение лица: добровольная сдача наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, активное содействие раскрытию и пресечению преступлений, связанных с незаконным оборотом таких средств и веществ, изобличению лиц, их совершивших, обнаружению имущества, добытого преступным путем.

Условиями освобождения, таким образом, являются: добровольная сдача наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов и активное содействие раскрытию и пресечению преступлений, изобличению лиц, их совершивших, обнаружению имущества, добытого преступным путем.

Добровольная сдача указанных средств или веществ означает выдачу лицом этих средств представителям власти, несмотря на реальную возможность распорядиться ими иным образом.

Активное содействие раскрытию или пресечению преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, может проявиться в любых добровольных действиях субъекта, направленных на содействие правоохранительным органам по раскрытию или пресечению преступлений. Это может быть изобличение организаторов и соучастников, предоставление сведений о наркотических средствах, об имуществе, добытом преступным путем, незаконных доходах от распространения наркотиков, путях транспортировки, хранения и доведения до потребителей и т. п. Не может признаваться добровольной сдачей наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов изъятие указанных средств, веществ или их аналогов при задержании лица, а также при производстве следственных действий по их обнаружению и изъятию.

По закону добровольная сдача подобных средств и веществ, а также активное содействие раскрытию или пресечению преступлений должны быть установлены одновременно.

В этом плане спорной следует признать рекомендацию о том, что освобождение от уголовной ответственности на основании примечания к ст. 228 возможно при наличии хотя

бы одного из указанных в нем оснований. Нет, например, основания для освобождения от уголовной ответственности лица, добровольно сдавшего наркотики, но по соображениям личной безопасности отказывающегося от со-

действия по раскрытию или пресечению преступной деятельности соучастников. Либо, напротив, содействующего раскрытию преступления, но отказавшегося сдать наркотики, сославшись на то, что они у него отсутствуют.

Литература:

1. Гладких В.И., Федотов П.В., Шумов Р.Н. Уголовное право. Общая и особенная части // курс лекций [Электронный ресурс] / <http://read.ru>
2. Гладких В.И., Федотов П.В., Шумов Р.Н. Уголовное право. Общая и особенная части // курс лекций [Электронный ресурс] / <http://read.ru>
3. Гладких В.И., Федотов П.В., Шумов Р.Н. Уголовное право. Общая и особенная части // курс лекций [Электронный ресурс] / <http://read.ru>
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 N 14 (ред. от 23.12.2010) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» [Электронный ресурс] / <http://base.consultant.ru>
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 N 14 (ред. от 23.12.2010) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» [Электронный ресурс] / <http://base.consultant.ru>
6. Постановление Правительства РФ от 30.06.1998 N 681 (ред. от 26.02.2013) «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» [Электронный ресурс] / <http://base.consultant.ru>
7. Аушев М.И., Глотов С.А., Миронов О.О., Фомиченко М.П. Права народов. Международные документы и российские законодательные акты: Сборник документов [Электронный ресурс] / <http://www.lawlibrary.ru>
8. Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 08.01.1998 № 3 ФЗ (в ред. от 01.03.2012 N 18-ФЗ) [Электронный ресурс] / <http://base.consultant.ru>
9. Постановление Правительства РФ от 30.06.1998 N 681 (ред. от 26.02.2013) «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» [Электронный ресурс] / <http://base.consultant.ru>
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 N 14 (ред. от 23.12.2010) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» [Электронный ресурс] / <http://base.consultant.ru>
11. Гладких В.И., Федотов П.В., Шумов Р.Н. Уголовное право. Общая и особенная части // курс лекций [Электронный ресурс] / <http://read.ru>
12. Определение судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 7 мая 2012 г. № 12-2645/2012. [Электронный ресурс] // IRL: <http://www.ekbobsud.ru>.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 N 14 (ред. от 23.12.2010) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» [Электронный ресурс] / <http://base.consultant.ru>
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 N 14 (ред. от 23.12.2010) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» [Электронный ресурс] / <http://base.consultant.ru>
15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 N 14 (ред. от 23.12.2010) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» [Электронный ресурс] / <http://base.consultant.ru/>

ТАНИМОВ Олег Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: tanimov@mail.ru

ЕНДРО Елена Николаевна,
бизнес-консультант
компании «Style-Object»
E-mail: endroen@yandex.ru

Перспективы внутренней политики Ульяновской области

В статье анализируются внутренние воспроизводимые и невоспроизводимые ресурсы, сельское хозяйство, промышленность и различные виды производства ресурсы Ульяновской области, оцениваются перспективы развития внутренней политики по отношению к ресурсной базе региона, нормативные акты, обеспечивающие процессы развития внутренней политики.

Делается вывод о том, что Ульяновская область, обладая рядом конкурентных преимуществ, инновационных направлений, а также просто успешных направлений деятельности, однако, не может полноценно реализовывать возможности в силу ряда причин. Поэтому в статье формулируется ряд предложений по оптимизации внутренней политики области.

Ключевые слова: Ульяновская область, внутренняя политика, леса, агропромышленный комплекс, предприятие.

Ульяновская область — это субъект Российской Федерации, входящий в состав Приволжского федерального округа. Административный центр области находится в городе Ульяновск. Ульяновская область была образована 19 января 1943 года Указом Президиума Верховного Совета СССР [7, с. 41].

Внутренняя политика области основана как на воспроизводимых, так и на невоспроизводимых ресурсах, сельском хозяйстве, промышленности и различных производствах.

Леса занимают около четверти территории области, при этом на северо-западе — крупные массивы дубовых лесов с участием липы, клёна; в Заволжье — луговые степи, отдельные сосновые боры [8].

В области развита деревообрабатывающая промышленность: не менее десяти деревообрабатывающих предприятий (отрасль представлена как предприятиями, заготавливающими сырое дерево, так и организациями, производя-

щими пиломатериалы, например, ОАО «Ульяновский лесопромышленный комбинат») [3].

Наиболее крупными предприятиями в сфере мебельного производства являются ООО «ПО «Ульяновскмебель», ЗАО «Барышская мебельная фабрика», производящие бытовую и офисную мебель. ГК «Добрый стиль» специализируется на производстве элитной мягкой мебели, которая с успехом продается в таких европейских странах, как Германия и Италия [3].

Перспективы развития внутренней политики в направлении лесов и деревообработки тесно связаны как с вопросами экологической защиты природных ресурсов, так и с законодательной и экономической поддержкой деревообрабатывающей и заготавливающей промышленности.

Особенности структуры лесного фонда Ульяновской области таковы, что ежегодно остаются невостребованными более 600 тыс. куб. м древесины различных пород. Это открывает пер-

спективы для инвестирования в развитие деревообрабатывающей промышленности, в частности, в производство древесностружечных плит, ламината, OSB, МДФ, топливных брикетов и пеллет, древесного угля и др. Наиболее предпочтительными районами для привлечения частного капитала в сферу деревообработки являются Инзенский, Вешкаймский и Мелекесский [5].

Ведущее положение в структуре минерально-сырьевых ресурсов области занимают нефть (разведанные запасы составляют 42 млн т), стекольное, цементное (запасы мела, глины и диатомитов для производства цемента в регионе практически не ограничены, так разведано пять наиболее крупных месторождений мела для производства цемента с суммарными запасами 380 млн. тонн, наиболее перспективные районы Ульяновской области – Сенгилеевский, Ульяновский, Майнский и Тереньгульский), кремнистое (запасы 50 млн т, крупные месторождения – Инзенское, Забалуйское) и карбонатное сырьё (запасы 12 млн т). Также в области выявлено и разведано 493 месторождения торфа с запасами 33,2 млн т (по данным 2011 года) [9].

Медицина, как отрасль, также имеет ряд перспектив, самой внушительной из которых является Федеральный Центр Ядерной Медицины, который строится в городе Димитровград. По сообщениям правительства Ульяновской области, окончание строительства запланировано уже на 2013 год [9].

Центр будет частью ядерного инновационного кластера, в который до 2020 года предполагается вложить более 100 миллиардов рублей, как заявил в ноябре 2010 года губернатор Сергей Морозов в бюджетном послании к депутатам Законодательного Собрания региона [12].

Кроме того, в 2009 году был открыт Областной Клинический Онкологический Диспансер, который также развивает перспективное направление в медицине [2].

В Ульяновской области бурно развивается промышленность. Основная отрасль специализации – машиностроение (по данным 2011 года, на его долю приходится не менее 56% объема промышленного производства). На втором месте по доле промышленного производства области находится пищевая промышленность – 13,7%. Высокое развитие получила электроэнергетика – 12,5%.

Машиностроение Ульяновской области представлено достаточно широким спектром направлений: авиастроение, приборостроение, станкостроение, автомобилестроение и сельско-

хозяйственное машиностроение.

Область занимает первое место в России по производству гражданских самолётов и пятое – по производству автомобилей [9].

Кроме того, в Ульяновской области представлено производство Международных компаний:

1. «SABMiller» – Пивоваренный завод
2. «Mars» – заводы по производству сухих кормов для домашних животных и кондитерских изделий.
3. «Henkel Group» – завод по производству сухих строительных смесей.
4. «Baw-Rus Motor Corporation» – завод по производству коммерческой техники.
5. Ведётся строительство предприятий компаний Takata (производство автокомпонентов) и Hempel (лакокрасочное производство).

В ноябре 2011 подписано соглашение о строительстве станкостроительного завода Gildemeister AG [1].

Как видно из вышенаписанного, развитие машиностроения – приоритетный курс внутренней политики области, что включает в себя как развитие машиностроения, авиационной промышленности, так и модернизацию системы теплоэлектроэнергетики и агропромышленного комплекса, предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности. В 2008 году было запланировано строительство новых заводов, создание транспортного кластера, соединяющего центр России с Уралом, Сибирью и Дальним Востоком. Тем самым активно развивались и будут развиваться новые строительные предприятия (цементный завод, производство стройматериалов, строительство жилых домов, культурных центров, производственных зданий и т.д.). Это требует широкомасштабного развития строительной индустрии в области, а также серьезных инвестиций [4, с. 165-167].

Кроме того, правительство Ульяновской области делает «ставку» на инновационное развитие, которое в рамках современного общества является наиболее перспективным.

Ведущие научные организации ульяновской области на 2012 год:

- ОАО «Ульяновский научно-исследовательский и проектно-технологический институт машиностроения» (УНИПТИ-МАШ)
- Ульяновский НИИ сельского хозяйства Россельхозакадемии
- ОАО «Ульяновское конструкторское бюро

приборостроения»

- Ульяновский филиал института радиотехники РАН
- ОАО «ОКБ «Искра»
- ФНПЦ ОАО «НПО «Марс»

Всего в сфере инновационной деятельности работает 31 организация. Численность работников, занимающихся НИОКР – более 7 тыс. человек [9].

По доле НИОКР в ВРП Ульяновская область в 5-ке лидеров по России [11].

По данным Роспатента, Ульяновская область относится к группе регионов с высоким уровнем изобретательской активности (коэффициент – 3,46) [10].

Путем точечного развития перспективных наукоемких проектов созданы привлекательные условия для реализации инновационного потенциала российских и зарубежных ученых в ядерной, авиационной и сельскохозяйственных отраслях.

В июне 2008 года Ульяновская область стала одним из победителей конкурса на право создания портовой особой экономической зоны (ПОЭЗ) на территории региона. Постановлением Правительства РФ от 30.12.2009 №1163 было положено начало созданию в аэропорту «Ульяновск-Восточный» первой очереди ПОЭЗ [6]. Окончание строительства объектов инфраструктуры 1-го пускового комплекса и начало функционирования ПОЭЗ ожидается в 3-м квартале 2012 года. ПОЭЗ, создаваемая на базе аэропорта «Ульяновск-Восточный», ориентирована на использование авиационного потенциала региона, в связи с чем на её территории планируется развитие таких видов деятельности, как:

- ⇒ ремонт, техническое обслуживание, модернизация воздушных судов, авиационной техники, в том числе авиационных двигателей и других комплектующих изделий;
- ⇒ производство авиатехники и авиакomплектующих;
- ⇒ аэропортовые и транспортно-логистические услуги [9].

Ульяновская область, как один из самых важных аграрных регионов России, обладает широкой скотоводческой базой. В области разводят крупный рогатый скот мясо-молочного направления. Занимаются птицеводством, свиноводством, овцеводством, кролиководством, рыбководством. Ведущее место в растениеводстве принадлежит производству технических

культур (сахарная свекла) и картофеля, зерновых (пшеница, ячмень, рожь, овес) и кормовых (кукуруза, люцерна, подсолнечник) культур. В регионе также активно занимаются садоводством и огородничеством [9]. Ульяновск посетил Министр сельского хозяйства РФ. Его визит связан с проведением II Международного форума сельской молодежи, который проходил в Чердаклинском районе Ульяновской области с 25 по 29 июля.

Николай Федоров принял участие в заседании «круглого стола» «Государственная поддержка сельхозтоваропроизводителей – приоритеты и перспективы развития в условиях ВТО», который прошел в рамках форума на базе Ульяновской государственной сельскохозяйственной академии им. П.А. Столыпина [9].

Данный форум проводился в Ульяновской области во второй раз. В этом году ещё до официальной церемонии открытия прошла выставка инновационных проектов в сфере АПК, где молодые учёные представили свои проекты на суд экспертов Министерства сельского хозяйства РФ, ОАО «Росагролизинг», выступившего в этом году генеральным партнёром Форума. По итогам выставки инновационных разработок лучшие представители молодых аграриев получили стипендии.

В 2011 году ОАО «Росагролизинг» учредило ежегодную стипендию за особые успехи в научной работе среди молодых учёных. Эта инициатива направлена на поощрение, поддержку и привлечение широкого круга талантливой молодежи к научным исследованиям в аграрном секторе. В прошлом году такими стипендиями были награждены 6 участников выставки инновационных проектов сферы АПК, проходившей в рамках I Международного форума сельской молодежи в Ульяновской области.

Внутренняя политика правительства области в АПК проводилась согласно областной целевой программе «Развитие сельского хозяйства Ульяновской области» на 2008-2012 годы (утверждена Постановлением Правительства Ульяновской области от 22.01.2008 № 2/8-П) [9].

Программа предусматривает различные выплаты, стипендии и доплаты к назначенной трудовой пенсии бывшим руководителям сельскохозяйственных предприятий АПК Ульяновской области.

Молодежная политика открывает свои возможности не только через АПК. В области регулярно проводятся различные тренинги для молодежи, направленные на помощь в создании своего

бизнеса и развитию уже созданного. Например, с 4 по 6 ноября 2012 года в Ульяновской области впервые состоится выездной тренинг-форум для молодых предпринимателей «Территория дела». Участники форума получат возможность: пообщаться с самыми успешными предпринимателями и бизнес-тренерами в России, пройти мастер-классы, завести новые, полезные знакомства с другими молодыми предпринимателями региона.

В 2011 году вышло Постановление Правительства Ульяновской области № 13-143-П от 06.04.2011, направленное на осуществление программы «Развитие и модернизация образования в Ульяновской области» на 2011-2015 годы.

Среди основных целей программы:

- › создание и внедрение новых досуговых и образовательных программ на всех уровнях системы образования;
- › внедрение и эффективное использование новых информационных сервисов, систем и технологий обучения, электронных образовательных ресурсов нового поколения;
- › предоставление в электронном виде гражданам и организациям значительной части государственных услуг в сфере образования;
- › внедрение процедур независимой оценки деятельности общеобразовательных учреждений и процессов;
- › создание ресурсов и программ для одарённых детей;
- › инновационное развитие образования.

Таким образом, Ульяновская область обладает рядом конкурентных преимуществ, инновационных направлений, а также просто успешных направлений деятельности, которые, однако, не может полноценно реализовывать в силу ряда причин. Практически все отрасли нуждаются в частном инвестировании и государственном контроле и помощи.

Перспективные предложения по внутренней политике области:

1. Создание площадок, полностью готовых для приема инвесторов.
2. Создание других портовых экономических зон (ПОЭЗ).

3. Создание механизма стимулирования инновационной деятельности как на экономическом, так и на законодательном уровне, чтобы привлечь не только иностранных, но и отечественных ученых, инвесторов и т.п.

4. Осуществление иных проектов ядерного класса, помимо центра ядерной медицины (постоянное развитие ядерной науки, промышленности).

5. Выведение онкологического центра на мировой уровень путем финансирования технологической оснащённости.

6. Создать высшие учебные заведения, программы повышения квалификации и прочие обучающие программы по выведению специалистов ведущих направлений развития области (машиностроение, медицина, авиационное направление) на качественно новый уровень.

7. Для перечисленных выше приоритетных областей развития региона необходима разработка мотивационных и стимулирующих программ по удержанию работников на местах, таким образом, не допустить текучесть кадров за границу.

8. Необходимы социальные программы по интеграции общества (населения) в развитие своего региона: внутренние научные конференции, научные ярмарки, гранты на обучение и разработку изобретений и т.п.

9. Необходима работа по поднятию престижа агропромышленного и лесозаготовочного комплекса и методы привлечения работников, создание конкурентоспособного заработка в этих областях.

10. Необходимы постоянное обновление и корректировка целевых программ по развитию молодежи и образования области.

11. Различные мастер-классы, тренинги и пр. мероприятия по развитию и интеграции молодежи в рыночные отношения области необходимо проводить на постоянной основе с участием специалистов ведущих компаний Ульяновской и других областей.

12. Развитие АПК также должно сопровождаться постоянной модернизацией и обменом опытом между специалистами разных областей.

Литература:

1. Возрождение станкостроения // «Expert Online», <http://expert.ru>. Дата обращения 10.09.2012
2. ГУЗ Областной клинический онкологический диспансер г. Ульяновск // <http://yokod73.narod.ru>. Дата обращения 10.09.2012
3. Деловой Ульяновск // www.del-ul.com. Дата обращения 10.09.2012

4. Ильмушкин Г.М, Ильмушкин А.Г. Современные проблемы формирования кадровых ресурсов ульяновской области в условиях регионализации кадровой политики // Современные наукоемкие технологии. 2008. №4
5. Портал российско-японского экономического сотрудничества // www.rrbg.ru. Дата обращения 10.09.2012
6. Постановление Правительства РФ от 30.12.2009 №1163 // <http://base.consultant.ru>. Дата обращения 11.09.2012
7. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19.01.1943 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г / под ред. к. ю. н. Мандельштам Ю. И. — Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1956
8. Ульяновск. Город новостей // <http://ulgrad.ru>. Дата обращения 10.09.2012
9. Ульяновская область: Губернатор и Правительство // <http://ulgov.ru>. Дата обращения 10.09.2012
10. Федеральная служба по интеллектуальной собственности // www.rupto.ru. Дата обращения 10.09.2012
11. Федеральная служба государственной статистики // <http://www.gks.ru>. Дата обращения 10.09.2012
12. Центр ядерной медицины будет построен в Димитровграде в 2013 году // РИА-Новости, <http://ria.ru>. Дата обращения 10.09.2012

САВИЧЕВ Алексей Аркадьевич,
аспирант
E-mail: ucx7801@mail.ru

Правовое положение генерал-губернаторов в системе управления городов Российской Империи во второй половине XIX века (на примере города Москвы)

В статье рассмотрены основные вопросы деятельности генерал-губернатора по управлению в отдельных частях России, в частности, в городах, во второй половине XIX века.

In article the main aspects of activity of the governor-general on management in specific parts of Russia, including, the cities, in the second half of the XIXth century are considered.

Ключевые слова: *Генерал-губернатор, городское управление, местное управление, самоуправление, сословие, административно-полицейская власть.*

Governor-general, city government, local management, self-government, estate, administrative and police power.

Правовые основы организации городского управления и самоуправления в Москве во второй половине XIX века были выражены в нормах трех основных правовых актов: 1) Положение об общественном управлении Москвы 1862 года; 2) Городовое положение 1870 года; 3) Городовое положение 1892 года.

В целом, система органов управления Москвы в рассматриваемый исторический период возглавлялась генерал-губернатором и включала в себя следующие составляющие:

Административно-полицейское управление, в состав которого входили генерал-губернатор, губернатор, губернское правление, обер-полицмейстер, градоначальник и служба городской полиции.

Органы городского самоуправления, к которым относились Московская Городская Дума и Московская Городская Управа.

Управление отдельных ведомств. Включало в себя органы Министерства двора, Министерства финансов, Министерства юстиции, Военного министерства и др [1].

Органы административно-полицейской власти имели главное значение в системе управления Москвы в рассматриваемый исторический период. Во главе управления стоял генерал-губернатор. Данный факт, в целом, можно обосновать тем, что во второй половине XIX столетия существенно увеличился прирост населения городов России, в том числе, Москвы. Соответственно, реализация эффективного и устойчивого управления столь крупной административно-территориальной единицей без значительного контроля со стороны органов и должностных лиц государства была бы затруднительна притом, что в России на тот момент, в общем, отсутствовал достаточный опыт самоуправления вообще и в частности, в городе.

Необходимо особо подчеркнуть, что в тот период с органами полиции (наделенными соответствующими силовыми полномочиями для обеспечения безопасности и общественного порядка в городе) органами городского самоуправления согласовывалась значительная часть решений по вопросам управления городским

хозяйством. Так, Московская Городская Дума обладала правом издавать обязательные постановления по определенным вопросам городского благоустройства. Однако, при этом было необходимо согласование этих постановлений с полицией. [2]

Как уже было сказано ранее, во главе системы управления Москвой стоял генерал-губернатор. Фактически он выступал высшим должностным лицом в рассматриваемой системе, хотя, и не являлся должностным лицом городского самоуправления, как и все должностные лица и органы административно-полицейской власти, указанные в выше. Правовой статус генерал-губернатора в рамках регулирования системы городского управления в середине XIX века был установлен Общей Инструкцией генерал-губернаторам от 29 мая 1853 года [3].

Рассмотрим основные направления деятельности генерал-губернатора и особенности его взаимоотношений с органами местного управления в Москве во второй половине XIX века.

Из Общей Инструкции генерал-губернаторам следовало, что на данный пост избирались лица по прямому усмотрению государя. По сути, генерал-губернатор выступал как исполнитель законов и распоряжений высшего Правительства в вверенном ему крае. Его статус предполагал, что он выступал как местный высший блюститель порядка.

Основные полномочия генерал-губернаторов сводились к следующему.

1. Общее благосостояние и внутренняя безопасность. Так, генерал-губернатор следил, чтобы юношество получало воспитание в правилах чистой веры, доброй нравственности и в чувствах преданности Престолу и Отечеству, чтобы молодые дворяне не находились во вредной праздности, а посвящали бы себя государственной службе, а также чтобы представители каждого из сословий обеспечивали себе пропитание честным трудом. Генерал-губернатор наблюдал за тем, чтобы дворяне выступали примером для всех остальных сословий, ведя при этом жизнь приличную их происхождению.

Всеми доступными для него средствами он преследовал излишнюю роскошь, расточительность, мотовство. В случае возникновения беспорядков или неповиновения установленным властям, если меры, предпринятые местными органами власти для устранения этих ситуаций, оказывались безрезультатными, генерал-губернатор для восстановления спокойствия прини-

мал соответствующие меры уже со своей стороны. Соответствующие меры принимались им также в подобных случаях при возникновении чрезвычайных ситуаций природного характера (пожаров, наводнений и т.д.).

2. Народное здравие и продовольствие. В этой сфере генерал-губернатор осуществлял функции, связанные с недопущением ухудшения санитарно-эпидемиологической обстановки, обеспечением населения продовольствием в случаях неурожая и т.п.

3. Общественное хозяйство. В данной области генерал-губернатор предпринимал меры, необходимые для обеспечения устойчивого развития городского бюджета, сельского хозяйства, фабричной, заводской, ремесленной промышленности (с учетом интересов как производителей, так и потребителей, наблюдая за нравственным направлением фабричных и заводских людей), процесса добычи и распределения природных ресурсов. В данной сфере он также наделялся функциями антимонопольной направленности и полномочиями по развитию в области функционирования путей сообщения.

4. Отправление правосудия. Генерал-губернатор не имел непосредственных судебных функций, не выступал судебной инстанцией и не вмешивался в процесс рассмотрения судебных дел по существу, когда не имел на то полномочий в силу закона. Тем не менее, он был вправе реагировать на различного рода случаи затягивания рассмотрения и разрешения дел, нарушения в деятельности суда принятием соответствующих мер для их пресечения. Он имел право ознакомления с уголовными делами, излишне не обременяя себя рассмотрением обычных дел, но обращая особое внимание на дела о преступлениях на службе, совершенных лицами, занимавшими значительные должности и на дела о существенных преступлениях вообще.

Генерал-губернатор наделялся правом разрешения вопросов о дальнейшем направлении всех поступающих к нему жалоб и просьб.

Функции в сфере кадрового планирования местного управления. Эти функции сводились к обеспечению служебной дисциплины, недопущению злоупотреблений полномочиями со стороны служащих. В рамках выполнения данных функций генерал-губернатор наделялся полномочиями не только бороться с любыми нарушениями служебной дисциплины и властными злоупотреблениями со стороны служащих, но и также полномочиями по поощрению тех служащих, которые выступали в качестве «усердных

и полезных чиновников». Генерал-губернатор определял кадровую политику и, соответственно имел право ходатайствовать перед высшим Правительством о назначении конкретных лиц на те должности, которые становились вакантными и назначение на которые зависело напрямую от высшего Правительства.

В конце 70-х годов XIX века генерал-губернатор был наделен так называемыми «чрезвычайными» функциями, что было предопределено соответствующими исключительными ситуациями в стране. Так, в результате покушения в 1879 году на шефа корпуса жандармов Д. Дрентельна в Петербурге и на царя Александра II царским указом от 5 апреля 1879 года московскому генерал-губернатору, равно как и всем другим генерал-губернаторам, были предоставлены чрезвычайные функции. Фактически ему одному был подчинен весь местный аппарат. В 1879 году был принят целый ряд указов царя. Московскому генерал-губернатору на временной основе были переданы в управление губернии, являвшиеся смежными с Московской и включенные в Московский военный округ (Владимирская, Калужская, Костромская, Рязанская, Нижегородская, Тверская, Тамбовская, Смоленская, Тульская и Ярославская) [4].

В соответствии с высочайшим указом от 1 января 1905 года должность московского генерал-губернатора была временно свободной и в Москве было введено градоначальство. Вследствие приостановления действия московского генерал-губернаторского управления права и обязанности генерал-губернатора Москвы осуществлялись министром внутренних дел. Из числа дел, находившихся в ведении генерал-губернатора, министр мог передать московскому губернатору и градоначальнику те из них, которые имели исключительно местное значение. Позднее указом Николая II данная должность была вновь замещена, но после отставки московского генерал-губернатора С.К. Гершельмана была установлена нетипичная система управления, при которой полномочия генерал-губернатора были рассредоточены между министром внутренних дел, московским губернатором и градоначальником. Уже после Февральской буржуазно-демократической революции должность московского генерал-губернатора была упразднена [5].

Таким образом, на основании выше изложенного можно сделать следующие выводы.

На протяжении второй половины XIX века московский генерал-губернатор выступал ключевым звеном всей системы управления горо-

дом, возглавляя административно-полицейскую властную структуру, которая, безусловно, взаимодействуя с органами городского самоуправления, имела определяющее значение в решении абсолютного большинства вопросов городского благоустройства и развития.

Если сопоставлять в общем нормы Городового положения 1870 года и нормы Общей Инструкции генерал-губернаторам 1853 года, то можно сделать вывод о том, что на практике могли возникать определенные противоречия между этими нормами. Речь идет о коллизии, при которой нормы Городового положения 1870 года, учредившие бессословное городской общественное управление, во многом, могли идти вразрез с нормами Инструкции 1853 года. Последняя фактически указывала на системообразующее значение дворянского сословия, которому генерал-губернатор уделял в соответствии с указанным актом отдельное внимание.

Генерал-губернатор выступал своего рода гарантом законности деятельности органов местного управления, обеспечивая соблюдение служебной дисциплины и не пресекая всяческие злоупотребления властными полномочиями со стороны служащих.

Правовые нормы, касавшиеся деятельности генерал-губернатора в сфере общего благосостояния и внутренней безопасности, представляются дающими достаточно большой простор для их интерпретации. Это можно объяснить тем, что данные правовые положения, во многом, имеют морально-нравственные начала. Они содержали такие формулировки, как «добрая нравственность», «расточительность», «мотовство». Поскольку такие нормы способны предопределить достаточно большую свободу для их толкования, в некоторых случаях в деятельности генерал-губернаторов при решении тех или иных вопросов могли отсутствовать более или менее прочные основы и вследствие этого могли приниматься, в определенной степени, субъективные решения.

В результате предоставления московскому генерал-губернатору в конце 70-х годов XIX века чрезвычайных функций и передачи в его ведение губерний, смежных с Московской (10 губерний), у него появились дополнительные полномочия по реализации указанных выше функций в данных губерниях. Такого рода обременение генерал-губернатора дополнительной компетенцией можно объяснить необходимостью централизации власти в отдельных

частях Российской Империи, в частности, в Москве и прилежащих к ней территориях, в результате чрезвычайных событий, о которых упоминалось ранее. Тем не менее, такого рода соединение в руках московского генерал-губернатора полномочий по управлению более, чем в 10 губерниях, в определенной степени, могло предопределить снижение эффективности его деятельности в таких сферах, как народное

здравие и продовольствие, а также общественное хозяйство (в том числе, в Москве). Более того, снижение эффективности его деятельности в этих сферах могло иметь место вследствие того, что его внимание, ввиду сложившейся тогда ситуации, по сути, должно было быть сосредоточено в большей степени именно на обеспечении государственной и общественной безопасности.

Литература:

1. Бакушев В.В., Ивановский В.А., Молчанова Л.А. Городское управление и самоуправление в России: эволюция столичного опыта / Бакушев В.В., Ивановский В.А., Молчанова Л.А. / М.: СВАРОГ и К, 1998, с.10-11.
2. Виноградов В.Ю. Московское городское самоуправление: генезис, развитие, основные черты. – М.: ЭКОН-ИНФОРМ, 2005. – 228 с. С.72, 76.
3. Общая инструкция генерал-губернаторам от 29 мая 1853 года // ПСЗ. Собр. 2. Т. 28. Ч.1. №27293.
4. Бакушев В.В., Ивановский В.А., Молчанова Л.А. Городское управление и самоуправление в России: эволюция столичного опыта / Бакушев В.В., Ивановский В.А., Молчанова Л.А. / М.: СВАРОГ и К, 1998, с.12.
5. Алексеева Г.А. и кол. авт. Управление Москвой до октября 1917 г. Т. I. Мэрия Москвы, Научно-внедренческая фирма «Межрегионсервис», 1997, с. 28-29.

Рецензент: **Танимов Олег Владимирович**,
кандидат юридических наук, доцент

ПИТИКИН Руслан Алексеевич,

подполковник полиции

E-mail: umora-ra@mail.ru

Понятие подлога: законодательный и доктринальный подходы

В статье рассматриваются вопросы определения понятия служебного подлога, а также основные положения установления ответственности за служебные подлоги в российском законодательстве.

Ключевые слова: *понятие предмета должностного подлога, служебный подлог, основные черты подлога, российское законодательство.*

Каждое преступление, выражается ли оно в действии или бездействии, всегда есть посягательство на определенный объект [1]. Объект преступления является одним из основных, базовых понятий в уголовном праве. Характер преступления, его общественная опасность определяются, прежде всего, объектом, на который оно посягает [2]. Социальная и юридическая сущность любого деяния определяется той социальной мишенью, в которую субъект преступления наносит нередко сокрушительный удар [3].

До настоящего времени однозначного определения объекта служебных подлогов не сформулировано. Согласно структуре уголовного закона они находятся в Главе 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления». Родовым объектом для предусмотренных в Главе 30 преступлений, по мнению А.В. Наумова [4], Т.Б. Басова [5], А.И. Чучаева [6] и И.Б. Малиновского [7] является нормальная деятельность органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, а также Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск и воинских формирований Российской Федерации.

«Интересы государственной службы, – считает Ю.И. Ляпунов, – состоят в безупречно точном исполнении должностными лицами положений Конституции РФ, конституций и уставов субъектов РФ, в надлежащей, соответствующей предписаниям и требованиям других

российских законов, деятельности по обеспечению полномочий государственных органов. Аналогичны интересы службы в органах местного самоуправления. Нарушение должностными лицами этих интересов приводит к грубому ограничению или ущемлению конституционного правового статуса граждан, иным отрицательным последствиям» [8].

По мнению Б.В. Волженкина, «интересы государственной и муниципальной службы заключаются прежде всего в четком, полном и своевременном выполнении задач публичного управления, стоящих соответственно перед каждым государственным органом и органом местного самоуправления» [9].

Достаточно обоснованное определение объекта должностных преступлений находится в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий». В нем указано, что лица, злоупотребляющие должностными полномочиями либо превышающие свои должностные полномочия, посягают на регламентированную нормативными правовыми актами деятельность государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, государственных корпораций, Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск и воинских формирований Российской Федерации, в результате чего существенно нарушаются права и законные интересы граж-

дан или организаций либо охраняемые законом интересы общества и государства[10].

А.В. Наумов не выделяет особенности непосредственных объектов служебного подлога, считая таковым общий для всех должностных преступлений – нормальную деятельность определенного элемента аппарата власти и управления (государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, аппарата управления в Вооруженных Силах, других войсках и воинских формированиях РФ). Дополнительным объектом, по его мнению, являются конституционные права и свободы человека и гражданина, имущественные и иные экономические интересы граждан, организаций или государства[11].

Однако, на наш взгляд, у служебных подлогов несколько иной объект уголовно-правовой охраны. Более близко нам мнение А.И. Чучаевым, что непосредственным объектом, статьи 292.1 УК РФ выступают интересы государственной и муниципальной службы в обеспечении порядка составления и оборота официальных документов[12]. По мнению Т. Л. Сергеевой, нарушая подлинность и истинность документов, преступник тем самым посягает на систему отношений, установленную в советском социалистическом обществе для удостоверения письменными актами событий и фактов, имеющих юридическое значение. Такого рода система общественных отношений и является непосредственным объектом посягательства при всякого рода подлогах документов[13].

На наш взгляд, толкование объекта служебного подлога содержится в Определении Конституционного Суда РФ от 13.10.2009 № 1236-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мигутиной Юлии Сергеевны на нарушение ее конституционных прав положениями статьи 292 Уголовного кодекса Российской Федерации». В нем указано, что исходя из публичных интересов обеспечения и защиты установленного порядка документооборота, документального удостоверения юридически значимых фактов и учитывая множественность видов и форм документов и их предназначение, федеральный законодатель в статье 292 УК Российской Федерации предусмотрел ответственность за внесение должностным лицом, а также государственным служащим или служащим органа местного самоуправления, не являющимся должностным лицом, в официальные документы заведомо ложных сведений, а равно внесение в указанные документы исправлений, искажаю-

щих их действительное содержание, не определяя понятие официального документа[14].

Суммируя указанные определения мы сформулируем собственное определение. Объектом преступлений, предусмотренных статьями 292 и 292.1 УК РФ, следует считать законный официальный документооборот, осуществляемый в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации должностными лицами, а также государственными служащими или служащими органа местного самоуправления, не являющимися должностными лицами.

При этом следует учитывать, что согласно Постановлению Правительства РФ от 15.06.2009 № 477 «Об утверждении Правил делопроизводства в федеральных органах исполнительной власти» документооборот – движение документов с момента их создания или получения до завершения исполнения, помещения в дело и (или) отправки[15].

Если объекты у различного вида служебных подлогов практически совпадают, то предметы деяний, предусмотренных статьями 292 и 292.1 УК РФ, различны.

Н.А. Лопашенко справедливо отметила, что нематериальные блага также иногда могут быть предметом преступных посягательств, например составов служебного подлога (ст. 292 УК РФ) [16]. Действительно, официальные документы не имеют стоимости и не могут быть предметом сделок.

Рассмотрим нормативно установленные определения документа. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» документированной информацией признает – зафиксированную на материальном носителе путем документирования информации с реквизитами, позволяющими определить такую информацию или в установленных законодательством Российской Федерации случаях ее материальный носитель[17].

Федеральный закон от 29.12.1994 г. № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» документом признает материальный носитель с зафиксированной на нем в любой форме информацией в виде текста, звукозаписи, изображения и (или) их сочетания, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифи-

цировать, и предназначен для передачи во времени и в пространстве в целях общественного использования и хранения [18]. В ч. 6 ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ дан перечень официальных документов государственных органов и органов местного самоуправления муниципальных образований: законы, другие нормативные акты, судебные решения, иные материалы законодательного, административного и судебного характера, официальные документы международных организаций, а также их официальные переводы [19]. Однако не все они могут быть предметами служебных подлогов, в частности, законы.

По мнению Л.А. Букалеровой легально официальными документами названы следующие: нормативный правовой акт; аудиторское заключение; лицензия, адвокатский ордер, архивная справка; ежегодный государственный доклад по вопросам защиты прав потребителей; государственный доклад о состоянии безопасности дорожного движения в Российской Федерации и ряд других [20].

В Определении Конституционного Суда РФ от 13.10.2009 № 1236-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мигутиной Юлии Сергеевны на нарушение ее конституционных прав положениями статьи 292 Уголовного кодекса Российской Федерации» указано, что оценка документа как предмета данного преступления не является произвольной, поскольку официальными документами в силу действующего законодательства (статья 5 Федерального закона от 29 декабря 1994 года № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов») являются документы, принятые органами законодательной, исполнительной и судебной власти, носящие обязательный, рекомендательный или информационный характер [21].

Однако предложенное Конституционным Судом Российской Федерации решение не является исчерпывающим и поэтому, однозначно применимым для всех случаев квалификации преступлений.

Следует отметить, что точного определения или перечня официальных документов на сегодняшний день нет.

В теории уголовного права имеется ряд определений официальных документов. При этом необходимо учитывать мнение Н.И. Коржанского, что «предмет преступления – это конкретный материальный объект, в котором

проявляются определенные стороны, свойства общественных отношений (объекта преступления), путем физического или психического воздействия на который причиняется социально опасный вред в сфере этих общественных отношений» [22].

Б.В. Волженкин официальный документ в качестве предмета служебного подлога определял как документированную информацию, зафиксированную на любом материальном носителе, выдаваемую (исходящую) государственными органами, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными учреждениями, органами управления и должностными лицами Вооруженных Сил, других войск и войсковых формирований РФ, а равно документированную информацию, выдаваемую частными лицами, коммерческими и иными организациями, находящуюся в ведении (делопроизводстве) государственных и муниципальных органов и учреждений, для удостоверения фактов имеющих юридическое значение. По мнению автора официальные документы должны содержать необходимые реквизиты в зависимости от характера документа и его материального носителя и быть подписаны со ответствующим должностным лицом либо снабжены электронной цифровой подписью [23].

Затихли в науке споры об обязательном наличии признака «письменность» у официального документа. И.А. Клепицкий, справедливо указывает, что «распространение понятия документа (предмета подлога) на технические записи – сегодня закономерное и повсеместное явление. Усложнение имущественных отношений, повлекшее усложнение документации, революция способах фиксирования человеческой мысли – все это сделало определение понятия документа посредством признака его письменности излишне формальным» [24].

По мнению О. И. Калесиной, понятия документа, официального документа, личного документа, поддельного документа являются бланкетно-оценочными. Законодатель в различных нормах толкует их по-разному, в результате чего идентичный документ (например, паспорт) в одной норме выступает в качестве личного, а в другой – официального. Признаками документа для целей уголовно-правового регулирования следует считать форму существования, наличие реквизитов, удостоверительную функцию и сведения об авторе. Единственное общее требование к форме существования документа – объективная способность однозначно ее вос-

принимать, в том числе с помощью технических устройств (например, компьютера).

Различие между официальными и частными документами прослеживается на уровне их автора и вытекающего отсюда публичного статуса такого документа. Автор официального документа – должностное лицо, коллегиальный государственный (муниципальный) орган или учреждение. Документ, находящийся в делопроизводстве публичных органов власти, также относится к официальным. Частный документ исходит от любых других лиц, он должен содержать юридически значимую информацию, его можно идентифицировать с точки зрения достоверности и источника происхождения (автора). Личный документ отличается от прочих частных документов тем, что его составитель выступает от своего имени и не в качестве служащего[25].

По мнению Н.А. Егоровой о юридически значимых фактах может свидетельствовать информация на различных материальных носителях. Однако такие носители и запечатленная на них информация, даже отвечающая перечисленным требованиям, могут быть предметом подлога как оконченного преступления лишь в том случае, когда имеют непосредственное удостоверительное значение. Если же информация должна быть перенесена на другой носитель или не имеет юридического значения без соответствующего письменного акта, то искажение такого «документа» может быть только предварительной преступной деятельностью либо содержит иной состав преступления (например, предусмотренный ст. 272 УК).

Т.Б. Басова также отмечает такой обязательный признак официальных документов как компетентность органа, учреждения и их должностных лиц. В соответствии с этим требованием документ должен исходить от органа, должностного лица, имеющих полномочия по их подготовке, выдаче либо удостоверения, а содержащиеся в них факты, сведения, права – вытекать

из этих полномочий. К таким органам относятся государственные органы и органы местного самоуправления, а к учреждениям – государственные или муниципальные учреждения[26].

Т. Л. Сергеева писала, что в общем виде документ, являющийся предметом подлога, может быть определен как письменный акт, предназначенный при его создании или при подлоге служить удостоверением действительных или ложных событий или фактов, имеющих юридическое значение[27]. Рассматривая данное Т. Л. Сергеевой определение документа, следует прийти к выводу, что в нем объединены два вопроса: 1) что такое документ и 2) является ли он подлинным. Представляется, что два эти вопроса должны быть разделены. Совершенно очевидно, что определение документа не может включать указание на то, удовлетворяет ли соответствующий документ своему назначению, ибо это уже вполне самостоятельный вопрос. Документ, который вследствие подделки не удовлетворяет своему назначению подлинного документа, не может быть предметом подлога.

Поэтому один из признаков официальности означает, что документ как носитель информации, имеющей юридическое значение, исходит от государственной или муниципальной организации либо от частных лиц или негосударственных организаций, но находится в ведении (делопроизводстве) государственной (муниципальной) организации.

Обобщая высказанные учеными мнения, сформулируем свое определение понятия официальный документ – это акт, который удостоверяет события или факты, имеющие юридическое значение, либо способные повлечь юридические последствия, изложенный на любом носителе, имеющем установленные нормативными актами реквизиты, должностным лицом, а также государственным служащим или служащим органа местного самоуправления, не являющимся должностным лицом.

Литература:

1. См.: Трайнин А.Н. Избранные труды. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. – С. 71.
2. См., напр.: Дурманов Н.Д. Понятие преступления. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 43; Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. – М.: Госюриздат, 1960. – С. 92 – 93; Расторопов С.В. Понятие объекта преступления: история, состояние, перспектива // Уголовное право. – 2002. – № 1. – С. 37; и др.
3. См.: Уголовное право России. Часть общая: Учебник для вузов / Под ред. Л.Л. Кругликова. – М., 2005. – С. 72.

4. Наумов А.В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктринальное толкование (постатейный) // под ред. Г.М. Резника.- «Волтерс Клувер», 2005.
5. Полный курс уголовного права: В 5 т. / Под ред. докт. юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ А. И. Коробеева. Т. V: Преступления против государственной власти. Преступления против военной службы. Преступления против мира и безопасности человечества. Международное уголовное право. — СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008—с. 92 .
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный)//под ред. А.И. Чучаева.-"КОНТРАКТ", "ИНФРА-М", 2009
7. И.Б. Малиновский Коррупция и уголовный закон //Российский следователь.- 2009. – N 15.
8. Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. Н.И. Ветрова и Ю.И. Ляпунова. М., 1998. С. 586.
9. Волженкин Б.В. Служебные преступления. – М.: Юрист, 2000. С. 97.
10. Российская газета, N 207, 30.10.2009.
11. Наумов А.В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктринальное толкование.// под ред. Г.М. Резника. – Волтерс Клувер, 2005.
12. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) //под ред. А.И. Чучаева. – КОНТРАКТ, ИНФРА-М. – 2009.
13. Т. Л. Сергеева. Борьба с подлогами документов по советскому уголовному праву. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 33.
14. Документ опубликован не был.
15. Собрание законодательства РФ, 22.06.2009, N 25, ст. 306.
16. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ). – Волтерс Клувер, 2006.
17. Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, N 31 (1 ч.), ст. 3448.
18. Собрание законодательства РФ, 02.01.1995, N 1, ст. 1.
19. Собрание законодательства РФ, 25.12.2006, N 52 (1 ч.), ст. 5496.
20. Букалерева Л.А. Информационные преступления в сфере порядка управления: учеб. пособие/ Л.А. Букалерева ; под. ред. В.А. Авдийского; РПА Минюста России. – М. : РПА Минюста России, 2009. –с. 150-151.
21. Документ опубликован не был.
22. Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. С. 103.
23. Волженкин Б.В. Служебные преступления. – М.: Юрист, 2000. С 181-182
24. Клепицкий И.А. Документ как предмет подлога в уголовном праве // Государство и право. 1998. № 5.
25. Калешина О. И. Поддельный документ как предмет и средство совершения преступления: Автореф. ... дисс. кан. юрид. наук. Краснодар, 2006. 26 с. 7.
26. Полный курс уголовного права: В 5 т. / Под ред. докт. юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ А. И. Коробеева. Т. V: Преступления против государственной власти. Преступления против военной службы. Преступления против мира и безопасности человечества. Международное уголовное право. — СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008—с. 176.
27. Т. Л. Сергеева. Борьба с подлогами документов по советскому уголовному праву. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 33.

Рецензент: **Танимов Олег Владимирович**,
кандидат юридических наук, доцент

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ЕНДРО Елизавета Николаевна

бизнес-консультант компании «Style-Object», г. Ульяновск

E-mail: endro@mail.ru

ЕРОХИНА Юлия Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и сравнительного правоведения факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), г. Москва

E-mail: yerohina@hse.ru

ЗАЦЕПИН Александр Михайлович,

кандидат юридических наук, майор полиции, начальник отдела организации агентурно-оперативной работы управления уголовного розыска Главного управления МВД России по Свердловской области, г. Екатеринбург

E-mail: tp0507@ya.ru

ЛЕОНТЬЕВ Борис Борисович,

доктор экономических наук, профессор, Генеральный директор Федерального института сертификации и оценки интеллектуальной собственности и бизнеса (ЗАО «СОИС»), зам. председателя Комитета по интеллектуальной собственности ТПП РФ, эксперт WIPO, эксперт ФАПРИД, эксперт НЦПИ при Минюсте РФ, эксперт Фонда «Сколково», г. Москва

E-mail: info@sois.ru

ПЕРМЯКОВ Максим Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уральского юридического института МВД России, майор полиции, г. Екатеринбург

E-mail: pmv0929@ya.ru

ПИТИКИН Руслан Алексеевич,

подполковник полиции, заместитель начальника отдела Министерства внутренних дел по району Преображенское, г. Москва

E-mail: umora-ra@mail.ru

РОГОВАЯ Анастасия Владимировна,

кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник НИИ Российской правовой академии Минюста России, г. Москва

E-mail: av_rogovaya@mail.ru

САВИЧЕВ Алексей Аркадьевич,

ведущий юрисконсульт Федерального бюджетного учреждения «Научный центр правовой информации» при Минюсте России, г. Москва

E-mail: usx7801@mail.ru

ТАНИМОВ Олег Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник Федерального бюджетного учреждения «Научный центр правовой информации при Министерстве юстиции Российской Федерации», г. Москва

E-mail: tanimov@mail.ru

ФИЛИПОВА Ольга Владимировна,

кандидат юридических наук, нотариус, г. Екатеринбург

E-mail: tp0507@ya.ru

ЯСТРЕБОВ Владислав Борисович,

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник НИИ Российской правовой академии Минюста России.

E-mail: 18031937@rambler.ru

INFORMATION ON THE AUTHORS

Elizaveta N. ENDRO

Business Consultant at Style-Object Company, Ulyanovsk

E-mail: endro@mail.ru

Yuliya V. EROKHINA

Ph.D. in Law, Associate Professor at the Chair of Legal Theory and Comparative Law of the Faculty of Law of the National Research University “Higher School of Economics”, Moscow

E-mail: yerohina@hse.ru

Aleksandr M. ZATSEPIN

Ph.D. in Law, Major of Police, Head of the Division for the Organisation of Human Intelligence Operations of the Criminal Investigation Directorate of Sverdlovsk Oblast Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg

E-mail: tp0507@ya.ru

Boris B. LEONTYEV

Grand Ph.D. in Economics, Full Professor, Director General of the Federal Institute of Certification and Evaluation of Intellectual Property and Business (CJSC “SOIS”), Deputy Chairman of the Intellectual Property Committee of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation, WIPO expert, expert at the Federal Agency for Legal Protection of the Results of Military, Special, and Dual-Use Intellectual Activities, expert at the Federal State-Funded Institution “Scientific Centre of Legal Information” under the Ministry of Justice of the Russian Federation, expert at Skolkovo Fund, Moscow

E-mail: info@sois.ru

Maksim V. PERMYAKOV

Ph.D. in Law, Associate Professor at the Chair of Investigation and Search Activities of Bodies of Internal Affairs of Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Major of Police, Ekaterinburg

E-mail: pmv0929@ya.ru

Ruslan A. PITIKIN

Lieutenant Colonel of Police, Deputy Head of Preobrazhenskoe District Division of the Ministry of Internal Affairs, Moscow

E-mail: umora-ra@mail.ru

Anastasiya V. ROGOVAYA

Ph.D. in Sociology, Leading Staff Scientist at the Scientific Research Institute of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia, Moscow

E-mail: av_rogovaya@mail.ru

Aleksey A. SAVICHEV

Leading Legal Adviser at the Federal State-Funded Institution “Scientific Centre of Legal Information” under the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow

E-mail: ucx7801@mail.ru

Oleg V. TANIMOV

Ph.D. in Law, Associate Professor, Senior Staff Scientist at the Federal State-Funded Institution “Scientific Centre of Legal Information” under the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow

E-mail: tanimov@mail.ru

Olga V. FILIPPOVA

Ph.D. in Law, notary public, Ekaterinburg

E-mail: tp0507@ya.ru

Vladislav B. YASTREBOV

Grand Ph.D. in Law, Professor, Chief Staff Scientist at the Scientific Research Institute of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia, Moscow

E-mail: 18031937@rambler.ru

ABSTRACTS AND KEYWORDS

Vladislav B. YASTREBOV, Grand Ph.D. in Law, Professor

Moscow

e-mail: 18031937@rambler.ru

MONITORING THE PRACTICE OF ENFORCEMENT OF DECISIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CRIMINAL JUSTICE SPHERE

Abstract: The paper analyses the results of monitoring the practice of enforcement of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the criminal justice sphere and, basing on this analysis, covers the role and meaning of the activities of the higher judicial body court in the field of strengthening the constitutional rule of law, ensuring the rule of law, protection of rights and freedoms of the participants of the criminal procedure, societal and governmental interests, illustrates the constructive role of monitoring the enforcement of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the detection and mobilisation of the resources for improving the efficiency of their impact on the state of crime prevention, the legal situation in the country at large, and sets forth considerations concerning the possibilities of improving the law-making and law enforcement activities related to the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Keywords: constitutional review, constitutional rule of law, criminal justice, monitoring, criminal procedure law.

Yuliya V. EROKHINA, Ph.D. in Law, Associate Professor

e-mail: yerohina@hse.ru

PROBLEMS OF DETERMINING THE SUBJECT OF CORRUPTION OFFENCES IN CIS MEMBER STATES

Abstract: The paper focuses on problems of determining the subject of corruption offences in CIS member states. The laws of CIS member states in the said field are analysed.

Keywords: corruption, corruption offence, CIS member states.

Anastasiya V. ROGOVAYA, Ph.D. in Sociology

Moscow

e-mail: av_rogovaya@mail.ru

ISSUES OF IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT OF COOPERATION BETWEEN PUBLIC AUTHORITIES, LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES, AND CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS IN THE FIELD OF COUNTERACTING CORRUPTION

Abstract: Issues concerning the efficiency of anti-corruption cooperation between public authorities, local self-government bodies, and civil society institutions are considered in the paper.

Keywords: state, civil society institutions, counteracting corruption, cooperation.

Olga V. FILIPPOVA, Ph.D. in Law

Ekaterinburg

e-mail: tp0507@ya.ru

CRIMINAL LAW REGULATION OF CONFISCATION OF PROPERTY IN TODAY'S RUSSIA

Abstract: Confiscation of property has been considered as being a measure of criminal law influence on the person guilty of an offence and a most efficient preventive measure in the struggle against criminal manifestations of economic, extremist, terrorist, and organised nature.

Keywords: confiscation, restriction and deprivation of rights, limitations of rights, coercion, property, private property, ethnonational extremism, corruption.

Aleksandr M. ZATSEPIN, Ph.D. in Law, Major of Police

Ekaterinburg

e-mail: tp0507@ya.ru

SPECIAL ASPECTS OF ORGANISING AN EXAMINATION OF THE SCENE OF ACCIDENT WHILE INVESTIGATING OFFENCES COMMITTED USING EXPLOSIVE MATERIALS AND EXPLOSIVE DEVICES

Abstract: Certain problem aspects of the process of detecting, preventing, solving, and investigating criminal manifestations related to using explosive materials and explosive devices have been considered by the author. In particular, an algorithm of actions to be carried out in examining the scene of accident while investigating offences committed using explosive materials and explosive devices has been proposed in the paper.

Keywords: examination of the scene of accident, explosive material, explosive device, investigation, explosion, police, evacuation, forensic explosive investigation, RDX (cyclonite), bomb technician, microfibres.

**Maksim V. PERMYAKOV, Ph.D. in Law, Associate Professor, Major of Police
Ekaterinburg**

e-mail: pmv0929@ya.ru

PROBLEMS OF CRIMINAL LAW LABELLING OF ILLICIT TRAFFICKING IN NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES

Abstract: Problems of criminal law labelling of criminal manifestations related to illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances, and their analogues as well as special aspects of preservation of evidence for offences of such nature have been considered by the author.

Keywords: law enforcer, illicit trafficking, narcotic drug, psychotropic substance, analogue, sale, offence, potent substance, poisonous substance, psychoactive property.

Oleg V. TANIMOV, Ph.D. in Law, Associate Professor

e-mail: tanimov@mail.ru

Elizaveta N. ENDRO, Business Consultant at Style-Object Company

e-mail: endroen@yandex.ru

PROSPECTS OF DOMESTIC POLICY OF ULYANOVSK OBLAST

Abstract: The paper analyses renewable and non-renewable domestic resources, agriculture, industry, and different kinds of production of Ulyanovsk Oblast, evaluates prospects for domestic policy development in relation to the resource base of the region and standard-setting instruments securing domestic policy development processes.

A conclusion is made that Ulyanovsk Oblast which has certain competitive advantages, innovative as well as outright successful areas of activity, cannot fully realise its potential due to a number of reasons. So some proposals concerning the optimisation of the region's domestic policy are presented in the paper.

Keywords: Ulyanovsk Oblast, domestic policy, forests, agro-industrial complex, enterprise.

Ruslan A. PITIKIN, Lieutenant Colonel of Police

e-mail: umora-ra@mail.ru

THE NOTION OF FORGERY: THE LEGISLATIVE AND DOCTRINAL APPROACH

Abstract: Issues of defining the notion of forgery in public office as well as the main provisions of establishing liability for forgery in public office in Russian laws are considered in the paper.

Keywords: notion of the subject of forgery in public office, forgery in public office, main features of forgery, Russian laws.

Aleksey A. SAVICHEV, Ph.D. Student

e-mail: ucx7801@mail.ru

THE LEGAL STATUS OF GOVERNORS-GENERAL IN THE SYSTEM OF ADMINISTRATION OF CITIES OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

Abstract: The main issues of the Governor-General's administrative activities in certain parts of Russia, in particular in cities, in the second half of the 19th century have been considered.

Keywords: Governor-General, city administration, local administration, self-governance, social class, administrative and police authority.

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ:

Главный редактор

Г. И. Макаренко

Начальник РИО

Ю. В. Матвиенко

Перевод

Т.В. Галатонов

Дизайн

А. С. Михеева

Компьютерная верстка

И.С. Гольшев

Тиражирование (печать)

Н. Г. Шабанова